This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HL 1ROX B

A7
Kandinskiĭ, V. Kh
O. nevmieniaemosti...

HARVARD LAW LIBRARY

Received MAY 6 1935

Штрацхъ.

M. Kuoen

КЪ ВОПРОСУ

О НЕВМѢНЯЕМОСТИ

В. Х. Кандинскій

СТАРШІЙ ОРДИНАТОРЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГОРОДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА, ЧЛЕНЪ ОБЩЕСТВА ПСИХІАТРОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ЧЛЕНЪ МОСКОВСКАГО МЕДИЦИНСКАГО И МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

»Magna est veritas et praevalebit«.

Изданіе Е. К. Кандинской.

МОСКВА

Складъ изданія

въ книжномъ магазинѣ А. А. Ланга

Кузнецкій Мостъ 15

1890

MAY 6 1935

Типографія **Эдуарда Гоппе**, СПб. Вознесенскій просп. № 53.

Отъ издательницы.

Въ теченіи двухъ лѣтъ В. Х. Кандинскій готовился къ большой работѣ о свободѣ воли. Въ бумагахъ его сохранилось много отрывковъ и замѣтокъ, но только онъ самъ могъ бы ихъ обработать и привесть въ стройное цѣлое. Остался и общій планъ работы. »Мой трудъ«, говоритъ В. Х. Кандинскій въ своемъ введеніи, »имѣя заглавіемъ: О свободѣ воли (медико-философское изслѣдованіе) распадается на три части. Первая часть: »ученіе о свободѣ дѣйствованія«, по свойству предмета носитъ характеръ изслѣдованія философско-психологическаго; вторая часть: »ученіе объ отвѣтственности«, трактуетъ о вопросахъ, относящихся къ области индивидуальной и общественной этики; третья часть: »ученіе о вмѣненіи и о состояніяхъ невмѣняемости«, примѣняетъ принципы, добытые предъидущими изслѣдованіями къ практикѣ судебной, имѣетъ главнымъ содержаніемъ своимъ чисто практическіе вопросы судебной психопатологіи. Тѣсная взаимная связь всѣхъ вопросовъ, о которыхъ трактуется въ этомъ литературномъ трудѣ, для всякаго очевидна. Я придаю особенное значеніе разсмотрѣнію всѣхъ этихъ вопросовъ въ непосредственной связи одного съ другимъ; спокойствіе, послѣдовательность и увѣренность дѣйствованія въ области столь трудной и налагающей на дѣйствователя отвѣтственность столь серьозную, какъ дѣя-

тельность медико-судебная, возможны лишь при твердости принципіальной почвы. Въ стройномъ міросозерцаніи нѣтъ мѣста прорѣхамъ и цѣпь умозаключеній, имѣя точкою исхода конкретные факты опыта, должна, не прерываясь, восходить до высшихъ обобщеній нашей мысли«. Въ числѣ матеріаловъ, относящихся къ третьей части, т. е. къ ученію о вмѣненіи и о состояніяхъ невмѣняемости, упомянуты какъ судебно-медицинскія заключенія изъ практики В. Х. Кандинскаго, такъ и его докладная записка о необходимости психологическаго критерія невмѣняемости въ статьѣ объ условіяхъ вмѣненія. Такъ какъ всей работѣ не суждено быть доконченной, то я сочла своимъ долгомъ напечатать, по крайней мѣрѣ, ту часть матеріаловъ, которая сама по себѣ имѣетъ извѣстный интересъ и представляетъ нѣчто вполнѣ законченное, при чемъ отъ себя я вставила только нѣкоторыя необходимыя объясненія и примѣчанія. Каждое изъ медицинскихъ заключеній можетъ служить нагляднымъ примѣромъ примѣненія къ практикѣ усвоенныхъ В. Х. Кандинскимъ принципіальныхъ взглядовъ; въ нихъ видно, какъ терпѣливо и упорно онъ добивался истины и какъ настойчиво онъ держался своихъ убѣжденій, хотя бы при этомъ и встрѣчалъ иногда, повидимому, непреодолимыя препятствія. Онъ неоднократно повторялъ въ такихъ случаяхъ: »Magna est veritas et praevalebit«, слова, которыя по этому и взяты эпиграфомъ къ настоящей книгѣ.

Е. К.

С.-Петербургъ, 23-го Марта 1890.

I.

Къ вопросу о формулированіи въ новомъ Уложеніи о Наказаніяхъ статьи объ условіяхъ вмѣненія.

1883.

Предлагаемое вниманію читателей „Особое мнѣніе“, читанное д-ромъ В. Х. Кандинскимъ въ засѣданіи Общества Психіатровъ въ С.-Петербургѣ 18-го февраля 1883 г., не вошло въ свое время въ протоколы Общества частію по своему размѣру, частію, можетъ быть, и по какимъ нибудь другимъ соображеніямъ; не вошло оно также и въ „Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропаталогіи“, несмотря на то, что по мнѣнію д-ра А. Е. Черемшанскаго, бывшаго тогда секретаремъ Общества, „обсужденіе редакціи 36-ой статьи составляло видное событіе въ жизни психіатрическаго и юридическаго обществъ въ С.-Петербургѣ“, такъ что нелишне „занести было свѣдѣніе объ этомъ событіи на страницы „Вѣстника Психіатри“. (А. Е. Черемшанскій. — „Неспособность ко вмѣненію передъ судомъ психіатровъ и юристовъ“. Вѣстн. Псих. Г. первый, вып. I). При нѣсколько запоздаломъ появленіи „Особаго мнѣнія“ въ печати въ настоящее время, необходимо указать по какому поводу и при какихъ обстоятельствахъ оно было написано. Для этого позволяю себѣ привести выдержки изъ Отдѣла критики и библіографіи „Вѣстника судебной медицины“ (Т. IV, отд. V. стр. 1 и сл.), гдѣ это изложено съ достаточною подробностью. А именно, д-ръ Л. Ф. Рагозинъ, разбирая только что упомянутую статью д-ра А. Е. Черемшанскаго, говоритъ между прочимъ слѣдующее:

„Суть всего дѣла, какъ извѣстно, въ томъ, что статья 36-ая проэкта новаго уложенія о наказаніяхъ, касающаяся вопроса о „невмѣняемости при ненормальномъ умственномъ

состоянiи подсудимаго, предложена была, по инициативѣ предсѣдателя уголовнаго отдѣленiя Юридическаго Общества, на обсужденiе Общества психiатровъ въ С.-Петербургѣ. Послѣднее, посвятивъ три засѣданiя обсужденiю редакцiи помянутой статьи, большинствомъ голосовъ признало ее неудовлетворительной, такъ какъ юристы желали ввести въ статью закона психологическiй критерiй умственнаго разстройства, тогда какъ, по мнѣнiю, санкцiонированному большинствомъ членовъ Общ. Псих., немыслимо даже придумать такой критерiй, который бы обнималъ собою всевозможные виды ненормальности психичиской дѣятельности, не говоря уже о томъ, что наука не должа быть стѣсняема какими-бы то ни было рамками. Меньшинство въ психiатрическомъ обществѣ, въ числѣ 4—5 человѣкъ стояло за необходимость введенiя въ статью закона психологическаго критерiя, или вообще формулировки того основнаго положенiя, въ силу котораго человѣкъ съ ненормальною психическою дѣятельностью не долженъ подлежать отвѣтственности за дѣйствiя такъ или иначе связанныя съ этою ненормальностью. Психiатры не рѣшили спора между собою и перенесли его въ засѣданiя Юридическаго Общества, гдѣ послѣ двухъ засѣданiй, вопросъ, по большинству голосовъ, былъ рѣшенъ въ смыслѣ меньшинства Общ. Псих. — Понятно, что въ теченiи пяти засѣданiй было высказано не мало чрезвычайно разнообразныхъ доводовъ pro и contra, общее обозрѣнiе которыхъ и разборъ могли-бы, конечно, дать матерьялъ для весьма интересной работы касательно принципiальныхъ основъ судебно-медицинской экспертизы въ дѣлахъ, гдѣ возбужденъ вопросъ о вмѣняемости“.— Далѣе въ томъ-же разборѣ мы читаемъ: „доводы д-ра Кандинскаго въ защиту психологическаго критерiя неспособности ко вмѣненiю являются въ слѣдующей формѣ: „основываясь главнымъ образомъ“, говоритъ г. Черемшанскiй, на томъ, что „если въ законѣ имѣется полное опредѣленiе понятiя „невмѣняемость“, то указанiя на отдѣльныя причины неспособности ко вмѣненiю становятся излишними, ленъ Общ. Псих. В. Х. Кандинскiй, одинъ изъ защит-

никовъ психологическаго критерія невмѣняемости, предложилъ такую формулировку 36-ой статьи": (Формулировка приведена въ концѣ „Особаго мнѣнія" стр.). „Прежде всего необходимо пояснить", говоритъ далѣе д-ръ Рагозинъ, „что д-ръ Кандинскій вовсе не прямо выступилъ съ собственнымъ проэктомъ, „основываясь главнымъ образомъ"... и т. д., а сначала ограничился защитою редакціи 36-ой статьи въ томъ видѣ, какъ она изложена въ проэктѣ редакціонной коммиссіи. Затѣмъ уже, въ подробной объяснительной запискѣ, читанной въ засѣданіи Общ. Псих., д-ръ Кандинскій, послѣ того, какъ имъ былъ выставленъ цѣлый рядъ доводовъ, (часть которыхъ приведена ниже) для показанія необходимости психологическаго критерія невмѣняемости или, по его выраженію, — выставленія въ законѣ общаго опредѣленія понятія о неспособности ко вмѣненію, и заключивъ свой докладъ тѣмъ, что статья 36-ая потеряетъ, по его мнѣнію, опредѣленный смыслъ, если оставить въ ней только краткій перечень отдѣльныхъ причинъ невмѣняемости, выключивъ психологическій критерій, представилъ свою формулировку какъ наглядное выраженіе того, что психологическій критерій есть на самомъ дѣлѣ существеннѣйшая часть 36-ой статьи, отъ которой зависитъ весь ея смыслъ и которая собственно можетъ занять собою всю статью, такъ какъ скорѣе можетъ быть опущенъ безъ всякаго ущерба для дѣла перечень отдѣльныхъ причинъ невмѣняемости..." „Наконецъ", прибавляетъ д-ръ Рагозинъ, „и въ той части своей статьи, которую г. Черемшанскій начинаетъ обѣщаніемъ „изложить доводы защитниковъ критерія", онъ не даетъ никакого представленія объ аргументаціи г. Кандинскаго и довольствуется голословными утвержденіями въ родѣ того, что „гдѣ экспертами бываютъ спеціалисты по психіатріи, взаимное пониманіе между ними, судьями и присяжными обыкновенно устанавливается легко". Насколько оно дѣйствительно, между прочимъ, устанавливается легко, показала какъ нельзя лучше самая-же исторія обсужденія 36-ой статьи проэкта новаго уложенія".

Изъ вышеприведеннаго не трудно замѣтить, что объяснительная записка д-ра В. Х. Кандинскаго, одного изъ самыхъ пламенныхъ защитниковъ психологическаго критерія, была имъ написана въ самый разгаръ довольно бурныхъ преній по вопросы объ редакціи 36-ой статьи, чѣмъ и объясняется ея, можетъ-быть, слишкомъ горячій, полемическій тонъ. Теперь, спустя шесть лѣтъ, когда волненіе давно улеглось, но самый вопросъ еще не вполнѣ законченъ, я считаю возможнымъ напечатать „Особое мнѣніе“ сполна, безъ измѣненій, такъ какъ въ немъ въ сжатой формѣ изложены тѣ взгляды В. Х. Кандинскаго на судебно-психіатрическую экспертизу и роль эксперта-психіатра, которые онъ постоянно и неуклонно проводилъ и въ теоріи, и на практикѣ.

Издательница **Е. К.**

12-го января 1890 г.

Въ Общество Психіатровъ въ С.-Петербургѣ.

Дѣйствительнаго члена этого Общества
врача В. Х. Кандинскаго.

Особое мнѣніе.

Въ прошлое засѣданіе Общества при обсужденіи редакціи 36 ст. проэктированнаго Уложенія о наказаніяхъ громадное большинство присутствовавшихъ членовъ Общества *), путемъ баллотировки обсуждаемаго вопроса, поставило такого рода резолюцію: »не только не нужно, но даже и прямо неудобно устанавливать въ законѣ общій критерій или общее опредѣленіе невмѣняемости. Слѣдуетъ ограничиться лишь указаніемъ, въ самыхъ общихъ и широкихъ предѣлахъ ея отдѣльныхъ причинъ«.

---

*) Въ засѣданіи 12-го февраля, на поставленный г. Предсѣдателемъ, въ заключеніе преній, вопросъ: »можно ли считать вообще необходимымъ психологическій критерій невмѣняемости въ статьѣ Уложенія, въ которой говорится о ненормальныхъ душевныхъ состояніяхъ, и если онъ необходимъ, то удовлетворяетъ ли научнымъ требованіямъ критерій, даваемый 36-ою статьею?« — изъ 22 присутствовавшихъ членовъ 20 высказалось отрицательно. (Проток. засѣд. Общ. Псих. въ СПБ. 1883 г. стр. 16.) Прим. издат.

Къ этой резолюціи Общества я положительно не могу присоединиться и притомъ по многимъ основаніямъ.

Общія опредѣленія необходимы для вполнѣ отчетливаго пониманія дѣла. Удобство общихъ опредѣленій (разумѣется, если они вѣрно сдѣланы) въ томъ и состоитъ, что, понявъ ихъ, мы понимаемъ въ частности всѣ конкретные случаи, этими опредѣленіями обнимаемые.

Понятія могутъ быть составлены вѣрно и невѣрно. Общія опредѣленія, т. е. словесныя выраженія понятій, независимо отъ вѣрности или невѣрности самихъ понятій, могутъ быть точными и неточными.

Въ вопросѣ о невмѣняемости прежде всего важно опредѣленіе самого понятія »невмѣняемость« или »способность ко вмѣненію«. И, разумѣется, для судебно-медицинской практики будетъ всего лучше, если какъ врачи, такъ и юристы остановятся на одномъ общемъ опредѣленіи понятія о невмѣненіи, на одномъ общемъ критеріи невмѣняемости. Такой общій критерій и долженъ, такъ сказать, составлять общую почву для врачей и юристовъ, почву, на которой могли бы сходиться эксперты и судьи при оцѣнкѣ значенія отдѣльныхъ причинъ, вліявшихъ на душевную дѣятельность въ томъ или другомъ конкретномъ судебномъ случаѣ. Безъ такой общей почвы, какъ я прямо утверждаю, не можетъ быть и рѣчи о взаимномъ пониманіи между врачами и юристами, а при отсутствіи такого взаимнаго пониманія, врачъ-экспертъ, призванный въ судъ дать свое заключеніе о психическомъ состояніи обвиняемаго, разумѣется, не будетъ имѣть возможности согласовать принципы и взгляды современной психіатріи съ требованіями уголовнаго закона. Однако, изъ сказаннаго здѣсь въ прошлое засѣданіе какъ будто бы выходитъ, что по мнѣнію большинства членовъ этого Общества, врачъ, высказывающій

въ судѣ принципы современной психіатріи, и не долженъ заботиться о согласованіи этихъ принциповъ съ требованіями уголовнаго закона, а долженъ вполнѣ предоставить заботу о такомъ согласованіи юристамъ. Къ сожалѣнію юристы наоборотъ думаютъ, что такое согласованіе принадлежитъ къ функціи экспертовъ, а что юристы возлагаютъ на насъ именно такого рода, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ слишкомъ большія надежды, явствуетъ для меня прежде всего изъ напечатаннаго на стр. 108 объясненій къ проэкту редакціонной коммиссіи. Да, должно быть, и Медицинскій Департаментъ полагаетъ, что согласованіе научныхъ медицинскихъ принциповъ съ требованіями закона есть дѣло врачей, иначе онъ не обязывалъ бы врачей употреблять въ судебно-медицинскихъ актахъ, для опредѣленія ненормальностей умственнаго состоянія изслѣдуемыхъ лицъ, выраженія, усвоенныя закономъ для такихъ случаевъ, — «дабы, какъ говоритъ циркуляръ, не затруднять судебныхъ мѣстъ въ примѣненіи закона». Но чтобы не затруднять судей въ примѣненіи закона, мы, врачи, необходимо должны понимать выраженія закономъ усвоенныя одинаково съ юристами; иначе намъ не трудно впасть и въ прямое противорѣчіе съ этими требованіями. — Если мы не хотимъ заботиться о согласованіи нашихъ психіатрическихъ воззрѣній, высказываемыхъ нами, напр., на судѣ, съ требованіями закона, то мы можемъ быть на судѣ только свидѣтелями, а не экспертами. Свидѣтель сообщаетъ лишь факты, свидѣтель врачъ, значитъ, можетъ (потому что и долженъ) ограничиться медицинскими фактами. Экспертъ же — умозаключаетъ и цѣль его умозаключеній должна привести судью къ правильному примѣненію закона въ данномъ случаѣ. Вотъ почему профессоръ Фойницкій въ своихъ лекціяхъ уголовнаго судопро-

изводства называетъ экспертовъ «помощниками суда». И такъ, неужели мы не хотимъ нести ту высокую функцію, которая предоставлена намъ Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства?...

Въ прошлый разъ былъ возбужденъ вопросъ: согласимы ли вообще наши научные спеціально-психіатрическіе взгляды съ требованіями уголовнаго закона, согласимы ли они съ современными принципами уголовнаго права? — Да отчего же тутъ не будетъ согласимости? Вѣдь мы, психіатры, не вздумаемъ же отрицать всю научную психологію, изъ представителей которой мнѣ достаточно лишь назвать имена Джемса и Джона Миллей, Бэна, Спенсера, Вундта, Горвица, Джорджа Генриха Льюиса. Ученіе о волѣ, разумѣется, не въ смыслѣ спиритуалистическомъ, а въ смыслѣ психологическомъ, прекрасно излагается у физіологовъ, напр. у Джорджа Льюиса, у Вильгельма Вундта въ его, переведенной мною на русскій языкъ Физіологической Психологіи, излагается также въ такихъ сочиненіяхъ какъ «Le Cerveau» парижскаго невролога Люиса и въ недавно вышедшемъ анатомо-физіологическомъ сочиненіи Чарльтона Бастіана «Le Cerveau et la pensée».

Поэтому, сославшись на эти труды, я считаю излишнимъ (да и не имѣю времени) развивать здѣсь психологическое ученіе о волѣ и объ ея, — разумѣется, условной — свободѣ. — Но, можетъ быть юристы вообще, и составители уголовныхъ уложеній въ частности, все еще въ своихъ понятіяхъ о волѣ стоятъ на почвѣ «метафизики»? Ничуть не бывало; кто утверждаетъ это, тотъ не только никогда не бралъ въ руки, напр., хоть курса русскаго уголовнаго права профессора Таганцева, но и не вслушался въ читавшіяся здѣсь въ прошлое засѣ-

даніе объясненія редакціонной коммиссіи, по которымъ прямо видно, что въ вопросѣ о свободѣ дѣйствованія члены редакціонной коммиссіи стояли вполнѣ на научно-психологической почвѣ, воспользовались выводомъ одинаково общимъ ученію эмпирической и физіологической психологическихъ школъ и, потому, что разумѣется не должно казаться удивительнымъ, выразили въ сущности тоже самое, что стоитъ у Краффтъ-Эбинга въ общей части его судебной психопатологіи. — Прежде чѣмъ оставлю эту сторону дѣла, скажу слѣдующее. Неосновательность высказаннаго (д-ромъ М. П. Л—вымъ) въ прошлый разъ утвержденія, что всѣ уложенія до сихъ поръ строятся на спиртуалистическомъ принципѣ абсолютно свободной воли, принципѣ нарушающемъ всеобщность закона причинности, — неосновательность этого утвержденія видна будетъ для всякаго, кто взглянетъ лишь на обертку нашего дѣйствующаго уложенія; въ самомъ дѣлѣ, тамъ напечатано: Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Значитъ, бываютъ наказанія исправительныя. Но тотъ, кто хочетъ путемъ наказанія исправлять злую волю, уже этимъ самымъ отрицаетъ абсолютную свободу воли и напротивъ утверждаетъ, что внѣшніе факторы (какъ напр. наказаніе) могутъ отражаться на волѣ опредѣляющимъ и измѣняющимъ образомъ; а что такое значитъ уголовныя наказанія и на что они разсчитаны? они разсчитаны на то, что страхъ поплатиться за преступное дѣяніе повліяетъ опредѣляющимъ образомъ на волю человѣка, умышляющаго такое дѣяніе, и онъ удержится отъ приведенія своего умысла въ исполненіе. Устрашающее значеніе наказаній, на которое законъ тоже разсчитываетъ, опять таки показываетъ, что уложенія о наказаніяхъ строятся не на принципѣ абсолютной свободы воли, а, напротивъ, на прин-

ципѣ ея опредѣляемости внѣшними факторами, на принципѣ детерминистическомъ, совершенно противоположномъ индетерминистическому ученію спиритуалистовъ.

И такъ, мое первое положеніе таково: установка въ законѣ общаго опредѣленія понятія о невмѣняемости необходима для возможности взаимнаго пониманія между врачами-психіатрами съ одной стороны и юристами, въ частности судьями, съ другой. Безъ такого взаимнаго пониманія правильное рѣшеніе тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, гдѣ возбужденъ вопросъ о присутствіи или отсутствіи въ данномъ случаѣ способности ко вмѣненію, едва ли возможно.

Хорошо ли формулированъ редакціонною коммиссіею общій критерій вмѣняемости, или недостаточно хорошо, — это я совершенно оставляю пока безъ обсужденія. Точно также, для меня совершенно побоченъ вопросъ: на мѣстѣ ли поставленъ этотъ критерій въ проэктѣ закона, не выгоднѣе ли, по практическимъ соображеніямъ, образовать изъ общаго опредѣленія понятія о невмѣняемости отдѣльную статью закона? Теперь я буду обсуждать только слѣдующій вопросъ, нуженъ ли собственно для насъ, для самихъ врачей, общій критерій невмѣняемости, другими словами, нужно намъ или нѣтъ общее опредѣленіе понятія о неспособности ко вмѣненію.

Я раньше указалъ уже значеніе общихъ опредѣленій; они обнимаютъ собою всѣ возможные отдѣльные конкретные случаи даннаго рода именно потому, что разъ изъ извѣстнаго, достаточно большаго количества однородныхъ фактовъ правильно составлено общее понятіе по методу индукціи, изъ этого общаго понятія всѣ остальные факты того же рода, хотя бы число ихъ было такъ же неизмѣримо велико, какъ число звѣздъ на небѣ, вы-

водятся путемъ дедукціи, путемъ силлогизма, а дедукція, какъ извѣстно, есть математическій методъ, единственно благодаря которому математика и представляетъ абсолютную точность.

Только при одномъ, но за то, къ сожалѣнію, неосуществимомъ условіи, можно было бы отбросить общій критерій невмѣняемости или общее опредѣленіе понятія о невмѣняемости, а именно, если бы была возможность полностью перечислить въ законѣ всѣ (безъ исключенія) отдѣльные конкретные случаи такого рода, гдѣ преступленіе не должно быть вмѣняемо въ вину. Но хотѣть этого, все равно, что хотѣть пересчитать всѣ звѣзды.— Однако, попробуемъ окинуть бѣглымъ взглядомъ эти случаи, перебирая ихъ, разумѣется, не единицами, а произвольно захваченными массами, т. е. будемъ перебирать, на сколько это возможно, отдѣльныя причины невмѣняемости. Я сдѣлаю этотъ обзоръ по курсу уголовнаго права проф. Таганцева. Группа А: Способность ко вмѣненію еще не развилась въ дѣйствующемъ субъектѣ. Сюда принадлежатъ: 1. Малолѣтство. 2. Прирожденное или съ младенческихъ лѣтъ пріобрѣтенное безуміе или полный идіотизмъ. (Идіотизмъ неполный или слабоуміе сюда поставлено быть не можетъ, разъ мы рѣшаемъ отбросить всякую мѣрку, которая могла бы служить при оріентированіи въ степеняхъ слабоумія, а нисшая степень слабоумія, простая глупость, какъ само собою разумѣется, не можетъ быть причиною невмѣняемости, ибо иначе ужъ черезчуръ много окажется людей, для которыхъ законъ не писанъ; при этомъ, напомню, что безъ критерія невозможно опредѣлить, гдѣ кончается идіотъ полный, а начинается идіотъ неполный или имбецилликъ). Затѣмъ, у Таганцева идетъ рубрика глухонѣмота, и затѣмъ неразвитость, происходящая отъ

вредно дѣйствующихъ условій воспитанія; далѣе, состояніе дикости и суевѣрнаго невѣжества и т. п. Ясно, что здѣсь вездѣ важенъ вопросъ о степени недостаточности умственныхъ способностей. — Группа В: Группа обстоятельствъ уничтожающихъ пріобрѣтенную способность ко вмѣненію: Отдѣлъ I. Ненормальныя, но и не прямо болѣзненныя состоянія организма, какъ-то: опьянѣніе; голодъ; аффекты и страсти; сонныя состоянія, лунатизмъ и просонки; далѣе — одряхлѣніе; одурѣніе отъ наркотическихъ средствъ. Отдѣлъ II. Болѣзненныя состоянія организма, вліяющія на душевную дѣятельность, разныя разстройства душевной дѣятельности, связанныя съ періодомъ половаго созрѣванія, съ менструаціею, съ беременностью, съ родами, съ послѣродовымъ состояніемъ, съ переходомъ въ климактерическій періодъ. Далѣе, горячечныя состоянія; извѣстныя нервныя болѣзни, ведущія къ разстройству душевной дѣятельности (истерика и эпилепсія); галлюцинаціи и иллюзіи и только, наконецъ, Отдѣлъ III, душевныя болѣзни въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. куда можно отнести лишь строго опредѣленныя клиническія формы душевнаго разстройства или, по крайней мѣрѣ, хорошо опредѣлившіеся симптоматологическіе комплексы. (Замѣчу мимоходомъ, что разъ откинутъ критерій вмѣняемости, разъ опредѣленная мѣрка отсутствуетъ, требуется оффиціально указанная классификація и номенклатура душевныхъ болѣзней; оставленный безъ всякой общей мѣрки, я сочту необходимымъ точно освѣдомиться о числѣ тѣхъ формъ душевнаго разстройства, которыя я обязательно принужденъ буду считать формами опредѣленными). И такъ, если считать причины невмѣняемости даже только по группамъ (группы эти Таганцевымъ захвачены совершенно произвольно, да иначе онъ и не могъ сдѣлать), то и тогда перечень вы-

ходитъ довольно длинный. Да еслибы и было возможно поставить въ законѣ полный перечень всѣхъ тѣхъ состояній, которыя уничтожаютъ или могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, уничтожать вмѣняемость, это рѣшительно ни къ чему бы не повело: почти во всѣхъ этихъ состояніяхъ возможны разныя степени, а если я лишенъ буду всякаго общаго критерія, то какъ я буду опредѣлять степени?

И такъ, мое второе положеніе: перечень отдѣльныхъ частныхъ причинъ невмѣняемости практически ни мало не поможетъ дѣлу опредѣленія способности ко вмѣненію въ каждомъ конкретномъ случаѣ, если въ самомъ перечнѣ причинъ не будетъ закономъ указана та степень, съ которой дѣйствіе каждой данной причины должно считаться обстоятельствомъ, уничтожающимъ способность ко вмѣненію.

Теперь изберемъ другой путь: вмѣсто того, чтобы стремиться къ невозможному, вмѣсто того, чтобы хотѣть перечисленія въ законѣ всѣхъ отдѣльныхъ спеціальныхъ формъ душевныхъ недостатковъ и страданій, поставимъ въ законѣ лишь одинъ общій критерій невмѣняемости, общее ея опредѣленіе, которое, разумѣется, и должно совмѣстить въ себѣ, какъ въ фокусѣ всевозможные конкретные случаи этого рода. Для людей, привыкшихъ оперировать съ обобщеніями, этимъ и будетъ дано все, что для дѣла требуется. Но къ общему опредѣленію невмѣняемости коммиссія, разумѣется, имѣя въ виду то, что не всѣ умѣютъ обращаться съ общими формулами, однимъ словомъ, имѣя въ виду публику и присяжныхъ, присоединила, какъ она говоритъ, «общую и широкую обрисовку причинъ невмѣняемости». Утвердивъ критерій, она, разумѣется, имѣла право ограни-

читься для причинъ обрисовкою общею и широкою, потому что имѣла право совершенно опустить всякую обрисовку причинъ. — Во всякомъ случаѣ относительно 36 ст. новаго уложенія, въ томъ ея полномъ видѣ, въ какомъ она напечатана въ проэктѣ редакціонной коммиссіи, я по существу дѣла ничего не имѣю сказать.

Но совсѣмъ другой смыслъ получитъ для меня редакція 36-ой статьи, если измѣнить ее такимъ образомъ, что, выкинувъ общій критерій невмѣняемости, т. е. выкинувъ именно ту часть статьи, въ которой заключается весь смыслъ ея, оставить на мѣстѣ лишь аксессуары. — Послѣ обработки въ прошломъ засѣданіи нашего Общества, 36 статья уголовнаго уложенія получаетъ, приблизительно, слѣдующій видъ *).

---

*) Въ засѣданіи 12-го февраля 1883 г. прочитаны были: 36-ая статья проэктируемой общей части новаго уложенія о наказаніяхъ и объясненія редакціонной коммиссіи министерства юстиціи, въ которыхъ подробно излагаются мотивы редакціи статьи. — Статья въ проэктѣ выражена такъ:

«Не вмѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицемъ, которое, по недостаточности умственныхъ способностей, или по болѣзненному растройству душевной дѣятельности, или по безсознательному состоянію, не могло, во время учиненія дѣянія, понимать свойства и значенія совершаемаго, или руководить своими поступками".

Послѣ продолжительныхъ преній д-ръ А. Е. Черемшанскій предложилъ, съ своей стороны, какъ наиболѣе цѣлесообразную слѣдующую редакцію 36-ой статьи.

«Не вмѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицемъ, которое страдаетъ съ малолѣтства недостаточностью умственныхъ способностей, или во время ученія дѣянія, страдало душевною болѣзнью или кратковременнымъ безсознательнымъ состояніемъ». Затѣмъ слѣдуютъ пространные оправдательные мотивы предлагаемой редакціи.

(Проток. Зас. Общ. Псих. въ СПб. 1883 стр. 8 и 12, 13, 14).

Въ слѣдующемъ засѣданіи 18-го февраля В. Х. Кандинскій читалъ особое мнѣніе: доказательства необходимости психологиче-

«Не вмѣняется въ вину дѣяніе по слѣдующимъ причинамъ: 1) по недостаточности умственныхъ способностей; 2) по болѣзненному разстройству душевной дѣятельности и 3) по безсознательному состоянію».

Только и всего?

Спрашиваю теперь себя, на сколько мнѣ будетъ удобно руководствоваться этою статьею въ судебно-медицинской практикѣ и, положительно, становлюсь въ тупикъ.

Во-первыхъ — недостаточность умственныхъ способностей какъ прирожденная, такъ и пріобрѣтенная есть вещь относительная. Относительно самаго умнаго изъ присутствующихъ здѣсь лицъ, я прямо считаю мои умственныя способности недостаточными, но неужели изъ этого слѣдуетъ, что я долженъ считать себя постоянно пребывающимъ въ состояніи невмѣняемости? — Такого вопроса я не въ состояніи разрѣшить, если не прибѣгну къ помощи психологическаго критерія вмѣняемости, того самаго критерія, который вычеркнутъ изъ 36-й статьи членами этого Общества въ прошлый разъ, но который заимствованъ редакціонной коммиссіей не у «метафизиковъ», какъ нѣкоторымъ (по очевидному недоразумѣнію) показалось, а изъ физіологической психологіи, неизбѣжно составляющей основу для раціональной психіатріи. Впрочемъ, уже въ прошлый

скаго критерія невмѣняемости и предложилъ свою формулировку редакціи 36-ой статьи (см. въ концѣ особаго мнѣнія).

Послѣ уже преній по окончаніи чтенія приводимаго особаго мнѣнія, д-ръ М. Н. Нижегородцевъ предложилъ слѣдующую редакцію 36-ой статьи:

«Не вмѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицемъ, которое во время учиненія дѣянія находилось въ состояніи или болѣзненнаго недоразвитія душевной дѣятельности, или душевной болѣзни, или безсознательности".

(Проток. Зас. Общ. Псих. въ СПб. 1883. стр. 19, 20). — Прим. издат.

разъ нѣкоторыми членами было замѣчено, что для недостаточности умственныхъ способностей необходима мѣрка и потому было предложено, въ качествѣ спеціальнаго критерія недостаточности умственныхъ способностей, сохранить въ проэктѣ закона выраженіе «пониманіе свойства и значенія совершаемаго». Но это выраженіе соотвѣтствуетъ лишь первой половинѣ психологическаго критерія свободнаго дѣйствованія; если соглашаться, что аршинъ необходимъ, то незачѣмъ ломать аршинъ на двое и мѣрять вещи лишь одною половиною настоящей мѣры; зачѣмъ же исключать «способность руководиться понятымъ въ своихъ поступкахъ» или другими словами «возможность выбора между различными изъ одновременно представляющихся сознанію мотивовъ дѣйствованія». Я утверждаю, что и для недостаточности умственныхъ способностей, все равно какъ и для второй причины невмѣняемости, т. е. болѣзненнаго разстройства душевной дѣятельности, нуженъ полный критерій вмѣняемости, полный критерій свободы волеопредѣленія.

Въ прошлый разъ приводились примѣры, приведу и я свой примѣръ.—Возьмемъ человѣка страдающаго прогрессивнымъ параличемъ, въ самомъ началѣ болѣзни. Положимъ, что это—бывшій судебный слѣдователь и что онъ не настолько успѣлъ поглупѣть, чтобы забыть, что изнасилованіе женщины наказывается по закону лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкою въ каторжную работу. Тѣмъ не менѣе, въ одинъ прекрасный день онъ совершаетъ преступленіе, предусм. 1525 ст. Ул. о Нак. По испытаніи его въ спеціальномъ заведеніи онъ оказывается больнымъ прогрессивнымъ параличемъ. Вмѣненіе здѣсь не имѣетъ мѣста, но оно не имѣетъ здѣсь мѣста не потому, чтобы обвиняемый не могъ пони-

мать свойства и значенія своего дѣянія, а именно потому что онъ не могъ во время учиненія своего дѣянія руководиться хорошо ему извѣстною 1525 ст. Уложенія; а не могъ онъ руководиться по той причинѣ, что находился въ то время въ состояніи маніакальнаго возбужденія, и только это состояніе и исключило у него, въ моментъ дѣянія, свободу дѣйствованія. Свободное дѣйствованіе предполагаетъ встрѣчу въ сознаніи по крайней мѣрѣ хоть двухъ противоположныхъ мотивовъ дѣйствованія, напр. хоть представленія наслажденія, доставляемаго половымъ актомъ и представленія о той карѣ, которою грозитъ законъ за изнасилованіе.

Не будь этотъ слабоумный субъектъ въ состояніи маніакальнаго возбужденія, у него при совершенно такихъ-же внѣшнихъ условіяхъ, можетъ быть, то же возникло-бы намѣреніе совершить актъ coitus. Но это первое представленіе, по законамъ ассоціаціи, быстро вызвало бы и другія представленія, изъ тѣхъ которыя больной еще не утратилъ, напр. хоть представленіе о противозаконности изнасилованія, представленіе о каторжной работѣ и пр. Произошла-бы борьба между двумя противоположными мотивами и побѣдилъ-бы, по всей вѣроятности, послѣдній мотивъ. — Мы знаемъ что при маніакальномъ возбужденіи у паралитиковъ половое побужденіе обыкновенно бываетъ весьма усиленнымъ. Но всего важнѣе то обстоятельство, что маніакальныя состоянія существенно характеризуются формальнымъ разстройствомъ дѣятельности представленія, при чемъ правильный ходъ процесса ассоціированія представленій рѣзко нарушается, а самое ихъ движеніе становится чрезмѣрно быстрымъ и безпорядочнымъ; тогда одни изъ представленій пробѣгаютъ въ сознаніи совершенно не апперципируясь, другія же прежде

чѣмъ апперципируются (т. е. войдутъ въ фокусъ сознанія или остановятъ на себѣ вниманіе), уже отражаются на двигательной сферѣ и влекутъ къ дѣйствіямъ. Такимъ образомъ, въ выставляемомъ мною примѣрѣ могло быть только слѣдующее. Или представленіе объ актѣ половаго сношенія, возникшее у нашего паралитика при видѣ женщины, имѣя въ основѣ болѣзненно усиленное половое побужденіе, заняло сознаніе съ такою силою и такъ всецѣло, что прямо исключило возможность появленія въ сознаніи другихъ представленій, а въ особенности такихъ, которыя могли-бы составить мотивъ дѣйствованія, противоположный первому мотиву; или же эти задерживающія представленія хотя и появились въ сознаніи дѣйствующаго субъекта, но появились (по причинѣ маніакальнаго состоянія больнаго) не въ надлежащій моментъ, пробѣжали слишкомъ быстро и по мимолетности своей не могли быть апперципированы; это значитъ, что изъ этихъ задерживающихъ представленій, если даже допуститъ возможность ихъ появленія въ сознаніи непосредственно передъ моментомъ дѣйствія, у нашего субъекта не могло получиться мотива, способнаго уравновѣсить первый мотивъ. И такъ, и при томъ, и при другомъ предположеніи у нашего паралитика не было свободы выборы между мотивами дѣйствованія, не было въ данную минуту «способности руководить поступками» и только потому-то этому субъекту не вмѣняется въ вину его дѣяніе, а вовсе не потому что я назвалъ его паралитикомъ; вѣдь еслибъ я захотѣлъ, я могъ-бы назвать его, ну, хоть протагонистомъ.

И такъ, М. Гг., одно дѣло ученіе о свободѣ воли у спиритуралистовъ, и другое дѣло — ученіе объ условной свободѣ воли у психологовъ. Спиритуалистическое понятіе о волѣ исключаетъ всеобщность дѣйствія закона причин-

ности; у психологовъ-же свободное дѣйствованіе есть ничто иное какъ частный случай дѣйствія этого закона. — Еще разъ убѣдимся, что современные юристы-теоретики ничего не имѣютъ общаго съ «метафизикою». — Одинъ изъ членовъ редакціонной коммиссіи, проф. Таганцевъ, въ своемъ курсѣ русскаго уголовнаго права Т. I на стр. 67 говоритъ: «Дѣйствія человѣка какъ добрыя, такъ и злыя, полезныя и вредныя, слѣдовательно въ частности и преступленія, подобно всѣмъ міровымъ явленіямъ, безусловно подчинены закону причинности. Мы не можемъ сказать, что извѣстное преступленіе могло быть или не быть: оно должно было совершиться, какъ скоро существовала извѣстная сумма причинъ и условій его вызвавшихъ». На другой стр. (35) проф. Таганцевъ выражается такъ: «Всѣ дѣйствія человѣка, съ которыми одними и имѣетъ дѣло уголовное право, не произвольны, а подчинены общему закону причинности, въ силу чего и становится возможною раціональная теорія наказанія, какъ спеціальнаго вида борьбы общества съ преступленіемъ». И такъ, можно успокоиться, уложенія имѣютъ теперь подкладку не метафазическую а утилитарную. — «Свобода воли», говоритъ философъ Ланге, въ своей знаменитой «Исторіи матеріализма, «свобода воли, какъ фактъ субъективнаго сознанія, столь-же мало противорѣчитъ необходимости, какъ факту объективнаго изслѣдованія, какъ мало противорѣчатъ между собою цвѣтъ и музыкальный тонъ».

Второю причиною невмѣняемости у насъ поставлено: «болѣзненное разстройство душевной дѣятельности». Значитъ, бываютъ разстройства душевной дѣятельности неболѣзненныя? — дѣйствительно бываютъ, напр., аффекты. И такъ, неболѣзненныя разстройства душевной дѣятельности не должны у насъ исключать вмѣняемость,

исключаютъ ее только душевныя разстройства болѣзненныя. Но тогда требуется опредѣлить рѣзко границу между психическимъ здоровьемъ и болѣзнію, а Касперъ и Краффтъ-Эбингъ полагаютъ, что эта граница неопредѣлима. — Слѣдовательно, оставшись безъ критерія вмѣняемости, я въ судебно-медицинской практикѣ не буду въ состояніи опредѣлить, гдѣ кончается неболѣзненное разстройство душевной дѣятельности и начинается разстройство болѣзненное. Далѣе, голодъ, — причиняетъ-ли онъ болѣзненное разстройство душевной дѣятельности или лишь разстройство неболѣзненное? А поджоги и кражи, сознательно, но въ силу внутренняго принужденія, совершаемые иногда беременными женщинами — это что такое будетъ? — Теперь положимъ, что мы замѣнимъ въ законѣ выраженіе «болѣзненное разстройство душевной дѣятельности» выраженіемъ «ненормальныя психическія состоянія», но общаго опредѣленія понятія о невмѣняемости все-таки не введемъ, — то что изъ этого выйдетъ? — выйдетъ еще хуже. — Едва-ли кто можетъ сказать, что озлобленіе, запальчивость, раздраженіе суть состоянія для человѣка нормальныя. — Далѣе прямо скажу, что не всѣ разстройства душевной дѣятельности, происходящія отъ болѣзни, достигаютъ такой степени, что могутъ исключать вмѣняемость. Есть болѣзнь, выражающаяся только въ повышенной раздражительности всей нервной системы; эта болѣзнь прежде называлась Nevrosismus, а въ послѣднее время ее стали называть иначе, Neurasthenia cerebro-spinalis. Значитъ, и головной мозгъ здѣсь замѣшанъ, и дѣйствительно, Hammond, описывая эту болѣзнь, говоритъ: «Здѣсь болѣе или менѣе заинтересованы и интеллектуальныя способности. Разумъ (intelligence) обыкновенно остается нетронутымъ, но память и способность мышленія (la réflexion) бываютъ ослабленными и потому пригодность

къ умственнымъ занятіямъ уменьшается; энергія-же и воля отсутствуютъ». Это слова Hammond'a. И такъ, встрѣтившись съ нейрастеніею въ судебно-медицинской практикѣ и имѣя въ виду лишь психическіе симптомы болѣзни, я долженъ буду сказать: «здѣсь мы имѣемъ дѣло съ душевнымъ разстройствомъ, въ основаніи котораго лежитъ болѣзнь всей нервной системы, въ томъ числѣ и головнаго мозга»; значитъ, данный судебно-медицинскій случай я долженъ буду отнести къ болѣзненному разстройству душевной дѣятельности. Но если Neurasthenia cerebro-spinalis сама по себѣ будетъ исключать вмѣненіе, то это уже слишкомъ.

Выраженія «безсознательность» для характеристики всѣхъ транзиторныхъ душевныхъ разстройствъ, я, за недостаткомъ времени, пытать уже не буду, а просто скажу, что это выраженіе недостаточно удобное; однако если въ законѣ стоитъ вѣрный критерій вмѣняемости, то и съ недостаточно удовлетворительнымъ выраженіемъ можно, на практикѣ, обойтись весьма удобно.

И такъ, общій критерій невмѣняемости, общее психологическое опредѣленіе понятія о невмѣняемости, для практики судебно-медицинской, на мой взглядъ, безусловно необходимо. Остается лишь вопросъ, какъ долженъ быть выраженъ этотъ критерій.

Въ Германскомъ уголовномъ кодексѣ въ ст. 51, трактующей о вмѣняемости, просто употреблено выраженіе «freie Willensbestimmung», свободное волеопредѣленіе По Германскому уложенію преступное дѣяніе становится ненаказуемымъ, если дѣйствующій субъектъ въ моментъ дѣянія находился въ состояніи исключающемъ «свободное волеопредѣленіе». Выраженіе «свободное волеопредѣленіе, «свободный актъ воли» не заключаетъ въ себѣ ничего для меня непонятнаго. Что такое «воля»

я понимаю во-первыхъ, непосредственно, ибо самъ я воли не лишенъ, во-вторыхъ, понимаю это по наукѣ, дающей такое опредѣленіе: «воля есть внутренняя, т. е. сознательная дѣятельность, частію опредѣляющая теченіе нашихъ внутреннихъ состояній, частію вызывающая соотвѣтственныя этимъ состояніямъ движенія». Оттого-то бываютъ движенія произвольныя и непроизвольныя. — А сама воля опредѣляется ли чѣмъ нибудь? разумѣется она опредѣляется внѣшними факторами. — Но въ сколько нибудь развитомъ сознаніи возможно одновременное вліяніе нѣсколькихъ внѣшнихъ основаній, опредѣляющихъ дѣйствіе; а если возможна встрѣча въ сознаніи нѣсколькихъ мотивовъ дѣйствованія, изъ которыхъ на дѣлѣ долженъ осуществиться лишь одинъ, то значитъ, позволительно говорить о возможности выбора между различными мотивами дѣйствованія. Если этотъ выборъ совершается подъ вліяніемъ разсудка (т. е. извѣстной внутренней работы, называемой дѣятельностью мысли), то вотъ и вся наличность тѣхъ условій, при которыхъ можно сказать: дѣяніе совершилось въ силу свободнаго волеопредѣленія.

И такъ, термину, «свободное волеопредѣленіе» можно придать и чисто психологическій смыслъ. Вопросъ о «свободномъ волеопредѣленіи» въ каждомъ отдѣльномъ судебномъ случаѣ сводится къ слѣдующему вопросу: былъ ли способенъ дѣйствующій субъектъ, въ моментъ учиненія дѣянія, сдѣлать свободный выборъ между совершеніемъ преступнаго дѣянія и несовершеніемъ его; другими словами: могъ ли онъ удержаться отъ совершенія дѣла, если бы захотѣлъ удержаться, или абсолютно не могъ?

Дѣло будетъ еще яснѣе, если различить въ свободномъ актѣ воли его два необходимыхъ съ психологической

точки зрѣнія условія. Эти два условія суть: первое — способность сужденія или различенія, Unterscheidungsvermögen по Краффтъ-Эбингу, libertas judicii по Миттермайеру. На простомъ языкѣ libertas judicii значитъ ничто иное, какъ — знаніе свойства, значенія и послѣдствій дѣянія. И такъ, для свободы сужденія необходима прежде всего извѣстная степень умственнаго развитія.

Второе и важнѣйшее условіе свободнаго дѣйствованія есть libertas consilii, т. е. возможность руководиться въ моментъ дѣйствія раньше узнаннымъ или понятымъ; libertas consilii предполагаетъ возможность выбора между различными мотивами дѣйствованія.

Вотъ два необходимыхъ условія свободнаго акта воли, вотъ обѣ необходимыя части психологическаго критерія вмѣняемости.

Второе условіе, — свобода выбора, важнѣе перваго, libertatis judicii или пониманія, вотъ почему. Свобода выбора уже предполагаетъ собою свободу сужденія; наоборотъ, свобода сужденія свободу выбора вовсе не предполагаетъ. Поэтому возможно, что свобода сужденія или пониманіе совершаемаго будетъ у насъ на лице, а свободы выбора, libertatis consilii, не будетъ. Но если войдетъ въ силу 36 ст. проэкта Уложенія, въ томъ ея видѣ, въ какомъ она попала въ наши руки, то и въ этихъ случаяхъ преступленіе въ вину все-таки не вмѣняется, потому-то дорогаго стоятъ напечатанныя тамъ четыре слова: «или руководить своими поступками».

Душевно-больные люди очень часто сохраняютъ свободу сужденія, но теряютъ лишь свободу выбора, т. е. сохраняютъ способность пониманія совершаемаго, а лишаются лишь возможности дѣйство-

вать въ силу тѣхъ мотивовъ, которыми опредѣляется дѣйствованіе здороваго человѣка; и именно въ силу того, что они потеряли способность руководиться разсудкомъ въ своихъ поступкахъ, ихъ и называютъ людьми неотвѣтственными, людьми помѣшанными.

И такъ, прямо даже странно ставить такой вопросъ: обнимаетъ ли полный критерій невмѣняемости всѣ случаи помѣшательства. Это все равно, что спросить: правда ли, что линіи, взаимно параллельныя, даже будучи продолжены въ безконечность, никогда между собою не встрѣтятся? — Разумѣется правда, это можно сказать, даже не путешествуя въ безконечность, ибо для того, чтобы встрѣтиться, имъ нужно сначала перестать быть взаимно параллельными линіями.

Но тѣмъ не менѣе я не имѣю права не остановиться на представленныхъ въ прошлый разъ двухъ примѣрахъ.

Докторъ Б. В. Томашевскій представилъ намъ въ примѣръ меланхолика, который совершаетъ убійство, единственно съ тою цѣлію, чтобы путемъ наказанія искупить свои грѣхи. Докторъ Б. В. Томашевскій полагаетъ, что такой человѣкъ, будучи несомнѣнно больнымъ человѣкомъ, во время учиненія своего дѣянія не только понималъ свойство и значеніе того, что называется у здоровыхъ людей убійствомъ, но и могъ руководить своими поступками. Это ли утверждалъ д-ръ Томашевскій въ прошломъ засѣданіи? По протоколу видно, что — это...

Неужели приведенный имъ въ примѣръ человѣкъ понималъ значеніе убійства? значитъ, онъ понималъ, что убійство есть грѣхъ. — Выходитъ, что онъ хотѣлъ искупить свои прежніе грѣхи путемъ новаго грѣха. Гдѣ же тутъ логика, которая обязательна и для сумасшедшаго,

разъ предположено, что онъ понималъ имъ совершаемое. — Но если онъ не считалъ убійство грѣхомъ, или вообще говоря дѣломъ непозволительнымъ, то ясно, что онъ не понималъ значенія убійства. И такъ, свобода сужденія у этого человѣка весьма сомнительна.

Предположимъ, пожалуй, что свобода сужденія была сохранена этимъ больнымъ. Была ли у него свобода выбора, другими словами, одинаково ли могъ онъ въ данный моментъ и совершить убійство и удержаться отъ этого дѣла? Если онъ это могъ одинаково и тѣмъ не менѣе совершилъ убійство, то, значитъ, онъ опять не понималъ значенія убійства, ибо если бы онъ понималъ, то самое это пониманіе заставило бы его удержаться отъ совершенія дѣла, разъ удержаться ему ничего не стоило.

Но нѣтъ! Вѣдь д-ръ Б. В. Томашевскій намъ сообщалъ, что его больной удерживался, отчаянно удерживался, всѣми силами своей нравственной природы, возмущающейся передъ совершеніемъ убійства, онъ боролся противъ болѣзненнаго побужденія убить, но — въ результатѣ все-таки былъ побѣжденъ и убійство совершилось. — Значитъ велика же, несоразмѣрно велика была сила болѣзненнаго побужденія, когда оно въ концѣ концевъ поработило себѣ всю психическую личность человѣка. Гдѣ рабство, тамъ нѣтъ свободы; гдѣ нѣтъ свободы воли, тамъ нѣтъ мѣста и вмѣненію.

Но если бы я принялъ на вѣру діагностику д-ра Б. В. Томашевскаго, опредѣлившаго у своего больнаго меланхолію, я бы прямо сказалъ: если онъ меланхоликъ, то онъ не можетъ представить самаго необходимаго условія для вмѣненія, онъ не можетъ обладать способностью свободнаго выбора именно потому, что при меланхоліи не можетъ быть «свобод-

ной» дѣятельности мысли. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно ожидать какой нибудь свободы тамъ, гдѣ сущность душевной болѣзни именно и сводится къ явленіямъ психической задержки, къ подавленности, къ крайне медленному и тяжелому движенію представленій. Результатомъ формальныхъ разстройствъ въ сферѣ представленій при меланхоліи являются: гнетущія чувства; упорно сверлящія мозгъ, все однѣ и тѣ же идеи; насильственные или принудительные импульсы. «Hemmung», «Zwang», «гнетъ», «насиліе», «задержка» — все это вещи свободѣ противоположныя... При меланхоліи болѣзненное представленіе, разъ застрявши въ сознаніи, такъ тамъ укрѣпляется, такъ глубоко пускаетъ свои корни, что его оттуда не только другимъ да еще нормальнаго характера представленіемъ не выживешь, его, я полагаю, коломъ изъ сознанія не выпрешь. — Тутъ уже прямо странно будетъ искать свободу выбора, тутъ не можетъ быть и рѣчи о способности руководиться здоровыми идеями въ своихъ поступкахъ.

Докторъ М. П. Литвиновъ теперь. — Онъ привелъ намъ въ примѣръ больнаго, прогрессивнаго паралитика, который будто бы убилъ у него, д-ра Л—ова, въ Городскомъ Пріютѣ, другаго больнаго; но при этомъ будто бы не только понималъ свойство своего дѣянія и зналъ его послѣдствія, не только понималъ значеніе убійства, но и могъ въ моментъ совершенія убійства руководить своими поступками.

Послѣ всего сказаннаго мною, я считаю возможнымъ обойдтись безъ подробной критики утвержденія д-ра М. П. Литвинова, а скажу прямо: одно изъ двухъ, либо д-ръ М. П. Литвиновъ ошибся въ распознаваніи, и тотъ субъектъ, про котораго онъ говоритъ (а я знаю, что онъ имѣетъ въ виду нѣкоего В., хотя имени этого

онъ и не произнесъ) въ моментъ дѣянія не былъ не только паралитикомъ, но и вообще не былъ боленъ, либо онъ не могъ понимать значенія дѣла, имъ совершаемаго, не могъ руководить своими поступками. Вѣдь, какъ паралитикъ онъ долженъ былъ быть слабоумнымъ, да кромѣ того долженъ былъ представлять формальное разстройство въ сферѣ представленія въ ту или другую сторону; (отсутствіе бреда я, пожалуй, готовъ допустить у паралитика). Изъ предварительнаго слѣдствія по этому дѣлу, не говоря уже объ объясненіяхъ самого В., который и теперь у насъ въ больницѣ (а былъ онъ обвиненъ въ этомъ убійствѣ, если не ошибаюсь, въ 1880 г.), я знаю, что и наканунѣ дня смерти крестьянина Ильина (смерти, относительно которой еще представляется вопросъ, было ли тутъ убійство или самоубійство) и въ самый день того событія В—дъ былъ связываемъ въ горячечную рубаху. Если В—дъ въ день смерти крестьянина Ильина находился въ полномъ сознаніи и притомъ даже могъ руководить своими поступками, то зачѣмъ же докторъ М. П. Литвиновъ одѣвалъ его въ горячечную рубаху?

По моему, лучше и не отыскивать такихъ случаевъ, чтобы двѣ взаимно параллельныя линіи между собою пересѣкались.

Природа и дѣйствительность рѣзкихъ скачковъ не знаютъ. Нѣтъ рѣзкихъ границъ между психическимъ здоровьемъ и психическою болѣзнію, т. е. нѣтъ ихъ въ дѣйствительности. Но искусственно, путемъ логическаго построенія, мы можемъ установить рѣзкую границу между здоровьемъ и душевною болѣзнію и эту логическую, искусственно проведенную границу даетъ намъ именно критерій вмѣняемости или критерій свободы дѣйствова-

нія. «Что такое есть психическая болѣзнь, такъ же трудно опредѣлить (говоритъ Краффтъ-Эбингъ), какъ и опредѣлить что такое есть психическое здоровье». — Логически для меня психически-больной человѣкъ опредѣляется такъ: это такой человѣкъ, котораго я по совѣсти не могу считать морально-отвѣтственнымъ за его поступки. — И такъ, моральная свобода есть для меня здоровье, человѣкъ морально-несвободный есть человѣкъ психически-больной.

Всего труднѣе установить отношеніе закона къ преступному дѣянію, совершаемому въ промежуткѣ между двумя приступами періодической душевной болѣзни; даже въ томъ случаѣ, если люцидный субъектъ во время совершенія дѣянія ничѣмъ съ клинической точки зрѣнія отъ здороваго человѣка не отличается, вмѣненіе все-таки здѣсь не должно имѣть мѣста. Спрашивается почему?

Потому, что caeteris paribus, этотъ субъектъ все-таки не равенъ здоровому человѣку. У здороваго человѣка я не буду презюмировать душевную болѣзнь, потому что, говоря вообще, здоровье есть правило, а болѣзнь — исключеніе. Но люцидный субъектъ — дѣло другое. Тутъ я знаю, что данное лице нѣсколько времени тому назадъ находилось въ состояніи невмѣняемости и черезъ нѣсколько времени снова должно придти въ это состояніе. Здѣсь правиломъ является скорѣе отсутствіе свободнаго волеопредѣленія, чѣмъ его присутствіе. Поэтому въ разбираемомъ случаѣ я имѣю право сдѣлать презумпцію состоянія невмѣняемости и сказать: если логически нельзя исключить, что это лице, въ моментъ дѣянія, libertatis consilii не имѣло, то слѣдуетъ принять, что оно дѣйствительно въ моментъ дѣла не имѣло этой свободы. —

И такъ, здѣсь можно презюмировать состояніе невмѣняемости, ибо здѣсь можно презюмировать невозможность разумно-свободнаго выбора между различными мотивами дѣйствованія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

«Не потому человѣкъ находится въ состояніи невмѣняемости, что онъ боленъ, но наоборотъ, тогда-то лишь и можно назвать человѣка больнымъ, если у него не оказывается полной наличности условій свободнаго волеопредѣленія, не оказывается свободы выбора того или другаго образа дѣйствованія.

Эта свобода выбора бываетъ ограничена въ человѣкѣ двумя путями:

1. Бываетъ у него весьма малое число мотивовъ дѣйствованія, напр. одинъ, такъ что и выбирать-то ему въ сущности не изъ чего, (отсутствіе самаго выбора).

2. Бываетъ, что мотивовъ въ сознаніи много и они вступаютъ между собою въ коллизію; но если намъ впередъ извѣстно, что тутъ есть одинъ мотивъ относительно всѣхъ прочихъ несоразмѣрно сильный, то исходъ борьбы между мотивами нами уже предрѣшенъ. А это значитъ, что и тутъ нѣтъ условій свободнаго выбора, ибо принудительный выборъ есть прямая противоположность выбору свободному (отсутствіе свободы въ выборѣ).

Затѣмъ позволю себѣ предложить слѣдующую формулировку редакціи 36-й статьи:

Условія вмѣненія.

Ст. 36. — Не вмѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицемъ, которое, по постоянному своему состоянію, или по состоянію своему во время учиненія дѣянія *), не могло понимать свойства и значенія совершаемаго, или же не могло руководиться въ то время здравымъ пониманіемъ **) въ дѣйствованіи своемъ.

Судъ, буде признаетъ необходимымъ, можетъ или отдать такое лицо подъ отвѣтственный надзоръ родственниковъ или другихъ лицъ, пожелавшихъ принять его на свое попеченіе или же, въ случаѣ душевной болѣзни, помѣстить его во врачебное заведеніе, впредь до выздоровленія, удостовѣреннаго установленнымъ порядкомъ или

---

*) Здѣсь разумѣются: *A*) безуміе, природное и послѣдовательное, а также и слабоуміе, насколько оно, по степени своей, удовлетворяетъ выставляемому въ статьѣ закона условію и *B*) болѣзненное разстройство душевной дѣятельности, какъ *a*) длительное (помѣшательство и сумасшествіе), такъ и *b*) кратковременное (умоизступленіе и безпамятство). При семъ, степень умственнаго разстройства, равно какъ и степень слабоумія (сравн. ст. 353 Уст. Угол. Судопроизводства), опредѣляется по выставляемому въ законѣ общему критерію невмѣняемости.

**) Подъ выраженіемъ «здравое пониманіе» должно разумѣть здравое, т. е. не извращенное душевною болѣзнію самосознаніе дѣйствовавшаго лица и правильное разумѣніе послѣднимъ своего отношенія къ внѣшнему міру. — Болѣзненное разстройство душевной дѣятельности, и его степень, констатируется черезъ посредство врачей спеціалистовъ. Въ случаяхъ сомнительныхъ окончательное рѣшеніе вопроса, — «могло-ли дѣйствовавшее лице, во время учиненія дѣянія, здраво контролировать свое дѣйствованіе разсудкомъ» принадлежитъ «судьямъ совѣсти», т. е. присяжнымъ засѣдателямъ.

же впредь до особаго относительно сего лица опредѣленія *).

Мотивировка.

I. Отношеніе психіатріи къ психологіи.

Психологія есть наука о душѣ вообще; психіатрія есть наука о душевномъ разстройствѣ. Выводы психіатріи къ здоровой душѣ неприложимы; общіе выводы научной психологіи для психіатріи обязательны, ибо душа, разстроившись, не перестаетъ быть душею.—Раціональная психіатрія неизбѣжно имѣетъ въ своей основѣ психологію.

II. Понятіе о неспособности ко вмѣненію.

Понятіе „неспособность ко вмѣненію“ равнозначительно съ понятіемъ „душевная болѣзнь“ въ широкомъ смыслѣ. Дать опредѣленіе одному изъ этихъ понятій, значитъ — дать опредѣленіе и другому.

III. Опредѣленіе понятія о душевной болѣзни.

Психіатрія не въ состояніи дать логическаго опредѣленія понятію „душевная болѣзнь“, ибо иначе она необходимо должна была бы дать и опредѣленіе понятію „психическое здоровье“, которое лежитъ внѣ ея сферы; опредѣленіе понятію „душевная болѣзнь“ можетъ быть дано лишь психологіею. Психіатрія не въ состояніи также дать опредѣленіе понятію «невмѣняемость», ибо «способность ко вмѣненію» лежитъ внѣ области, психіатріею изучаемой.

---

*) Необходимо имѣть въ виду неизлѣчимыхъ, но совершенно неопасныхъ больныхъ, которые, вмѣсто того, чтобы быть осужденными на пожизненное заключеніе въ домѣ умалишенныхъ, могутъ быть отдаваемы, по освидѣтельствованіи судомъ, подъ отвѣтственный надзоръ родственниковъ.

IV. Характеръ опредѣленія понятія о невмѣняемости.

Для понятія «невмѣняемость» возможно лишь психологическое опредѣленіе, но не психіатрическое. — Психіатрія можетъ только указывать на причины неспособности ко вмѣненію.

V. Формулировка статьи закона, опредѣляющей условія вмѣненія.

Если въ законѣ имѣется полное опредѣленіе понятію «невмѣняемость», то указанія на отдѣльныя причины неспособности ко вмѣненію становятся излишними *).

Читано въ засѣданіи Общества Психіатровъ въ СПБ. 18 Февраля 1883.

---

*) Въ засѣданіи 2-го Марта, послѣ того какъ д-ръ Б. В. Томашевскій возражалъ д-ру Кандинскому, а послѣдній поддерживалъ высказанное имъ въ предъидущемъ засѣданіи, г. Предсѣдателемъ предложены были на открытую баллотировку слѣдующіе вопросы:

1) «Необходимъ-ли вообще психологическій критерій невмѣняемости въ 36-й статьѣ Уложенія?»

2) «Удовлетворителенъ-ли критерій, даваемый 36-й статьею въ теперешней ея редакціи»?

3) «Какую изъ предложенныхъ редакцій 36-ой статьи гг. присутствующіе члены находятъ наиболѣе раціональною?»

«По первому вопросу, за необходимость психологическаго критерія высказались 6 членовъ: гг. Рагозинъ, Чечоттъ, Кандинскій, Никифоровъ, Бартелинкъ и Маакъ. Остальные 12 присутствовавшихъ членовъ подали отрицательный голосъ».

«По второму вопросу, изъ 6 вышеупомянутыхъ членовъ, въ утвердительномъ смыслѣ высказались: гг. Бартелинкъ, Кандинскій, Маакъ и Никифоровъ. Остальные двое (гг. Рагозинъ и Чечоттъ) выразили мнѣніе, что они не считаютъ критерій, даваемый 36-й статьею, удовлетворительнымъ и думаютъ, что онъ можетъ быть выраженъ лучше».

По третьему вопросу большинствомъ голосовъ была признана наиболѣе соотвѣтственною редакція, предложенная въ засѣданіи 12-го февраля секретаремъ Общества А. Е. Черемшанскимъ.

«Гг. члены, высказавшіеся за необходимость введенія психологическаго критерія въ 36-ю статью, присоединились къ этому мнѣнію большинства только условно, т. е. съ тою оговоркою, что они,

Вопросъ объ условіяхъ вмѣненія и о редакціи 36-й ст. новаго Уложенія о наказаніяхъ еще разъ былъ затронутъ на первомъ съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ въ Москвѣ докторомъ А. Я. Боткинымъ въ его докладѣ: «Оцѣнка законоположеній о душевно-больныхъ въ Россіи», читанномъ въ засѣданіи 8-го января 1887 г., гдѣ вновь подвергался обсужденію. Возражая д-ру Боткину, В. Х. Кандинскій противопоставилъ его выводамъ свои положенія, въ которыхъ въ сжатой формѣ резюмировалъ вообще доводы защитниковъ психологическаго критерія, а потому мы ихъ и приводимъ въ томъ видѣ, какъ они напечатаны въ «Трудахъ съѣзда». (СБП. 1887 стр. 453 и сл.). — Прим. изд.

Положенія В. Х. Кандинскаго въ защиту психологическаго критерія.

Я собственно противъ 2-го пункта доклада д-ра Я. А. Боткина: «Критерій душевнаго разстройства, изображенный въ ст. 36-й проэкта новаго уложенія о наказаніяхъ, какъ критерій психологическій, не мо-

---

считая эту редакцію удовлетворительною, думаютъ однако-же, что къ ней необходимо присоединить и психологическій критерій невмѣняемости».

«Г. Кандинскій воздержался отъ подачи голоса».

«Объ этомъ результатѣ голосованія рѣшено увѣдомить С.-Петербургское Юридическое Общество». (Проток. засѣд. Общ. Псих. въ СПБ. 1883 г. стр. 22, 23).

Въ засѣданіи 5-го Марта 1883 г. Уголовнаго отдѣленія Юридическаго Общества, по выслушаніи какъ противниковъ, такъ и защитниковъ необходимости введенія психологическаго критерія въ 36-ую статью новаго Уложенія о наказаніяхъ, громадное большинство многолюднаго собранія, какъ уже было сказано выше, высказалось за необходимость введенія психологическаго критерія, т. е. присоединилось къ мнѣнію меньшинства Общества Психіатровъ. Изд. Е. К.

жетъ обнимать собою всѣхъ аномалій душевной дѣятельности».

По недостатку времени я не имѣю возможности оспаривать 2-ое положеніе д-ра Боткина мотивированно, а потому просто представлю свои положенія, которыя я уже раньше защищалъ и устно и въ печати. Я дѣлаю это вовсе не съ тою цѣлью, чтобы убѣждать кого-нибудь, но единственно для того, чтобы не носить на себѣ нравственной отвѣтственности за мнѣнія большинства, въ случаѣ, если я ихъ раздѣлить, по этому вопросу, буду опять не въ состояніи. И такъ:

1. Психіатрическаго критерія неспособности ко вмѣненію дать нельзя; здѣсь возможно лишь психологическое опредѣленіе. Нельзя опредѣлить психіатрію въ терминахъ, взятыхъ изъ той-же психіатріи. Сказать, что психіатрія есть наука о душевныхъ болѣзняхъ, еще не значитъ дать опредѣленіе для психіатріи, ибо, кто здоровъ и кто боленъ? гдѣ граница между здоровьемъ и психическою болѣзнью; здѣсь возможно лишь физіологическое опредѣленіе.

2. Нельзя оставить статью закона, трактующую о невмѣненіи, безъ опредѣленія состоянія невмѣняемости; иначе не только терпимая въ обществѣ нисшая степень слабоумія (простая дураковатость), но и такое болѣзненное разстройство, какъ, напр., нейрастенія (тутъ душевная дѣятельность тоже не бываетъ вполнѣ нормальною)—будутъ исключать собою вмѣненіе и давать право на безнаказанное совершеніе преступленій, что, мнѣ кажется, вовсе не желательно.

3. Невмѣняемыми могутъ быть лишь дѣйствія чело-

вѣка, находящагося въ душевномъ состояніи исключающемъ свободное волеопредѣленіе. Въ терминѣ «свободное волеопредѣленіе» нѣтъ никакой метафизики; это, можетъ быть, неуклюжее, но, во всякомъ случаѣ, чисто психологическое выраженіе. Пользуясь словами одного американскаго писателя по этикѣ — Сальтера, я скажу: въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ это выраженіе ежедневно, оно значитъ просто — отсутствіе насилія внѣшняго и внутренняго.

4. Присутствіе способности «свободнаго волеопредѣленія» предполагаетъ (напр., по судебной психопатологіи Краффтъ-Эбинга) наличность слѣдующихъ двухъ (и только двухъ) условій:

первое — наличность libertatis judicii, если выразиться языкомъ юристовъ; въ переводѣ на языкъ простыхъ смертныхъ, подъ этимъ разумѣется — пониманіе человѣкомъ значенія и свойства своихъ дѣяній, между прочимъ, и знаніе, что такія-то и такія-то дѣйствія закономъ воспрещены;

второе условіе — наличность libertatis consilii, т. е. существованіе возможности у человѣка сдѣлать выборъ между различными мотивами дѣйствованія, у него имѣющимися, т. е. возможность на основаніи соображенія и здраваго разсужденія — удержаться отъ совершенія преступнаго дѣянія или, напротивъ, уступить соблазну.

5. Нашъ нынѣ дѣйствующій законъ (95 ст. стараго нашего Улож. о наказ.) неудовлетворителенъ не тѣмъ, что въ немъ выставленъ психологическій критерій невмѣняемости, а тѣмъ, что въ 95-ю статью вошла лишь первая половина критерія, касающаяся отсутствія libertatis judicii; отсутствіе же libertatis consilii, при налич-

ности libertatis judicii, нашимъ старымъ закономъ не предусмотрѣно.

6. Напротивъ, 36-я статья проэкта новаго уложенія тѣмъ и хороша, что она вводитъ психологическій критерій во всей его полнотѣ; она говоритъ: «не вмѣняется въ вину содѣянное, когда дѣйствовавшее лице, по душевному состоянію своему въ то время, не могло понимать свойства и значенія своихъ дѣяній — это первая половина критерія, обнимающая собою всѣ случаи отсутствія libertatis judicii... «или не могло руководиться своимъ пониманіемъ (имѣя его) въ дѣйствованіи своемъ» — это вторая половина критерія, обнимающая собою всѣ случаи отсутствія libertatis consilii.

7. Разумѣется, не всѣ душевныя аномаліи подойдутъ подъ психологическое опредѣленіе состоянія невмѣняемости; но это не только не бѣда, это именно и есть то, что требуется. Странный характеръ, простая глупость, излишняя талантливость — все это относится къ аномаліямъ — но съ какой стати человѣкъ, находящійся въ подобномъ состояніи, не долженъ считаться отвѣтственнымъ за свои поступки,—этого я, право, не понимаю, да, вѣроятно, и никогда не пойму.

8. Статья 36-я проэкта новаго уложенія формулирована, по моему мнѣнію, превосходно. Это формулировка есть результатъ коллективной дѣятельности многихъ лицъ, хорошо знающихъ какъ въ наше время должны писаться законы. Формулировка эта сдѣлана ими на основаніи глубокаго знакомства какъ съ современною литературою по физіологической психологіи, такъ и съ выдающимися работами врачей по судебной медицинѣ.

Въ заключеніе скажу: странно было-бы смѣшивать обсужденіе формулировки статьи закона, опредѣляющей условія невмѣненія съ формулировкою медицинской инструкціи медицинскаго начальства врачамъ-подчиненнымъ; такая инструкція имѣетъ цѣлью подсказать недовольно опытнымъ врачамъ, какъ имъ держать себя на практикѣ по отношенію къ основному закону уголовнаго уложенія, къ закону объ условіяхъ невмѣненія (къ теперешней 95 ст. и къ проэктированной для введенія 36 ст.) — какъ держать себя въ томъ случаѣ, когда ихъ приглашаютъ говорить въ засѣданіи уголовнаго отдѣленія окружнаго суда или судебной палаты. Сущность такой инструкціи можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ — не мѣшаться не въ свое дѣло.

(Читано въ засѣданіи 8-го января 1887 г.)

II.

МЕДИЦИНСКІЯ ЗАКЛЮЧЕНІЯ

о состояніи умственныхъ способностей испытуемыхъ, порученныхъ наблюденію

В. Х. КАНДИНСКАГО

ординатора больницы Св. Николая Чудотворца въ С.-Петерб.

I. Случай сомнительнаго душевнаго состоянія передъ судомъ присяжныхъ.

[Дѣло дѣвицы Юліи Губаревой] *).

В. Х. КАНДИНСКАГО,

ординатора больницы Св. Николая Чудотворца въ С.-Петербургѣ **).

I.

Неудовлетворительность нынѣ дѣйствующаго закона, опредѣляющаго условія невмѣненія, давно уже сознавалась не только врачами, но и юристами. Въ настоящее время въ высшихъ сферахъ разсматривается проэктъ новаго уложенія о наказаніяхъ и, въ обработанной доселѣ общей части проэктированнаго уложенія, условія невмѣненія по отношенію къ лицамъ, психически страждущимъ, уже формулированы въ выраженіяхъ, болѣе соотвѣтствующихъ какъ требованіямъ практики, такъ и современному развитію психіатріи. Но новое уложеніе войдетъ въ дѣй-

---

*) Дѣло дѣв. Ю. Губаревой въ первый разъ было напечатано въ «Арх. псих. нейрол. и судебн. психопат.» проф. Ковалевскаго. Харьковъ. 1883. Сент.

**) Дѣло это въ свое время возбудило большой интересъ въ публикѣ и обратило на себя вниманіе всей столичной прессы. По весьма понятнымъ причинамъ, я нахожу нелишнимъ замѣнить настоящія фамиліи главныхъ дѣйствующихъ лицъ процесса фамиліями вымышленными.

ствіе вѣроятно еще не скоро, а до тѣхъ поръ врачи, производящіе изслѣдованіе лицъ, подозрѣваемыхъ въ ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей, не только принуждены сообразоваться со смысломъ подлежащихъ статей дѣйствующаго уложенія, но и непремѣнно должны, при опредѣленіи въ судебно-медицинскихъ актахъ умственнаго состоянія изслѣдуемыхъ лицъ, употреблять выраженія, усвоенныя закономъ для сихъ случаевъ *). Главнѣйшія изъ обстоятельствъ, исключающихъ способность ко вмѣненію указаны ст. 95 и 96 Улож. о наказаніяхъ; они суть: безуміе отъ рожденія, сумасшествіе и припадки болѣзни, приводящей въ умоизступленіе или совершенное безпамятство. Собственно говоря, этими терминами обнимаются всевозможные случаи психическаго разстройства; ибо всѣ эти случаи раздѣляются на слѣдующія три главныя группы: a) недостаточность умственныхъ способностей прирожденная или пріобрѣтенная, b) длительныя душевныя страданія (помѣшательство и сумасшествіе) и c) транзиторныя психическія разстройства. — Маленькое практическое неудобство, возникающее при этомъ для врачей изъ ихъ обязанности употреблять для обозначенія психическихъ ненормальностей, выраженія, закономъ усвоенныя, есть слѣдующее: безумными, по закону **), признаются лица, не имѣющія здраваго разсудка съ самаго младенчества; слѣдовательно пріобрѣтенное безуміе (amentia secundaria s. consecutiva), являющееся послѣдствіемъ раньше (иной разъ много лѣтъ раньше) протекшихъ первичныхъ психозовъ, равно какъ и безуміе, происходящее отъ многолѣтняго страданія эпи-

---

*) См. Сборн. циркул. Мин. Внутр. Дѣлъ, т. 7; по изданію 1858 г. § 284.

**) Т. X, ч. I Зак. Граж. ст. 365.

лепсіею, должно быть называемо нами сумасшествіемъ. — Впрочемъ, по моему мнѣнію, неудовлетворительность формулировки 95-й и 96-й ст. уголовнаго уложенія заключается далеко не въ томъ, что здѣсь приняты выраженія «безуміе отъ рожденія», «сумасшествіе», «умоизступленіе» и «безпамятство», а не какія либо другія; здѣсь важенъ не выборъ выраженій, но важно и необходимо, чтобы съ каждымъ выраженіемъ соединялся опредѣленный смыслъ. Прилагая къ данному конкретному судебному случаю терминъ «сумасшествіе» или «умоизступленіе», мы этимъ самымъ уже рѣшаемъ, что въ данномъ случаѣ вмѣненіе не должно имѣть мѣста. Но что значитъ слово «сумасшествіе»? Большинство нашихъ психіатровъ считаютъ это выраженіе однозначущимъ съ выраженіями «душевная болѣзнь, психическое разстройство», что однако, по моему мнѣнію, не вполнѣ вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, въ дѣятельности души рѣзко различаются три стороны: дѣятельность чувствованія, дѣятельность представленія и дѣятельность воли. Первичное и самостоятельное разстройство дѣятельности воли очевидно исключаетъ свободу дѣйствованія; въ этомъ случаѣ способность ко вмѣненію. понятно, не существуетъ. Разстройство въ сферѣ представленія и мышленія, даже при отсутствіи первичнаго пораженія дѣятельности воли, не можетъ остаться изолированнымъ; такъ или иначе оно выразится наружу, въ формѣ тѣхъ или другихъ двигательныхъ актовъ, или-же въ формѣ болѣе или менѣе сознательныхъ, хотя-бы нелѣпыхъ поступковъ; вмѣненіе здѣсь тоже не имѣетъ мѣста, но разстройство здѣсь первично поражаетъ не ту сферу, какъ въ предыдущемъ случаѣ, не сферу воли, а сферу представленія, это будетъ умственное растройство въ тѣсномъ смыслѣ слова. — Но что касается до первичнаго разстройства въ сферѣ чувствованія, то оно,

разумѣется, можетъ подать поводъ къ разстройству собственно умственной сферы и отразиться на сферѣ воли, какъ непосредственно, такъ и черезъ посредство сферы мышленія, но можетъ и остаться изолированнымъ, при чемъ дѣятельность мышленія, равно какъ и дѣятельность воли остаются нормальными; такъ бываетъ въ легкихъ случаяхъ простой гипохондріи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ гистеріи и эпилепсіи («hysterischer reps. epileptischer Charakter» по Krafft-Ebing'у), въ легкихъ случаяхъ такъ называемой insanitatis moralis. — Въ подобнаго рода случаяхъ дѣйствующій субъектъ можетъ удержаться отъ совершенія преступнаго дѣянія, если только захочетъ удержаться и потому онъ долженъ считаться легально отвѣтственнымъ за свои поступки. — Такъ какъ въ этихъ случаяхъ страдаетъ одна изъ сторонъ души, именно сфера чувствованія, то можно сказать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ душевною болѣзнью, съ психическимъ разстройствомъ; но эта душевная болѣзнь, это психическое разстройство не будетъ разстройствомъ умственнымъ или сумасшествіемъ. И такъ, выраженія «сумасшествіе» (умственное разстройство) и болѣе общее выраженіе «душевная болѣзнь или психическое разстройство» совсѣмъ не однозначущи *).

---

*) Научно-медицинское понятіе о болѣзненномъ разстройствѣ душевной дѣятельности не совсѣмъ совпадаетъ съ понятіемъ о психическомъ разстройствѣ въ смыслѣ закона, какъ о состояніи, исключающемъ способность ко вмѣненію; первое понятіе значительно обширнѣе втораго. Такое мнѣніе многимъ изъ нашихъ клиницистовъ можетъ показаться ересью, а потому считаю не лишнимъ опереться въ этомъ отношеніи на проф. Краффтъ-Эбинга, который пишетъ слѣдующее: «Не всякое болѣзненное разстройство душевной дѣятельности само по себѣ уничтожаетъ способность ко вмѣненію, точно также какъ легкое разстройство функціи какого-нибудь органа не можетъ еще считаться болѣзнью ни въ медицинскомъ, ни въ легаль-

Но даже само сумасшествіе (въ смыслѣ собственно умственнаго разстройства) не есть нѣчто рѣзко обособленное отъ нормальнаго состоянія; между нормальнымъ умственнымъ состояніемъ и полнымъ сумасшествіемъ существуетъ длинный рядъ промежуточныхъ состояній. Ясно, что средніе члены этого ряда не могутъ быть названы ни нормальнымъ состояніемъ, ни полнымъ сумасшествіемъ; они именно суть нѣчто среднее и въ подобныхъ случаяхъ только внимательное изученіе даннаго случая in concreto, т. е. со всѣми его такъ сказать индивидуальными особенностями позволяетъ рѣшить вопросъ о вмѣненіи. И такъ, должно имѣть въ виду, что возможны разныя степени умственнаго разстройства *). Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ

номъ смыслѣ, хотя со строго научной точки зрѣнія всякое разстройство функціи органа будетъ болѣзненнымъ. Въ органѣ психической жизни бываютъ элементарныя функціональныя разстройства, которыя, не лишаясь значенія съ судебной точки зрѣнія (смягчающія обстоятельства), не составляютъ болѣзни ни въ ходячемъ, ни въ легальномъ смыслѣ этого слова; общераспространеннымъ понятіемъ о болѣзни предполагается существованіе цѣлаго комплекса функціональныхъ разстройствъ; легальное-же понятіе требуетъ отъ болѣзни, чтобы послѣдняя исключала собою свободу дѣйствованія». — Krafft-Ebing. Grundzüge der Criminalpsychologie. 2-te Aufl. Stuttgart. 1882, p. 54.

*) Изъ того, что существуютъ разныя степени психическаго разстройства, вовсе не слѣдуетъ, что въ законѣ должны быть установлены разныя степени вмѣняемости. Говоря вообще, безъ отношенія къ извѣстному конкретному факту, совершившемуся въ опредѣленный моментъ времени, свобода дѣйствованія можетъ быть ограничена въ различной мѣрѣ. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (судебная практика имѣетъ дѣло лишь съ конкретными фактами), какъ справедливо говоритъ проф. Таганцевъ (Курсъ русскаго угол. права. С-ПБ. 1874, стр. 70), логически возможно признать только одно изъ двухъ: или наличность, или отсутствіе способности ко вмѣненію. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь намъ приходится рѣшать вопросъ: могъ-ли человѣкъ въ извѣстномъ данномъ случаѣ воздержаться отъ совершенія противозаконнаго дѣла, еслибы только за-

громадная разница между тяжелою формою настоящей меланхоліи въ полномъ ея развитіи и тѣмъ угнетеннымъ состояніемъ духа, съ замѣтною замедленностью движенія представленій, въ которое временно впадаютъ пьяницы послѣ усиленныхъ эксцессовъ in Baccho. — Точно также бываетъ различна и степень прирожденной недостаточности умственныхъ способностей; въ самомъ дѣлѣ, не легко указать границу между безуміемъ и слабоуміемъ, а между тѣмъ опредѣленіе этой границы въ практическомъ отношеніи весьма важно, разъ, по закону, безуміе есть обстоятельство, исключающее вмѣненіе, слабоуміе-же почитается лишь обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину.

Изъ сказаннаго ясно, что законъ, формулирующій условія невмѣненія, не долженъ ограничиваться однимъ указаніемъ причинъ невмѣненія, — ибо при этомъ останется неопредѣленнымъ, какая именно степень или сила дѣй-

---

хотѣлъ воздержаться, или не могъ? Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ ту или въ другую сторону, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, но никакое среднее рѣшеніе здѣсь невозможно. Поэтому я вовсе не принадлежу къ сторонникамъ, защищаемаго нѣкоторыми юристами и многими врачами, учиненія о неполной или уменьшенной вмѣняемости. Уменьшенная вмѣняемость, будучи недопустимою теоретически, не принесла-бы никакой пользы и на практикѣ: въ нее, какъ въ золотую середину, стали-бы сваливаться, безъ дальнѣйшаго разбора всѣ сколько нибудь затруднительные случаи сомнительнаго душевнаго состоянія преступниковъ, т. е. какъ тѣ, въ которыхъ вопросъ о вмѣненіи при несуществованіи въ законѣ рубрики «уменьшенная вмѣняемость» рѣшился-бы или отрицательно или положительно, такъ и тѣ, гдѣ, при неуничтоженной способности ко вмѣненію, въ психическомъ состояніи преступниковъ имѣются особенности, уменьшающія наказуемость (смягчающіяся обстоятельства). Если человѣкъ совершилъ противозаконное дѣяніе въ состояніи, которое съ легальной точки зрѣнія должно быть названо болѣзненнымъ, то одинаково несправедливо заставлять его нести за это какъ полную кару, такъ и кару половинную.

ствія извѣстной причины должна считаться обстоятельствомъ, исключающимъ способность ко вмѣненію. Во избѣжаніе этой неопредѣленности почти во всѣхъ современныхъ европейскихъ уголовныхъ кодексахъ выставляется такъ или иначе выраженный общій критерій состоянія невмѣняемости или, другими словами, общее опредѣленіе понятія о невмѣняемости. Ст. 95 нашего дѣйствующаго уложенія тоже выставляетъ нѣкоторый критерій состоянія невмѣняемости, но неудовлетворительность формулировки этой статьи именно въ томъ и состоитъ, что выставляемый ею критерій слишкомъ узокъ и одностороненъ, захватываетъ не всѣ случаи отсутствія способности ко вмѣненію, а лишь часть ихъ. «Преступленіе или проступокъ, учиненные безумнымъ отъ рожденія или сумасшедшимъ, не вмѣняются имъ въ вину, когда нѣтъ сомнѣнія, что безумный или сумасшедшій по состоянію своему въ то время не могъ имѣть понятія о противузаконности и самомъ свойствѣ своего дѣянія». Однако весьма нерѣдки случаи, когда человѣкъ душевнобольной положительно не въ состояніи воздержаться отъ совершенія противузаконнаго дѣянія, несмотря на то, что имѣетъ ясное понятіе о противозаконности и о самомъ свойствѣ этого дѣянія. Такъ бываетъ, напр., когда, при относительной нетронутости интеллектуальной сферы, къ преступленію роковымъ образомъ влекутъ такъ называемыя насильственныя представленія (Verrücktheit aus Zwangsvorstellungen, abortive Verrücktheit Westphal'я) или когда преступное дѣянія есть результатъ самостоятельнаго первичнаго раздраженія въ психомоторныхъ областяхъ мозговой коры (Zwangshandlungen) или же результатъ болѣзненнаго разстройства сферы органическаго побужденія (impulsive Handlungen). Пониманіе свойства и значенія совершаемаго есть лишь одно изъ двухъ

необходимыхъ условій свободы дѣйствованія и опредѣляетъ собою лишь такъ называемую (Mittermayer, Krafft-Ebing) свободу сужденія (libertas judicii). Но для свободнаго дѣйствованія необходима кромѣ свободы сужденія и свобода выбора способовъ дѣйствованія, другими словами, необходима способность руководиться правильно сознаннымъ или понятымъ въ своемъ дѣйствованіи (libertas consilii). Гдѣ нѣтъ возможности сознательнаго выбора способовъ дѣйствованія, тамъ нѣтъ и способности ко вмѣненію.

Особенно затрудняетъ на практикѣ не только экспертовъ, но и присяжныхъ засѣдателей формулировка 96-й ст. нашего нынѣ дѣйствующаго уложенія: «не вмѣняется въ вину учиненное въ болѣзненномъ припадкѣ умоизступленія или совершеннаго безпамятства только въ томъ случаѣ, если таковый припадокъ точно доказанъ». Требованіе, чтобы умоизступленіе или безпамятство было точно доказано, могло имѣть смыслъ лишь при нашемъ прежнемъ судопроизводствѣ, всецѣло основанномъ на системѣ формальныхъ уликъ. При теперешнемъ-же судопроизводствѣ, когда уголовныя дѣла рѣшаются присяжными засѣдателями по внутреннему убѣжденію, послѣдніе не только могутъ, но и должны бы признавать неотвѣтственнымъ подсудимаго во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эксперты заявляютъ основательное сомнѣніе въ нормальности его душевнаго состоянія въ моментъ дѣянія. Тѣмъ не менѣе, въ силу 96-й ст. уложенія о наказаніяхъ присяжнымъ засѣдателямъ въ подобныхъ случаяхъ всегда ставится такой вопросъ: «находился ли подсудимый въ моментъ преступнаго дѣянія въ точно доказанномъ припадкѣ умоизступленія», и это требованіе точной доказанности иногда затрудняетъ и запутываетъ присяжныхъ даже въ случаяхъ совершенно простыхъ и ясныхъ. —

Такъ, мнѣ вспомнилось разбиравшееся въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, въ 1882 году, дѣло солдатки Ульяны Матвѣевой, нанесшей, при обстоятельствахъ, заставлявшихъ подозрѣвать умоизступленіе, рану своей соперницѣ. При испытаніи въ больницѣ Св. Николая Чудотворца обвиняемая оказалась раздражительнымъ, невропатическимъ субъектомъ, подверженнымъ частымъ головнымъ болямъ и приливамъ крови къ головѣ. Врачъ, производившій испытаніе, д-ръ Сикорскій (послѣ, въ судебномъ засѣданіи онъ не присутствовалъ), не высказываясь съ полною опредѣлительностью, склонился однако въ пользу того мнѣнія, что Матвѣева нанесла ударъ своей соперницѣ не въ припадкѣ умоизступленія, а въ простомъ аффектѣ ревности и злобы. Вызванные въ судъ эксперты, д-ра Майдель, Чечоттъ и Черемшанскій, несмотря на то, что были спрошены по одиночкѣ, всѣ трое рѣшительно признали въ этомъ случаѣ умоизступленіе. Однако, присяжные, на поставленный имъ вопросъ о вмѣненіи, дали слѣдующій странный отвѣтъ: «умоизступленіе не было точно доказано» *) и подсудимая была осуждена. Очевидно, присяжные-формалисты въ этомъ случаѣ интересовались не столько уясненіемъ себѣ того состоянія, въ какомъ находилась обвиняемая въ моментъ своего дѣянія, сколько рѣшеніемъ вопроса — точно или не точно эксперты доказали въ этомъ случаѣ умоизступленіе...

При нынѣ дѣйствующемъ уложеніи о наказаніяхъ (ст. 95 и 96) особенно бываютъ затруднительными для врача въ его судебно-медицинской практикѣ тѣ случаи, когда обвиняемый, во время учиненія дѣянія, при сохранив-

*) Такъ, по крайней мѣрѣ, было сказано въ судебной замѣткѣ газеты «Голосъ».

шейся способности сужденія (Unterscheidungsvermögen) находился въ состояніи, исключавшемъ способность свободнаго опредѣленія къ дѣйствію, т. е. былъ лишенъ способности выбора образа дѣйствованія (отсутствіе Wahlfähigkeit, libertatis consilii). Сюда относятся многочисленные случаи insanitatis moralis, manie raisonnante. транзиторныхъ истерическихъ разстройствъ, такъ называемая Verrücktheit aus Zwangsvorstellungen (Westphal). Эти случаи не подводятся подъ 95 ст. нашего уложенія, ибо здѣсь нѣтъ ни рѣзкаго сумасшествія, ни полнаго безумія, при чемъ подсудимый былъ-бы лишенъ способности понимать противозаконность и самое свойство своего дѣянія. Подвести ихъ подъ ст. 96-ю тоже не всегда бываетъ возможно, ибо по этой статьѣ припадокъ умоизступленія или совершеннаго безпамятства непремѣнно долженъ быть точно доказанъ; экспертирующій врачъ можетъ быть глубоко убѣжденъ, что преступленіе совершено въ транзиторно-ненормальномъ психическомъ состояніи и однако не находитъ въ результатахъ предварительнаго слѣдствія достаточно данныхъ для того, чтобы точно доказать въ данномъ случаѣ припадокъ умоизступленія. Въ этомъ отношеніи особенно интересно дѣло дѣвицы Губаревой, гдѣ нельзя было прямо доказать рѣзкаго психическаго разстройства подсудимой въ моментъ учиненія ею преступленія, но можно было лишь возбудить основательное сомнѣніе въ нормальности ея умственнаго состоянія во время дѣянія и то лишь не иначе, какъ выставивши на видъ обстоятельства, въ акты предварительнаго слѣдствія не попавшія. — Случай этотъ заслуживаетъ подробнаго описанія, ибо съ одной стороны онъ интересенъ не только въ судебно-медицинскомъ, но и въ психопатологическомъ отношеніи, съ другой стороны въ этомъ процессѣ ярко обнаруживается неудовлетворитель-

ность существующихъ условій врачебной экспертизы на судѣ и затруднительность послѣдней въ случаяхъ подобныхъ настоящему.

II.

Обстоятельства дѣла по результатамъ предварительнаго слѣдствія таковы:

Въ ночь на 30-е августа 1881 года между Старою Деревнею и Лахтою (близъ окраины Петербурга) былъ избитъ легковой извощикъ крестьянинъ Вавило Саблинъ, при чемъ сѣдоки его дѣвица Юлія Губарева и ея работникъ крестьянинъ Пахомъ Чудинъ, снявъ съ извощика кучерское платье, угнали лошадь съ пролеткою. Утромъ 30-го августа Губарева сама продала лошадь на Конной (за 35 р.); при полицейскомъ обыскѣ, послѣдовавшемъ къ вечеру того-же дня, пролетка и платье Саблина были найдены въ сараѣ Губаревой, а сбруя съ лошади Саблина въ ея, Губаревой, квартирѣ.

Будучи привлечена къ слѣдствію по обвиненію въ покушеніи на убійство съ цѣлью ограбленія, Губарева виновною себя не признала, но объяснила слѣдующее. Проживавшій у нея въ работникахъ крестьянинъ Пахомъ Чудинъ будто-бы предлагалъ ей, два мѣсяца тому назадъ, скрыть въ ея сараѣ краденый экипажъ, но она отказалась. Затѣмъ, намѣреваясь ѣхать въ деревню, Чудинъ говорилъ, что у него нѣтъ денегъ и вотъ въ субботу, 29-го августа онъ куда-то собрался, сказавъ, что онъ нашелъ средство поправить свои обстоятельства и предложилъ ей, Губаревой, поѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Будучи въ тотъ вечеръ пьяною, она согласилась ѣхать съ Чудинымъ за городъ. Дорогою Чудинъ и извощикъ пили въ разныхъ трактирахъ. Между Старою Деревнею и Лахтою она, Губарева, не желая дальше ѣхать съ пьяными, сошла съ пролетки и пошла къ городу, послѣ чего видѣла, что Чудинъ и извощикъ стали между собою драться. Вскорѣ Чудинъ догналъ ее на лошади и убѣдилъ сѣсть въ пролетку, говоря, что теперь уже все равно, такъ какъ онъ зашибъ

извощика по затылку (однако, не убивъ). Утромъ лошадь была ею, Губаревою, продана на Конной.

Работникъ Губаревой, крестьянинъ Чудинъ, тоже не признавшій себя виновнымъ, на допросѣ у судебнаго слѣдователя показалъ, что 29-го августа онъ собрался на Лахту въ гости къ своему знакомому. Барышня Губарева безъ его приглашенія вздумала ѣхать съ нимъ, чтобы „провѣтриться". Сперва они хотѣли было ѣхать „по конкѣ", но такъ какъ вагоны были переполнены, то они (около 11 час. ночи) наняли, на углу Большой Конюшенной и Невскаго проспекта, извощика до Старой Деревни, разсчитывая тамъ взять чухонца, но, не найдя чухонца, наняли того-же извощика на Лахту. Чудинъ (по его словамъ) былъ нетрезвъ, ибо еще дома онъ выпилъ 6—7 стаканчиковъ водки, да дорогою онъ и извощикъ выпили каждый по 2 стакана. За Старою Деревнею извощикъ будто-бы не захотѣлъ ѣхать далѣе, вслѣдствіе чего онъ, Чудинъ, схватившись съ извощикомъ драться, билъ его по головѣ кошелькомъ съ мѣдною монетою, при чемъ Губарева находилась въ сторонѣ и въ дракѣ ни мало не участвовала. Чтобы извощикъ не привлекъ его къ отвѣту за побои, онъ, Чудинъ, рѣшился уѣхать на лошади Саблина, уговоривъ барышню сѣсть въ пролетку и разсчитывая бросить лошадь на дорогѣ, въ Александровскомъ Паркѣ; платье-же извощика онъ надѣлъ на себя для того, чтобы ихъ не остановили. Послѣ онъ разсудилъ, что „теперь уже все равно" и потому они привели лошадь съ пролеткою на дворъ къ себѣ.

При медицинскомъ освидѣтельствованіи Саблина, у него оказались двѣ раны въ мягкихъ покровахъ головы, безъ поврежденія кости, одна изъ ранъ находилась у наружнаго угла лѣваго глаза, другая — на затылочной кости, при чемъ каждая была длиною въ ½ вершка; заключеніемъ полицейскаго врача обѣ эти раны отнесены къ числу поврежденій легкихъ.

Потерпѣвшій далъ показаніе, въ слѣдующемъ разнящееся отъ показаній обвиняемыхъ. Дорогою на Лахту они никуда не заѣзжали, оба сѣдока были совсѣмъ трезвые и самъ онъ,

Саблинъ, никогда ничего не пьетъ. Въ Старой Деревнѣ Чудинъ и Губарева, не слѣзая съ пролетки, высматривали чухонца, но такъ какъ послѣдняго не нашлось, то онъ, Саблинъ, подрядился везть ихъ на Лахту. — Дорогою онъ вдругъ почувствовалъ, что его сзади треснули по головѣ чѣмъ-то твердымъ. Въ первомъ своемъ показаніи (2-го сентября 1881 г.) Саблинъ выразился, что отъ этого удара онъ упалъ, послѣ чего сѣдоки, подбѣжавъ къ нему, стали его бить. Но при вторичномъ допросѣ (26-го января 1882 г.) онъ сказалъ, что послѣ нанесеннаго ему удара онъ не упалъ, а только соскочилъ съ козелъ; отъ полученнаго сзади удара упала лишь его шляпа. Сѣдоки тоже соскочили съ пролетки, Чудинъ схватился съ нимъ, Саблинымъ, драться, а Губарева помогала Чудину повалить Саблина, ухвативъ послѣдняго за волосы. Когда Чудинъ билъ Саблина по головѣ, Саблинъ, по его словамъ, слышалъ, какъ женщина учила: „бей на смерть!“ Однако изъ показаній самого потерпѣвшаго нигдѣ не видно, чтобы онъ, хотя-бы на короткое время, впадалъ въ состояніе безчувствія; Чудинъ-же рѣшительно утверждалъ, что извощикъ все время былъ въ памяти и говорилъ.

При слѣдствіи мать Юліи Губаревой (вдова титулярнаго совѣтника, по профессіи акушерка) и братъ обвиняемой (кандидатъ на судебныя должности служащій при Сенатѣ), равно какъ и другія лица, близко знавшія обвиняемую (коллежскій совѣтникъ Сиговъ, жена коллежскаго совѣтника Александра Пукирева и дочь послѣдней Марья Пукирева), заявили сомнѣніе въ нормальности умственныхъ способностей Юліи Губаревой, вслѣдствіе чего обвиняемая, 7-го сентября 1881 г., была подвергнута освидѣтельствованію въ порядкѣ, указанномъ 353 статьею устава уголовнаго судопроизводства, при чемъ д-ръ Чижъ высказался, что „г-жа Губарева должна быть подвергнута медицинскому наблюденію въ спеціальномъ заведеніи для выясненія характера и формы душевнаго разстройства, которое можно съ большою вѣроятностью предположить въ настоящемъ случаѣ“. — Основываясь на этомъ, судебный слѣдователь собственною властью (помимо проку-

рорскаго надзора) препроводилъ (22-го сентября 1881 г.) обвиняемую въ Городской Пріютъ для призрѣнія душевнобольныхъ, гдѣ она и находилась до мая 1882 г. Врачъ этого пріюта, д-ръ Чижъ, основываясь на своей экспертизѣ (законченной 14-го января 1882 г.), а также на произведенномъ имъ изслѣдованіи Губаревой 7-го ноября 1881 г., заключилъ, „что обвиняемая страдаетъ гистеріею (Hysteriasis) и что 29-го августа 1881 г., тѣмъ болѣе, что она, по ея словамъ, была пьяна, психическія ея способности находились въ болѣзненномъ состояніи“.

1-го мая 1882 г. Губарева была свидѣтельствована въ порядкѣ, указанномъ 355 ст. уст. угол. судопр. Произведя освидѣтельствованіе, эксперты, д-ра Майдель, Чечоттъ и Синани, не нашли возможнымъ присоединиться къ мнѣнію д-ра Чижа, но дали на предложенные имъ Окружнымъ Судомъ вопросы слѣдующій отвѣтъ: „для рѣшенія этихъ вопросовъ слѣдуетъ подвергнуть Губареву продолжительному наблюденію въ спеціальномъ заведеніи, съ препровожденіемъ дѣла для свѣдѣнія врачу наблюдающему“.

8-го мая 1882 г. дочь титулярнаго совѣтника дѣвица Юлія Губарева, обвиняемая въ покушеніи на убійство съ цѣлью ограбленія, поступила на испытаніе въ больницу Св. Николая Чудотворца. Изслѣдованіе этой обвиняемой и наблюденіе за нею старшему доктору этой больницы, д-ру Чечотту, угодно было поручить мнѣ. Затруднительность даннаго судебно-медицинскаго случая заставила меня отнестись къ дѣлу съ особеннымъ усердіемъ; я не ограничился подробнымъ изслѣдованіемъ физическаго и психическаго состоянія обвиняемой, внимательнымъ и обстоятельнымъ наблюденіемъ за нею въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, но постарался изслѣдовать обстоятельства всей прежней ея жизни и стремился на сколько возможно освѣтить всю психическую личность обвиняемой, оказавшуюся въ высокой степени аномальною, и исторически прослѣдить появленіе и развитіе ея болѣзненныхъ особенностей. — Только путемъ такого обширнаго и кропотливаго труда я могъ выработать по данному дѣлу медицинское

мнѣніе, какъ мнѣ кажется, вполнѣ соотвѣтствующее современнымъ требованіямъ судебной психопатологіи и согласующееся съ принципами, устанавливаемыми новѣйшими авторитетами въ этой отрасли знанія: Касперомъ, Краффтъ-Эбингомъ, Шлагеромъ, Гаустеромъ и друг.

III.

Изложу сначала анамнестическія данныя, добытыя мною отъ родныхъ и знакомыхъ дѣвицы Губаревой и частію извлеченныя изъ ея собственныхъ сообщеній. Значительная часть этихъ данныхъ заключается въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, вошедшихъ въ акты предварительнаго слѣдствія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не стѣснялся вводить въ дѣло и обстоятельства, открытыя лично мною, основываясь на 333 ст. уст. угол. судопр., которая обязываетъ врача не упускать изъ виду и тѣхъ обстоятельствъ, на которыя слѣдователь не обратилъ вниманія, если они могутъ содѣйствовать раскрытію истины; къ тому-же добытыя мною свѣдѣнія даннымъ предварительнаго слѣдствія не только ни мало не противорѣчили, но, напротивъ, служили лишь къ ихъ дополненію и лучшему уясненію.

Юлія Васильевна Губарева родилась въ г. Тулѣ 25-го декабря 1855 г. Отецъ ея отличался чрезмѣрнымъ резонерствомъ и наклонностью разсуждать о высокихъ предметахъ. Запойнымъ пьяницею онъ не былъ, но употреблялъ водку постоянно, несмотря на то, что скоро „слабѣлъ“ отъ нея и съ двухъ рюмокъ уже пьянѣлъ; послѣдніе годы своей жизни онъ, подъ вліяніемъ неудачъ, сталъ сильнѣе предаваться пьянству, по временамъ впадалъ въ задумчивость и однажды намѣревался отравиться. Онъ умеръ, отъ скоротечной чахотки, когда дочери было 11 лѣтъ. — Мать обвиняемой, Софья Никитишна Губарева (теперь 50-ти лѣтъ отъ роду, по профессіи— акушерка) женщина съ нервнымъ темпераментомъ, весьма впечатлительная и вспыльчивая; впрочемъ, никакими особенными болѣзнями не страдала; лишь изрѣдка, вслѣдствіе до-

машнихъ огорченій, съ нею (по ея собственнымъ словамъ) случались припадки, подобные истерическимъ. — Бабушка обвиняемой, по матери, была здорова, но отличалась крайнею раздражительностью и въ то-же время характеромъ весьма энергическимъ и „мужественнымъ“; она умерла отъ рака матки. — Между прочими близкими родственниками обвиняемой лицъ, прямо страдавшихъ умственнымъ разстройствомъ, не было, но въ числѣ двоюродныхъ сестеръ Юліи Губаревой находятся нѣсколько невропатическихъ субъектовъ, страдавшихъ истеріею.

У Софьи Губаревой было шесть человѣкъ дѣтей; всѣ они оказывались одаренными отъ природы способностями, превышавшими среднюю норму, у всѣхъ ихъ умственное развитіе начиналось преждевременно и, по крайней мѣрѣ вначалѣ, шло необычайно быстро. За исключеніемъ Юліи и брата ея Константина, всѣ прочія дѣти были недолговѣчны, при чемъ долѣе другихъ жила одна изъ младшихъ сестеръ Юліи, отличавшаяся крайнею впечатлительностью и прямо необыкновенными умственными способностями; она умерла на 11-мъ году жизни отъ воспаленія мозга. Во время беременности Юліею Софья Губарева страдала частыми кошемарами, чего не было во время беременности другими дѣтьми; роды были благополучны. Съ 4-хъ сутокъ по рожденіи у Юліи, впродолженіи двухъ недѣль, по словамъ ея матери, появлялись на головѣ, при явленіяхъ прилива крови къ головному мозгу, абсцессы, величиною въ грецкій орѣхъ, послѣ прорывавшіеся.

Въ первыя восемь лѣтъ своей жизни Юлія Губарева была подвержена приливамъ крови къ головѣ, при чемъ являлись скоропреходящій бредъ и галлюцинаціи зрѣнія. Приступъ активной гиперэміи мозга предвѣщался тѣмъ, что лице Юліи мгновенно краснѣло, затѣмъ она (по словамъ ея матери) начинала бредить, при чемъ всего чаще впадала въ крайній ужасъ и металась какъ обезумѣвшая; иногда-же при этомъ обнаруживалось, что она видитъ передъ собою то, чего въ дѣйствительности передъ нею въ то время не было; напримѣръ, указывая передъ собою, она кричала: „смотрите, смот-

рите... вотъ мальчики — лѣзутъ на дерево!“ — Братъ Юліи также знаетъ, что она въ дѣтствѣ была подвержена галлюцинаціямъ. Одинъ случай особенно продолжительной галлюцинаціи до сихъ поръ живо памятенъ матери, брату, нянькѣ и самой обвиняемой. Это было на 7-мъ году жизни Юліи Губаревой: дѣвочка, незадолго передъ тѣмъ возвратившаяся изъ бани, укладывалась въ постель, но вдругъ пришла въ сильное волненіе и стала требовать, чтобы окружающіе прогнали чужую женщину, которая будто-бы къ ней, къ Юліи, подходила, нагибалась надъ нею, затѣмъ начала ходить по комнатѣ и рыться въ ихъ комодахъ.

Умственное развитіе Юліи Губаревой началось преждевременно и шло быстрѣе, чѣмъ это бываетъ у большинства дѣтей. На 6-мъ году жизни, еще прежде чѣмъ началось систематическое обученіе, она, неожиданно для матери, въ одну недѣлю „шутя“ научилась отъ брата читать. Вообще съ ранняго возраста и до эпохи половой зрѣлости Юлія Губарева отличалась не только чрезвычайно живою фантазіею, но и необычайною воспріимчивостью, вмѣстѣ съ экстраординарною способностью запоминанія. Какъ была велика ея впечатлительность, видно изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго ея матерью. Будучи пяти лѣтъ отъ роду, Юлія увидала однажды погребальное шествіе — похороны священника, и тотчасъ-же изобразила, какъ умѣла, эту процессію на бумагѣ, не упустивъ ни одной изъ мельчайшихъ подробностей: на рисункѣ были отмѣчены какъ кресты на ризахъ, такъ и перевитыя золотомъ свѣчи въ рукахъ священнослужителей.

По характеру Юлія Губарева была съ дѣтства крайне своеобразна, упряма, порывиста, смѣла, очень вспыльчива, но не зла. Съ дѣтства она обращала на себя вниманіе многими странностями, причудами и, между прочимъ, такъ называемыми идіосинкразіями. Въ возрастѣ отъ 2-хъ до 4-хъ лѣтъ она обнаруживала неудержимое желаніе ѣсть уголь и сало, при чемъ не брезговала и сальными свѣчами; въ другихъ-же отношеніяхъ, напротивъ, выказывала чрезмѣрную, почти болѣзненную брезгливость, напримѣръ, относительно

таракановъ. Съ 6-ти лѣтняго возраста Юліи для окружающихъ ее стало яснымъ, что, по своему характеру и наклонностямъ, она приближается болѣе къ мужскому полу, чѣмъ къ женскому; такъ, она не находила удовольствія въ обществѣ дѣвочекъ, не играла въ куклы, но предпочитала бороться и драться съ мальчиками, играть первую роль въ ихъ играхъ, взлѣзать на крыши и на деревья и проч.

Въ 1867 году Софья Губарева, имѣя тогда двухъ дочерей, переселилась изъ Тулы въ С.-Петербургъ. Юлія, 11-ти лѣтъ отъ роду, поступила въ 7-й классъ Маріинской гимназіи и до 2-го класса училась хорошо, однако не столько вслѣдствіе прилежанія (по словамъ матери ея, она была скорѣе лѣнивою), сколько благодаря своимъ способностямъ. Впрочемъ, уже и въ это время было замѣтно, что способности ея односторонни, всего легче ей давались тѣ учебные предметы, въ которыхъ можно было успѣть единственно благадаря способности легкаго усвоенія (воспріимчивости) и памяти, — именно исторія и описательныя естественныя науки, — тогда какъ въ математикѣ, гдѣ требуется ясность соображенія и точность сужденія, она успѣвала менѣе.

Юлія Губарева начала менструировать на 16-мъ году. Регулы у нея всегда были неправильными и весьма часто сопрягались въ маточною коликою; количество менструальной крови всегда было значительно меньше нормы. Половое влеченіе пробудилось въ ней очень рано, на 8—9 году, и съ самаго начала было превратнымъ („sensus sexualis contrarius"), т. е., оно было обращено на особъ того-же пола. Уже съ дѣтства она, по ея собственнымъ сообщеніямъ, „начала ухаживать за красивыми и молодыми женщинами" изъ числа нанимавшихъ у нихъ комнаты (мать Губаревой имѣла комнаты для жильцевъ) или просто знакомыхъ, а когда Юліи Губаревой было 8—9 лѣтъ, одна дама ей „особенно понравилась" и, безъ своего вѣдома, возбудила въ ней чувство, похожее на любовь съ сильнымъ половымъ влеченіемъ. Юлія Губарева сама говоритъ, что это влеченіе было „чисто-животное" и носило на себѣ характеръ неодолимости; однако, дальнѣй-

шаго развитія это чувство не получило, потому что эта женщина скоро уѣхала отъ нихъ. Затѣмъ, еще прежде чѣмъ Юліи исполнилось 15 лѣтъ, ей, какъ сама она говоритъ, „стала было нравиться“ другая дама, но эта женщина не удовлетворяла эстетическимъ требованіямъ Губаревой: „была грубовата“, и потому влеченіе Юліи на этотъ разъ не перешло „въ любовь“. Какъ до этого времени, такъ и послѣ Губарева не чувствовала ни малѣйшаго физическаго влеченія къ мужчинамъ. Къ самоудовлетворенію половаго побужденія, т. е. къ онанизму, она, ни въ дѣтствѣ, ни въ позднѣйшее время жизни, никогда не прибѣгала.

Съ наступленіемъ половой зрѣлости произошла рѣзкая перемѣна въ характерѣ, привычкахъ и образѣ жизни Юліи Губаревой. Съ этого времени (какъ замѣтилъ ея братъ Константинъ Губаревъ) не только прекратилось ея нравственное и умственное развитіе, но даже прямо началось регрессированіе, что выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что память ея замѣтно стала слабѣть. Оттого-то она, въ дѣтствѣ отличавшаяся почти необыкновенною памятью, теперь съ трудомъ опредѣляетъ точное время различныхъ событій изъ своей прошлой жизни. Съ 14-ти лѣтъ ученіе стало даваться ей видимо труднѣе чѣмъ прежде, а на 16-мъ году, когда Юлія Губарева была во 2-мъ классѣ гимназіи, оно ей, по ея собственнымъ словамъ, „просто опротивѣло“. При такихъ условіяхъ переходный экзаменъ не могъ быть выдержанъ, а на экзаменѣ изъ нѣмецкаго языка былъ полученъ прямо „афронтъ“, такъ подѣйствовавшій на самолюбивую дѣвушку, что съ нею сдѣлался сильный припадокъ истерики. Несмотря на противодѣйствіе родныхъ и знакомыхъ Губарева вышла изъ гимназіи, не кончивъ курса.

На 16-мъ году своей жизни Юлія Губарева познакомилась съ одной полькой, вдовой. Полька, по словамъ Юліи Губаревой, была красивая, изящная женщина, повидимому, имѣвшая средства къ жизни. Въ то время эта женщина „ужъ не имѣла любовника“ и „тоже не любила мужчинъ“. Полька приручила“ къ себѣ Юлію Губареву и послѣдняя „влюби-

лась въ нее". По словамъ самой испытуемой, это была „ея первая настоящая любовь". Съ тѣхъ поръ между Губаревой и этой вдовой началась горячая дружба, не прерывавшаяся въ теченіи многихъ лѣтъ; впрочемъ, по временамъ ихъ свиданія прекращались, потому что полька часто уѣзжала на нѣсколько мѣсяцевъ за границу. При этомъ испытуемая объяснила мнѣ, что она любила эту вдову подобно тому, „какъ мужчина любитъ женщину", полька же, наоборотъ любила, ее, Губареву, „какъ женщина любитъ мужчину".

Послѣ вышеописаннаго знакомства, Губарева, какъ она сама выражается, „научилась не давать спуска женщинамъ": если встрѣченная ею женщина „нравилась ей", то Губарева „непремѣнно начинала ухаживать за нею" и старалась вступить съ этой женщиной въ дружбу. О дружбѣ Губаревой съ вышеупомянутой полькой домашніе Губаревой, повидимому, ничего не знали. Вообще, внутренняя жизнь Юліи Губаревой и многія изъ ея знакомствъ (какъ видно изъ словъ самой испытуемой) остались скрытыми какъ для ея матери, такъ и для брата. Губарева не любила пускаться въ откровенности со своими домашними; будучи въ высшей степени самоувѣренною и высоко цѣня самостоятельность, она поставила себя дома такъ, что ни мать, ни братъ не осмѣливались вмѣшиваться въ ея дѣла.

Что касается до отношеній Губаревой къ мужчинамъ, то мать ея на предварительномъ слѣдствіи выразилась относительно этого пункта такъ: „мужчинъ она очень не любила, и когда я совѣтовала ей выйти замужъ, она говорила, что ни за что этого не сдѣлаетъ, что мужчинъ она ненавидитъ". Братъ Губаревой лично мнѣ сообщилъ, что онъ замѣчалъ не только неблаговоленіе сестры къ мужчинамъ, но и ея склонность къ женскому полу, но никакихъ выводовъ изъ этого не дѣлалъ, лишь видѣлъ въ этомъ одну изъ многихъ „странностей" Юліи. Губарева сама мнѣ разсказывала, что она одинъ разъ въ своей жизни состояла въ связи съ мужчиной, при чемъ матери ея и знакомымъ это осталось неизвѣстнымъ. Вотъ сущность этого сообщенія испытуемой: нѣсколько лѣтъ

тому назадъ ей „понравился одинъ кавалеръ“, но это чувство было чисто платоническое; этотъ мужчина (имени и профессіи его она не назвала) страстно полюбилъ ее; „изъ дружбы и платонической любви“ къ нему, а также будучи ему чѣмъ-то „обязана“, она, наконецъ, уступила его настояніямъ и вступила съ нимъ въ любовную связь, несмотря на то, что половыя сношенія съ мужчиной не доставляли ей физическаго удовлетворенія; отъ этой связи у ней былъ ребенокъ, отданный ею одной дамѣ на воспитаніе; послѣ родовъ она, будучи долѣе не въ силахъ насиловать свою натуру, будтобы прекратила связь съ „кавалеромъ“, оставшись съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи гинекологическое изслѣдованіе прямо доказало, что Губарева уже рожала.

Послѣ того какъ Юліи Губаревой исполнилось 16 лѣтъ, ея характеръ (по сообщенію ея брата) рѣзко измѣнился, при чемъ сначала замѣчалась небывалая прежде апатія, а потомъ все рѣзче и рѣзче стали выступать на первый планъ, какъ выдающіяся черты характера, — упрямство, самонадѣянность и чрезмѣрное самолюбіе. Смѣшливость, которою Губарева отличалась съ дѣтства, еще болѣе усилилась. Преобладающимъ настроеніемъ у Губаревой, въ возрастѣ отъ 18-ти до 22-хъ лѣтъ было (по словамъ ея брата) состояніе большей или меньшей экзальтаціи, при чемъ самыя обыкновеннныя обстоятельства нерѣдко вызывали въ ней продолжительный, неудержимый смѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ настроеніи Губаревой все чаще и чаще стали замѣчаться окружающими неожиданные переходы отъ буйной веселости къ вялости и апатіи. Ея вспыльчивость, быстро возрастая, скоро перешла въ болѣзненную раздражительность, при чемъ сравнительно ничтожныя обстоятельства стали подавать поводъ къ бурнымъ сценамъ гнѣвной запальчивости, сопровождавшейся приступами истерики (судорожное рыданіе въ перемежку съ таковымъ-же смѣхомъ, спазмы въ горлѣ, при чемъ общихъ судорогъ, впрочемъ, никогда не бывало) и нерѣдко переходившей въ полное неистовство: у Губаревой въ такихъ случаяхъ

„глаза наливались кровью, она стучала ногами, кулаками, бросалась на стѣны, рвала волосы, металась“.

Въ то же время знакомые Губаревой поражались въ ея характерѣ „избыткомъ силы, чисто мужской, и отсутствіемъ женственности“, равно какъ и ея „порывистостью“, „дикостью и буйностью“, вмѣстѣ съ разными другими странностями. Въ числѣ этихъ странностей укажу на слѣдующее. Губарева (по словамъ ея матери и брата) во многихъ отношеніяхъ была чрезмѣрно брезглива: одинъ видъ чернаго таракана или присутствіе волоса въ супѣ вызывали у ней тошноту, иногда рвоту и приступъ истерики. Будучи вообще весьма смѣлою, она въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывалась трусливою; напримѣръ, она боялась темноты, такъ что лишь съ большимъ трудомъ могла пріучить себя спать одной въ комнатѣ; боялась домовыхъ; никогда не купалась въ купальняхъ, потому что видъ воды съ темною поверхностью, равно какъ и прудовая вода, покрытая тиною и ряскою, наводили на нее страхъ. Замѣчательна также (сообщенная мнѣ матерью испытуемой) наклонность Юлій Губаревой прятать свои деньги въ необычайныя мѣста, напримѣръ, „въ клозетѣ, гдѣ-нибудь за плинтусомъ“.

Характеръ Губаревой вообще поражалъ всѣхъ лицъ, ее близко знавшихъ, чертами, прямо контрастирующими между собою. То она являлась застѣнчивой, робкой и сдержанной, то размашисто-удалой, „дикой и буйной“. Будучи обыкновенно бережливой, она временами впадала въ крайнюю скупость, иногда-же поражала свою мать расточительностью. Была, въ отношеніи къ окружающимъ, то крайне мягкой и нѣжной, то рѣзкой, грубой и неразборчивой въ выраженіяхъ. Отличаясь стремленіями и наклонностями, чисто практическаго свойства, она оставалась способною къ беззавѣтному увлеченію. Порывистость ея натуры, то есть способность легко приходить въ аффективное состояніе, видна была во всемъ; изъ показаній и сообщеній ея родныхъ и знакомыхъ приведу въ примѣръ слѣдующее. Однажды разсказывая г-жѣ Пукиревой о своемъ неудавшемся предпріятіи, Губарева „была въ

страшно возбужденномъ, какомъ-то горячечномъ состояніи". Огорчивъ г-жу Пукиреву одной изъ своихъ выходокъ, Губарева послѣ со слезами „валялась въ ногахъ у нея", умоляя о прощеніи. Несмотря на горячую любовь къ своей матери, она обыкновенно относилась къ послѣдней грубо и рѣзко, однажды въ приступѣ неистовства, даже ударила мать. Не будучи злой, она съ прислугой обращалась крайне строго и, находившуюся у нихъ въ услуженіи, дѣвочку Анну часто безпощадно наказывала. До крайности любя домашнихъ животныхъ, она временами выказывала по отношенію къ нимъ необыкновенную жестокость.

Къ числу странностей Губаревой надо отнести и то, что она находила громадное удовольствіе наряжаться въ мужское платье (брюки и пиджакъ или сюртукъ); переодѣвшись въ такой костюмъ (она по ея собственнымъ словамъ), ѣздила иногда по трактирамъ, вступала тамъ въ бесѣду съ незнакомыми ей мужчинами и была счастлива, что въ ней не узнаютъ женщину, но принимаютъ ее то за молодаго приказчика, то за „пѣсенника изъ Молчановскаго хора". „Раза 2—3 она посѣщала въ мужскомъ платьѣ публичные дома, гдѣ танцовала и пѣла въ качествѣ мужчины". Свѣтскихъ же удовольствій съ танцами, выѣздами въ клубы и театры Губарева (по сообщенію ея матери) не любила; о женскихъ нарядахъ и вообще о своей внѣшности ни мало не заботилась, въ отношеніи къ платью даже была прямо небрежной.

О вышеупомянутыхъ поѣздкахъ по трактирамъ и публичнымъ домамъ, равно какъ и о знакомствахъ Губаревой съ „содержанками", съ которыми Губарева (по ея собственнымъ словамъ) любила сходиться потому, что между ними она часто встрѣчала женщинъ, ей „нравившихся", — домашніе Губаревой, повидимому, ничего не знали. Впрочемъ, отчасти ей случалось „проговариваться" про это брату и своей подругѣ Маріи Пукиревой, но послѣдніе не придавали значенія ея словамъ, находя, „что она на себя Богъ знаетъ что наговариваетъ". Братъ ея, какъ онъ самъ объяснилъ мнѣ, полагалъ, что она „наговариваетъ на себя изъ удали и молодечества",

такъ какъ этими свойствами она всегда отличалась. Потребность „дурачиться“ и „куралесить“ (собственныя выраженія испытуемой) находила на нее временами. Долгое время подъ рядъ „путаться“ ей, по ея словамъ, не приходилось; бывали и такіе періоды, когда она „ни въ кого (изъ женщинъ) не была влюблена“. Были у Губаревой также страстныя привязанности, повидимому, чисто платоническаго свойства; сюда принадлежитъ ея любовь къ единственной близкой подругѣ ея М. М. Пукиревой, съ которой Губарева однако не была откровенной, считая ее за ребенка (хотя этой подругѣ 22 года отъ роду).

Родные и знакомые высоко цѣнили Губареву въ умственномъ отношеніи, считали ее за дѣвушку способную, умную, развитую и находили ее замѣчательно остроумною. Впрочемъ, ея подруга и братъ (какъ онъ самъ мнѣ говорилъ) въ послѣднее время стали замѣчать въ ней „отупѣніе“.

При всѣхъ своихъ „странностяхъ“ Губарева въ домашней жизни являлась разсчетливою и трудолюбивою. Она одна вела все хозяйство въ домѣ, изъ экономіи не держала взрослой прислуги, сама исполняла для матери и жильцевъ всѣ обязанности горничной и кухарки, при чемъ не пренебрегала и самой грязной работой, напримѣръ, стиркой бѣлья, мытьемъ половъ. Имѣя прямое отвращеніе отъ замужества, она должна была думать о томъ, чтобы самой обезпечить свое существованіе. Въ своей юности Губарева пробовала давать уроки, заниматься письменной работой и корректурой, но скоро это оставила, такъ какъ все, что напоминало объ ученіи, или о наукѣ (по ея собственному объясненію) „опротивѣло“ ей. Постоянною ея мечтою было заняться торговлею или какимъ нибудь выгоднымъ ремесломъ. Наконецъ, года 4 тому назадъ, взявъ заимообразно у одного изъ своихъ знакомыхъ 500 р., Губарева начала промыселъ лековаго извоза, при чемъ отдалась этому дѣлу съ необыкновеннымъ увлеченіемъ; она сама закупала кормъ для лошадей, сама готовила пищу извощикамъ, запрягала и отпрягала лошадей, мыла какъ лошадей, такъ и экипажи и т. п. На сколько выгоденъ былъ для нея

этотъ промыселъ, — родные и знакомые не знаютъ, такъ какъ она никого не посвящала въ подробности своихъ дѣлъ. Въ послѣдній годъ у нея было только двѣ лошади съ одною закладкою и два работника, ѣздившіе поочередно. Изъ работниковъ Пахомъ Чудинъ поступилъ къ ней съ того времени, какъ она завела лошадей. Особыхъ отношеній къ нему, Губарева, повидимому, не имѣла, но онъ ей, по ея собственнымъ словамъ, былъ ближе, чѣмъ другіе работники, потому, что долго служилъ у нея и отчасти помогалъ ей въ ея домашнихъ работахъ. Со своими работниками Губарева обращалась за-просто, обѣдала съ ними за однимъ столомъ, ходила съ ними въ трактиръ для чаепитія, помогала имъ въ уборкѣ лошадей; поэтому работники вообще любили ее, впрочемъ, какъ она сама говоритъ, „забываться“ передъ нею, не исключая и Пахома, не смѣли. Съ извощиками Губарева сама превратилась въ извощика и браня своихъ работниковъ, зачастую, какъ сама признается, прибѣгала къ непристойнымъ ругательнымъ терминамъ. Будучи вспыльчивой и требовательной, она „не спускала“ своимъ работникамъ пьянства и другихъ провинностей и нерѣдко „лупила ихъ кнутомъ“. Пахому, какъ больше бывавшему у нея на глазахъ, доставалось (по ея словамъ) даже чаще другихъ. Научившись управляться съ лошадьми, Губарева нерѣдко одѣвалась въ кучерское платье и „ѣздила за извощика“, при чемъ особенно бывала довольна, если доводилось ей отвезти мать свою, или кого-нибудь изъ лицъ, близко ее, Губареву, знавшихъ, и эти сѣдоки ея не узнавали.

По дѣлу слѣдуетъ, что никто изъ домашнихъ Губаревой и ея близкихъ знакомыхъ никогда не видалъ ее пьяной, хотя, впрочемъ, видѣли, что она выпьетъ стаканъ вина или рюмку водки. Однако, братъ ея (какъ онъ самъ сообщилъ мнѣ) въ послѣдніе два года замѣчалъ, что сестра иногда является домой „выпивши“, но не сильно, а лишь до степени пріятной экзальтаціи. Сама Губарева относительно этого предмета дала мнѣ слѣдующія объясненія: привыкать къ вину она начала во время знакомства съ вышеупомянутой вдовой полькой,

послѣ же того уже никогда, въ подходящей компаніи не избѣгала спиртныхъ напитковъ; по ея словамъ, она выпивала обыкновенно у такихъ своихъ знакомыхъ, о существованіи которыхъ ея домашніе не знали, напримѣръ, у тѣхъ содержанокъ, съ которыми ей приводилось сходиться, а также и во время своихъ поѣздокъ по трактирамъ, но до крайней степени обыкновенно не напивалась, разъ только случилось, что послѣ двухъ стаканчиковъ коньяку она „свалилась". Губарева любила вообще всякое вино, но коньяку и ликерамъ отдавала предпочтеніе; водку же, напротивъ, пила мало, рюмку, двѣ и то больше „за компанію" съ извощиками. Во хмѣлю становилась еще болѣе веселой и смѣлой, однако никакихъ скандаловъ въ большинствѣ случаевъ не дѣлала. Впрочемъ, если ее „трогали", т. е. сердили, то она въ нетрезвомъ видѣ раздражалась еще легче и сильнѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ своемъ состояніи и готова была, по ея словамъ, „кого угодно съѣздить по мордѣ". Привыкнувъ къ спиртнымъ напиткамъ внѣ дома, впослѣдствіи она и дома, будучи совершенно одна, стала по временамъ прибѣгать къ коньяку или ликерамъ, „чтобы забыться", такъ какъ нерѣдко на нее „нападала тоска".

Въ послѣдніе два года болѣзненныя особенности характера Губаревой, по наблюденіямъ ея родныхъ, выступили особенно рѣзко. Измѣнчивость ея настроенія достигла высшей степени, такъ что въ Губаревой „стали замѣчаться быстрые переходы отъ самой буйной веселости къ ужасному безпредметному озлобленію" (слова ея брата). Послѣ одного огорченія, случившагося съ Губаревой въ концѣ 1880 г. (у ея лошади кто-то отрѣзалъ языкъ), она долгое время сильно тосковала, такъ что ея братъ уже въ это время заподозрилъ въ ней психическое разстройство. Въ это время истерическіе припадки, впрочемъ, неполные, т. е. безъ общихъ судоргъ (спазмы въ горлѣ или globus hystericus, судорожное рыданіе, прерываемое таковымъ же смѣхомъ) были особенно частыми (раза 2—3 въ недѣлю). Кромѣ того, отъ самыхъ ничтожныхъ внѣшнихъ поводовъ и при обыкновеннѣйшихъ обстоятель-

ствахъ домашней жизни, у Губаревой неожиданно для окружающихъ, все чаще и чаще стали повторяться приступы неистовства: моментально ея лице краснѣло; она вдругъ впадала въ крайнюю степень бѣшенства, кричала, топала ногами, кидала предметы, попадавшіеся ей подъ руку, колотилась головой объ стѣну; въ одномъ изъ такихъ приступовъ она ударила свою мать, обратившуюся къ ней съ какимъ-то простымъ вопросомъ. Объ этихъ приступахъ неистовства или бѣшенства мнѣ разсказывали братъ ея и мать, при чемъ послѣдняя выражала свое удивленіе главнымъ образомъ по поводу того обстоятельства, что неистовство разражалось вдругъ и тоже вдругъ, т. е. моментально уступало мѣсто обыкновенному настроенію. Въ этомъ отношеніи особенно памятно ея матери 1-е іюня 1881 года: Юлія Губарева безъ всякой причины начала нещадно бить собаку; взглянувъ на ея лице, мать промолвила: „ты, Юлія, какъ будто-бы выпила"...; эта фраза привела Губареву въ полное неистовство, приступъ котораго „въ одинъ моментъ" кончился, едва лишь кто-то изъ постороннихъ случайно вошелъ въ комнату; Губарева заговорила съ вошедшимъ совершенно спокойно, какъ будто-бы ничего передъ тѣмъ не произошло.

IV.

Переходя къ тому, что Губарева разсказывала въ больницѣ по отношенію ко дню 29-го августа, я долженъ прежде всего сдѣлать слѣдующую ссылку. Отвѣчая (1-го мая 1882 г.) на вопросы, предложенные ей судомъ, Губарева начинала разсказывать про одну барышню, будто-бы бывшую невольной виновницей всего происшедшаго съ нею, Губаревой, въ день 29-го августа: „если-бы ея (т. е. барышни) не было, если-бы она не захворала, то и ничего бы не было и я-бы не поѣхала (на Лахту)". Въ этомъ же самомъ смыслѣ испытуемая объяснялась и въ больницѣ, а именно: у нея, Губаревой, была пріятельница, очень молодая дѣвушка, „консерваторка"; матери у барышни уже не было въ живыхъ, отецъ же въ

день 29-го августа будто-бы былъ въ отлучкѣ изъ дома. Въ субботу, 29-го августа, около 8-ми часовъ вечера, Юлія Губарева пришла къ этой „консерваторкѣ“ и нашла ее больной, притомъ находящеюся „какъ будто-бы въ бреду“. Горячо любя свою пріятельницу, Губарева сильно разстроилась: у нея явилось опасеніе, что барышня умретъ. Испугъ и растерянность Губаревой усиливались тѣмъ обстоятельствомъ, что ей представилось, будто она, Губарева, есть виновница болѣзни „консерваторки“. Тогда она (по ея словамъ) кинулась за докторомъ, но не нашла его и вернулась назадъ еще болѣе растерянною. „Въ страхѣ за жизнь барышни“ она прибѣжала домой и, не зная, что дѣлать, сразу выпила цѣлый графинчикъ ананаснаго ликера (что составляло, по ея словамъ, около двухъ чайныхъ чашекъ). Послѣ этого она вспомнила было о докторѣ Писаревѣ, женатомъ на ея теткѣ, и хотѣла уже было его звать на помощь, но тотчасъ же отвергла эту мысль, такъ какъ она не желала, чтобы ея родные узнали о знакомствѣ ея съ „консерваторкою“. Отъ волненія и отъ выпитаго ею ликера мысли ея „окончательно стали путаться“, такъ что съ этого времени она, по ея словамъ, смутно и не вполнѣ помнитъ то, что она чувствовала и что дѣлала. Соотвѣтственно этому и сообщенія ея съ этого пункта становятся крайне отрывочны и сбивчивы. Было уже около 10-ти часовъ вечера. „Кажется я потомъ“, говоритъ она, „еще чего-то выпила“, затѣмъ „побѣжала въ Свѣчной [1]), при чемъ встрѣтилась съ Пахомомъ. Пахомъ еще днемъ отпрашивался на Лахту къ кому-то въ гости. У нея, Губаревой, знакомыхъ тамъ не имѣлось, сама она тамъ никогда не бывала и даже не знала, гдѣ собственно находится Лахта. Пахомъ ее съ собой не звалъ, но встрѣтивъ его, она вдругъ рѣшила отправиться съ нимъ, единственно лишь въ разсчетѣ „забыться“ и „напиться тамъ окончательно“; къ тому же въ

---

[1]) Губарева жила съ матерью на Разъѣзжей улицѣ, для своихъ же работниковъ она нанимала квартиру по близости, въ Свѣчномъ переулкѣ.

это время ей, по ея словамъ, было рѣшительно „все равно“ куда-бы ни ѣхать, такъ какъ она положительно не знала, что съ собою дѣлать. Пахомъ же зналъ, что она любитъ „кататься“ и потому ни мало не удивился ея намѣренію ѣхать съ нимъ. Сперва они пошли пѣшкомъ, потомъ Чудинъ нанялъ извощика. Дорогою она съ Чудинымъ, вплоть до Старой Деревни, ни о чемъ не разговаривала, вполнѣ предоставивъ ему заботиться о способѣ ихъ проѣзда на Лахту; не обращала ни малѣйшаго вниманія ни на встрѣчавшееся по дорогѣ, ни на своего спутника; лишь въ Старой Деревнѣ будто-бы замѣтила, что Пахомъ пьянъ. Останавливались-ли гдѣ дорогою и пили-ли гдѣ Пахомъ и извощикъ, Губарева навѣрное сказать не можетъ; одкако говоритъ: „кажется, гдѣ-то останавливались“; помнитъ хорошо лишь то, что она сама вплоть до мѣста „приключенія“ не выходила изъ пролетки. Какъ произошло дѣло, хорошенько не помнитъ и наивно признается, что вспоминать ей объ этомъ „непріятно“. Впрочемъ, сообщаетъ, что Пахомъ и извощикъ стали ругаться между собой, что она сошла съ пролетки и пошла по дорогѣ обратно, между тѣми же, какъ ей кажется, произошла драка. Какимъ образомъ она снова очутилась въ пролеткѣ, хорошенько не знаетъ. Пахомъ сказалъ ей, что онъ „отдулъ“ извощика и что лучше уѣхать. Какъ доѣхали домой, — хорошенько не помнитъ; до наступленія утра она не могла ни о чемъ разсуждать и находилась въ такомъ состояніи, что ей было „все равно“. Изъ словъ испытуемой (если только она говоритъ правду) можно заключить, что когда они выѣзжали изъ города, то настроеніе ея духа было глубоко депрессивнымъ, но дорогой, еще до Старой Деревни стало измѣняться и перешло въ настроеніе, по ея обозначенію, „торжественное“. Къ утру, уже послѣ того, какъ они вернулись, ей вдругъ „стало очень весело“ (экспансивное состояніе). Всю эту ночь испытуемая, по ея словамъ, прожила совершенно „безотчетно“.

Вскорѣ по возвращеніи, Губарева, если вѣрить ея словамъ, пошла навѣстить больную „консерваторку“, нашла, что ей нѣсколько лучше, и потомъ, около 7-ми часовъ утра пришла

на Разъѣзжую, а часовъ въ 11 снова отправилась въ Свѣчной. Увидавъ угнанную ими лошадь, она, Губарева, по ея словамъ, долго хохотала, потому что ее „вдругъ сталъ сильно разбирать смѣхъ“. Пахомъ разъяснилъ ей, что лошадь нужно продать и тогда, сообразивъ свое положеніе, она согласилась съ нимъ, что дѣло непоправимо и что остается одно — скрывать слѣды. Въ это утро она чувствовала себя чрезвычайно весело, это обстоятельство подтверждается словами барышника Александрова, который при дознаніи сказалъ, что, продавая лошадь, Губарева была веселой. Продавъ лошадь на Конной, Губарева, по ея словамъ, отправилась на крестный ходъ и возвратилась въ еще болѣе экспансивномъ состояніи. Желая удержаться въ этомъ настроеніи, она будтобы выпила коньяку, послѣ чего, вдругъ вздумавъ устроить для себя и для своей пріятельницы, Маріи Пукиревой, „маленькую пирушку“, поѣхала за шампанскимъ и фруктами. Передъ этимъ, а именно отъ 2—3 часовъ дня Губареву видѣла Марія Пукирева, при чемъ Губарева, по показанію свидѣтельницы „была краснѣе обыкновеннаго“ и сама заявила: „какъ я пьяна“. Далѣе испытуемая разсказываетъ такъ: вернувшись съ покупками, она была приглашена въ участокъ и тамъ, растерявшись, будто-бы „наговорила лишняго“ и „что-то наврала на Пахома“, такъ какъ ей показалось, что тотъ „съ дуру хочетъ свалить все на нее одну“.

Какъ въ воскресенье, 30-го августа, такъ и наканунѣ матери Губаревой не было дома (она находилась у больной). Вернувшись домой въ воскресенье около 12 часовъ ночи, мать съ изумленіемъ нашла на столѣ бутылку шампанскаго, фрукты и записку, написанную карандашемъ рукою Юліи, со словами: „бутылка шампанскаго, дюшесъ! ха, ха, ха, ха, ха, ха!...“ Черезъ нѣсколько времени мать получила отъ Юліи, задержанной въ управленіи участка, записку слѣдующаго содержанія: „Мамаша, не безпокойтесь обо мнѣ, я не приду главное не скучайте. Поминайте меня съ Маникомъ и простите ради Бога. Въ Свѣчной не ходите случилось приключеніе знаю я Вамъ будетъ очень тяжело знать его. Не

безпокойтесь. Ю. Губарева. Завтра увѣдомлю. Я попала въ непріятную исторію Маникъ [1]) можетъ забыть обо мнѣ". — По словамъ матери, Юлія была приведена изъ участка полиціей въ три часа ночи; обвиняемая молча и безучастно присутствовала при обыскѣ и „все время грызла сѣмячки", однако была очень блѣдной.

V.

Теперь пора перейдти къ результатамъ изслѣдованія обвиняемой въ больницѣ Св. Николая Чудотворца.

Юлія Губарева, 26 лѣтъ отъ роду, средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія. Подкожножировой слой необиленъ; мышцы развиты хорошо. Цвѣтъ лица часто мѣняется отъ блѣднаго до сильно розоваго. По цвѣту кожи на прочихъ мѣстахъ тѣла, равно какъ и по доступнымъ для изслѣдованія слизистымъ оболочкамъ видна нѣкоторая степень анэміи. Мышечная сила испытуемой для женщины средняго роста значительна (по динамометру, сила сдавленія въ правой рукѣ у Губаревой равна 55 килогр.). — Складъ лица угловатый, что выражается въ значительно развитыхъ скулахъ и въ подбородкѣ, рѣзко загнутомъ впередъ. Вслѣдствіе этого лице получаетъ отпечатокъ энергичности и вмѣстѣ съ тѣмъ приближается, по типу, къ лицу мужскому. Лобъ широкій, закругленный, выступающій впередъ, вслѣдствіе чего лицевой уголъ значителенъ (лицевой уголъ Клокэ, опредѣленный посредствомъ гоніометра Брока, равенъ у Губаревой 72°). Ширина въ плечахъ у Губаревой, по отношенію къ росту, нѣсколько больше чѣмъ обыкновенно у женщинъ. При ростѣ Губаревой въ 154 сантиметра (и таковой-же величинѣ большаго розмаха) разстояніе между верхнеплечевыми отростками равно 37 сантиметрамъ, что составляетъ 24 на 100 сантиметровъ роста.

---

[1]) Подруга Губаревой, Марія Пукирева.

Голова Губаревой, какъ показываетъ нижеприводимая таблица, относительно очень велика; всѣ размѣры головы у Губаревой (графа А) превышаютъ средніе размѣры женской головы (графа В) и почти или вполнѣ соотвѣтствуютъ среднимъ размѣрамъ головы мужской. Черепъ брахицефалическій, развитъ симметрично. При ощупываніи черепа замѣчаются слѣдующія неправильности. Въ темянной области, соотвѣтственно мѣсту прежняго темяннаго родничка, находится неправильное вдавленіе на кости, величиною около мѣднаго пятака. Верхнезатылочная область представляется сильно выпуклою, вслѣдствіе чего на границѣ между этою областью и областью заднетемянною образуется широкая, весьма замѣтная впадина. Постановка зубовъ и форма твердаго неба правильны.

Размѣры головы у Губаревой (графа А) въ сантиметрахъ:

	A.	B.
a) circumferentia horizontalis	55	53
b) curva longitudinalis	34,5	33
c) curva auriculo-occipitalis	23	22
d) curva auriculo-frontalis	28,5	28
e) curva biauricularis	36	34
f) кривая отъ porus acust. черезъ подбород. на друг. стор.	29,5	28
g) продольный діаметръ черепа	18,2	17,5
h) наибольшій поперечнный діаметръ	15	14
i) діаметръ между pori acustici	12	11,5
k) прямая между скуловыми отростками лобн. костей	11,5	11
l) прямая между porus acust. и носов. остью .	11,5	11
m) головной указатель (**h : g**)	0,82	0,70
n) сумочка **a + b + c** или такъ назв. „вмѣстимость“	125,5	120

Волосы на головѣ не густые. Испытуемая съ первой юности не носитъ косы и стрижется очень коротко. Уши, носъ, ротъ и глаза ничего особеннаго не представляютъ. Голосъ (контральто) при взволнованномъ состояніи испытуемой звучитъ

рѣзко и грубо и въ такихъ случаяхъ становится похожимъ по тэмбру на голосъ мужской. Рѣчь обыкновенно весьма бойкая, при волненіи же испытуемой крайне быстрая, аффективная и рѣзкая. Губарева весьма неразборчива въ своихъ выраженіяхъ, часто употребляетъ простонародные или чрезмѣрно энергическіе термины и обороты (наприм. „дать плюху", „съѣздить по мордѣ", „заѣхать въ рыло" и т. п.); въ раздраженномъ же состояніи энергически бранится, пользуясь, между прочимъ, непристойными ругательными терминами.— Движенія Губаревой большею частью быстры. Мимика и жесты въ особенности при живомъ разговорѣ энергичные, съ отпечаткомъ мужественности и даже ухарства. Вообще въ испытуемой весьма замѣтенъ недостатокъ того, что называется женственностью.

Легкія и сердце ничего ненормальнаго не представляютъ. Органы брюшной полости, повидимому, тоже въ порядкѣ. Аппетитъ средній. Сонъ большею частью удовлетворителенъ.

Регулы часто съ болями, постоянно неправильны, иногда въ большемъ количествѣ противъ нормальнаго, обыкновенно-же въ количествѣ значительно уменьшенномъ. Промежутки между регулами различной продолжительности, большею частью около 5-ти недѣль. Регулы, появившись, продолжаются обыкновенно 3 дня, но черезъ 1—2 или болѣе дней по прекращеніи на 1—2 дня показываются снова. Въ менструальное время испытуемая становится раздражительнѣе обыкновеннаго, иногда же приходитъ въ состояніе легкой маніакальной экзальтаціи, большею частію съ эротическимъ оттѣнкомъ. Впрочемъ постояннаго отношенія между регулами и перемѣнами душевнаго состоянія Губаревой нельзя было замѣтить.

Гинекологическое изслѣдованіе Губаревой, произведенное спеціалистомъ по гинекологіи, д-ромъ медицины Кубасовымъ, показало слѣдующее. Груди небольшія, правильно развитыя. Конфигурація таза ничего ненормальнаго не представляетъ; размѣры его показаны въ графѣ А, тогда какъ графа В представляетъ средніе размѣры женскаго таза:

	A.	B.
Окружность подъ гребешками подвздошныхъ костей (въ сантиметр.)	80	89
Diameter crist. ossis ilei	28	28
Diameter spin. ossis ilei	24	25
Conjugata externa	20	20
Conjugata diagonalis	12	13

Лобокъ (mons Veneris) скудно покрытъ волосами. Наружныя половыя части (vulva) мало поднимаются надъ окружающею поверхностью. Большія половыя губы (labia pudendorum majora) плоски, почти безъ жировой клѣтчатки и совсѣмъ покрываютъ малыя губы. Labia pudendorum minora развиты мало. Клиторъ небольшой, лежитъ правильно; онъ весьма чувствителенъ. На мѣстѣ бывшей дѣвственной плевы (hymen) только небольшіе миртовидные сосочки (carunculae myrtiformes), между которыми слѣды глубокихъ разрывовъ дѣвственной плевы, въ особенности въ правомъ нижнемъ и въ лѣвомъ верхнемъ сегментахъ ея. Половая щель (rima pudendorum) зіяетъ и въ ней показываются широкія складки передней и задней стѣнокъ рукава. Входъ въ рукавъ (introitus vaginae) широкъ отчасти гиперэмированъ. Уздечка большихъ губъ (frenulum labiorum) отсутствуетъ. Складки слизистой оболочки рукава (columnae rugarum) сглажены. Отдѣленіе слизи на поверхности слизистой оболочки рукава усилено. Матка (uterus) немного увеличена, подвижна, мало чувствительна, лежитъ на своемъ мѣстѣ; изгибъ ея впередъ меньше нормальнаго, дно ея нѣсколько отклонено вправо. Влагалищная часть матки коротка, толста, бугриста; наружный зѣвъ матки открытъ настолько, что пропускаетъ верхушку пальца; губы наружнаго отверстія матки отворочены въ стороны и представляютъ большіе боковые надрывы. Въ придаточныхъ органахъ матки ничего ненормальнаго не оказывается; въ правомъ сводѣ слѣды (residua) протекшаго здѣсь воспалительнаго процесса. На основаніи своего изслѣдованія д-ръ медицины Кубасовъ заключаетъ, что Губарева несомнѣнно рожала, что теперь она страдаетъ хроническимъ катарромъ рукава

(colpitis chronica) и шейнаго канала матки (endometritis cervicalis chronica).

Губарева жалуется лишь на приступы головной боли и на являющіяся по временамъ безпричинныя слезы и таковой же смѣхъ; по ея словамъ, она иногда не въ состояніи удержаться отъ смѣха даже тогда, когда это наружное проявленіе не соотвѣтствуетъ ея дѣйствительному настроенію. Впрочемъ, испытуемая считаетъ себя вполнѣ здоровою, но говоритъ, что „нѣсколько разстроилась нервами", вслѣдствіе долгаго пребыванія въ Городскомъ Пріютѣ для душевно-больныхъ, гдѣ ей, какъ она говоритъ, жилось гораздо труднѣе, чѣмъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Губарева весьма смѣшлива, когда находится въ своемъ обыкновенномъ состояніи, и очень часто, безъ достаточнаго повода, смѣется беззаботнымъ, дѣтски-школьническимъ смѣхомъ. Въ состояніи-же взволнованности иногда по долгу хохочетъ, при чемъ этотъ хохотъ уже носитъ на себѣ отпечатокъ истерической судорожности.

Внимательное наблюденіе показываетъ, что въ психической жизни Губаревой слѣдуетъ различать: во-первыхъ, постоянное или обыкновенное состояніе, которое у испытуемой характеризуется, какъ будетъ указано ниже, массою элементарныхъ аномалій во всѣхъ сферахъ душевной жизни,— въ чувствованіи, мышленіи и дѣйствованіи и, во-вторыхъ, такъ сказать, припадочныя, временныя или транзиторныя состоянія (со включеніемъ нервныхъ истерическихъ припадковъ). Въ нижеслѣдующемъ будетъ сначала изображено „постояное" состояніе Губаревой, которое не всегда бываетъ спокойнымъ, ибо и въ предѣлахъ этого „постояннаго" состоянія испытуемой, настроеніе послѣдней оказывается крайне подвижнымъ и ея чувствованіе, мышленіе и дѣйствованіе представляютъ значительныя колебанія.

Большею частію Губарева находится въ покойномъ состояніи, при чемъ имѣетъ видъ беззаботный, умѣренно-веселый. Держитъ себя всегда непринужденно, однако обыкновенно не выходитъ изъ границъ приличія. Всего охотнѣе занимается физической работой, въ особенности грубой, тре-

буюцей не искусства, а силы и выносливости. Къ чтенію и вообще къ умственнымъ занятіямъ пристрастія не имѣетъ; даже къ чтенію романовъ обращается лишь изрѣдка. Въ женскихъ рукодѣліяхъ мало искусна и если начинаетъ какую-нибудь ручную женскую работу, то обыкновенно бросаетъ ее, не докончивъ. Большую часть своего времени занимается разговорами съ тѣми изъ лицъ ее окружающихъ, которыя пользуются ея расположеніемъ. Испытуемая обнаруживаетъ извѣстнаго рода юморъ, впрочемъ, весьма невысокаго разбора. При всякомъ удобномъ случаѣ она подсмѣивается надъ окружающими и грубо передразниваетъ ихъ, при чемъ выказываетъ свою впечатлительность и маленькій талантъ копированія голоса и манеръ другихъ лицъ. Въ своихъ шуткахъ безцеремонна и любитъ употреблять грубо-непристойныя выраженія, послѣ которыхъ съ хохотомъ иногда извиняется передъ окружающими. Губарева разговорчива; она охотно и безъ жеманства сообщаетъ врачу всѣ обстоятельства своей прежней жизни, при чемъ, безъ малѣйшаго стѣсненія разсказываетъ о такихъ эпизодахъ, въ которыхъ ея характеръ является въ несовсѣмъ благопріятномъ свѣтѣ. Несмотря на то, что она способна краснѣть при самомъ легкомъ раздраженіи, не краснѣетъ и нимало не конфузится при нѣкоторыхъ весьма щекотливыхъ вопросахъ врача и охотно сообщаетъ ему о своихъ „ухаживаніяхъ за женщинами“. Разсказывая о своихъ, какъ она выражается, „куралесеньяхъ“, постепенно увлекается, принимаетъ видъ молодцоватости и даже прямо хвастается своими побѣдами надъ сердцами женщинъ. Въ такія минуты теряетъ послѣдній отпечатокъ женственности и поразительно напоминаетъ рѣчью, мимикою и жестами, безбородаго юношу, съ видомъ ухарства разсказывающаго снисходительному слушателю о своихъ любовныхъ успѣхахъ. Находясь въ больницѣ, испытуемая охотно вступаетъ въ разговоры съ больными и съ прислугою, при всякомъ удобномъ случаѣ заводитъ рѣчь о „любви“, при чемъ нимало не скрываетъ своего превратнаго половаго инстинкта.

Свѣдѣнія, собранныя относительно прежней жизни Губаревой показываютъ, что у испытуемой представляется прирожденная превратность половаго чувства въ формѣ „sensus sexualis contrarius“ (по Вестфалю contrаre Sexual-Empfindnng). Это подтверждается и непосредственнымъ наблюденіемъ надъ Губаревой. Оказывается, что она отличаетъ между окружающими ее женщинами красивыхъ и молодыхъ и держитъ себя по отношенію къ послѣднимъ иначе, чѣмъ по отношенію къ другимъ женщинамъ. Съ женщинами, не принадлежащими къ числу ей „нравящихся“, а равно и съ мужчинами испытуемая держитъ себя совершенно просто, безъ всякаго жеманства и безъ малѣйшей застѣнчивости. Но въ больницѣ Губарева отличила изъ числа окружающихъ ее одну даму, по отношенію къ которой стала выказывать особую благосклонность. При этой особѣ Губарева была болѣе разборчива въ своихъ выраженіяхъ, чѣмъ обыкновенно, относилась къ ней съ большою конфузливостью и приходила въ крайнее смущеніе отъ одной мысли о томъ, чтобы (наравнѣ съ другими больными) идти въ сопровожденіи этой дамы въ баню. Въ обращеніи съ этой особой Губарева, не подозрѣвая, что за нею наблюдаютъ, продѣлывала все то, что обыкновенно продѣлывается юношею, ухаживающимъ за нравящеюся ему женщиной. Если-бы въ больницѣ не были своевременно приняты мѣры къ удержанію чувствъ Губаревой въ должныхъ границахъ, то несомнѣнно дѣло дошло-бы какъ до сценъ патологической ревности, такъ и до другихъ, не менѣе активныхъ требованій патологическаго любовнаго чувства [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи, будучи переведена изъ больницы въ Домъ Предварительнаго Заключенія, она, Губарева, весьма часто награждала вышеупомянутую даму письмами, въ которыхъ изливала свои чувства въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя иногда употребляются находящимися въ горячкѣ любовной страсти мужчинами въ ихъ изліяніяхъ къ предметамъ своей страсти.

Кромѣ превратности (прирожденной) половаго чувства, Губарева представляетъ въ сферѣ чувствованія много другихъ аномалій. Сюда принадлежатъ, между прочимъ, разныя мелкія „странности“ и идіосинкразіи изъ числа описанныхъ выше и замѣченныхъ также во время пребыванія Губаревой въ больницѣ (болѣзненная брезгливость относительно тараканов; боязнь темноты; боязнь затемненной воды, напримѣръ, ванны, наполненной водой и т. п.). Далѣе, — у испытуемой оказываются явленія психической парэстезіи и таковой же гиперэстезіи. Первая изъ этихъ аномалій чувствованія выражается въ причудливости Губаревой по отношенію къ лицамъ и къ объектамъ; такъ, лица, которыя раньше пользовались полнымъ благорасположеніемъ Губаревой, иногда вдругъ, безъ видимой причины, начинаютъ вызывать въ ней чувство отвращенія; занятія или способы времяпрепровожденія, нравившіеся ей раньше, вдругъ становятся для нея мучительными.

Психическая гиперэстезія испытуемой обнаруживается въ крайней впечатлительности Губаревой, при чемъ смѣна внѣшнихъ впечатлѣній обусловливаетъ въ Губаревой столь же пеструю и живую смѣну внутреннихъ актовъ (ощущеній, образовъ и чувствованій). Кромѣ того, нѣкоторыя изъ внѣшнихъ раздраженій вызываютъ въ испытуемой несоразмѣрно сильную реакцію. Съ этой точки зрѣнія становятся понятными неустойчивость душевнаго равновѣсія у Губаревой, смѣшливость послѣдней, быстрыя и рѣзкія перемѣны въ настроеніи, легкость переходовъ отъ смѣха къ слезамъ и обратно. Не выходя изъ границъ своего „обыкновеннаго“ состоянія, Губарева является то спокойною, то аффективною, то вялою и апатичною, то раздражительною, то мягкою и уступчивою, то упрямою и рѣзкою, то веселою или до крайности смѣшливою, то настроенною грустно, при чемъ съ мечтательнымъ видомъ сидитъ, по цѣлымъ часамъ, у окна и распѣваетъ унылыя пѣсни. Особенностями въ сферѣ чувствованія и вообще аффективнымъ строемъ душевной жизни Губаревой обусловливается и то ея качество, особенно рѣзко проявляющееся

въ минуты ея возбужденности, которое родственники испытуемой называютъ „удальствомъ“ или „молодцеватостью“.

Испытуемая имѣетъ весьма живое воображеніе, при чемъ дѣятельность фантазіи у ней недостаточно регулируется ея относительно слабымъ разсудкомъ. Процессъ воспроизведенія представленій совершается у Губаревой съ большою легкостью, но воспроизведенныя представленія (какъ это весьма часто бываетъ у подобнаго рода субъектовъ) съ недостаточною степенью точности повторяютъ содержаніе тѣхъ представленій, которыя родились изъ непосредственнаго чувственнаго воспріятія. Это видно изъ того, что Губарева въ своихъ показаніяхъ, сама этого не замѣчая, относительно различныхъ мелкихъ подробностей вспоминаемыхъ ею событій уклоняется отъ истины, и притомъ въ одномъ и томъ же пунктѣ, въ различное время, уклоняется въ разныя стороны, чего, разумѣется, не было-бы, если-бы отступленіе отъ истины здѣсь было произвольнымъ. Вслѣдствіе этой особенности, а также вслѣдствіе живости фантазіи и недостаточной регулированности воображенія разсудкомъ, Губарева (въ особенности, когда впадетъ въ аффективность, или, какъ говорится, „увлечется“) подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ недостаточно сознанныхъ побужденій и чувствъ не рѣзко различаетъ пережитое ею въ воображеніи отъ пережитаго въ дѣйствительности и въ своихъ разсказахъ невольно примѣшиваетъ иногда къ истинѣ небывальщину, выказывая тѣмъ замѣченную за нею еще ея родными и знакомыми наклонность „наговаривать“ на себя и, слѣдовательно, также и на другихъ.

Память у Губаревой можетъ показаться удовлетворительною; но если принять въ соображеніе сообщенія матери и брата испытуемой относительно того, что Губарева въ дѣтствѣ и юности отличалась необыкновенною способностью запоминанія, то придется допустить, что память у нея весьма значительно ослабѣла (наблюденія брата Губаревой прямо подтверждаютъ этотъ выводъ). Но частная слабость памяти констатируется у испытуемой и непосредственно; такъ, относительно чиселъ память Губаревой оказывается крайне не-

удовлетворительною. Независимо отъ этого, изъ вышеуказаннаго относительно неточности воспроизведенія представленій у Губаревой, само собою явствуетъ, что память Губаревой вообще не можетъ отличаться точностью, что дѣйствительно и констатируется наблюденіемъ.

Движеніе представленій у испытуемой (даже при обыкновенномъ ея состояніи) не всегда совершается съ нормальною быстротою и часто бываетъ то замедленнымъ, то ускореннымъ. Ходъ мыслей у Губаревой обыкновенно неправиленъ. На вопросы она почти всегда отвѣчаетъ логично, но начавъ разсказъ и будучи предоставлена въ веденіи его самой себѣ, часто отвлекается въ сторону отъ главнаго предмета, иногда-же неожиданно перескакиваетъ мыслью съ одного предмета на другой. Изъ всѣхъ способовъ ассоціированія представленій у Губаревой преобладаетъ ассоціація по внѣшнему соотношенію между представленіями. Изъ числа ассоціацій по координаціи у испытуемой ненормально часто имѣетъ мѣсто ассоціація по контрасту. Ассоціація же по зависимости (т. е. по причинному отношенію и по отношенію цѣли) наблюдается у ней, повидимому, весьма рѣдко.

Отчасти въ связи съ особенностями ассоціированія идей у Губаревой находится то обстоятельство, что у ней нерѣдко неожиданно возникаютъ причудливыя, странныя или даже прямо нелѣпыя идеи, которыя при аффективности и при болѣзненной воспріимчивости испытуемой легко пріобрѣтаютъ на нѣкоторое время характеръ такъ называемыхъ „навязчивыхъ или насильственныхъ“ представленій (Zwangsvorstellungen). Привожу одинъ примѣръ. Находясь въ больницѣ, Губарева одно время видимо была внутренно чѣмъ-то обезпокоена; послѣ долгаго выпытыванія съ моей стороны, она призналась, что боится беременности: въ пріютѣ для душевнобольныхъ, гдѣ она раньше находилась, мужчины и женщины, по ея словамъ, употребляютъ одну и ту же ванну; предполагая, что при такомъ условіи дана возможность случайнаго оплодотворенія, Губарева вообразила, что она „отъ ванны могла забеременѣть“. Потребовалось серьезное опроверженіе

для того, чтобы устранить изъ головы Губаревой эту эксцентричную мысль.

Тѣ ошибочныя, странныя или даже нелѣпыя идеи, которыя порою возникаютъ у Губаревой при обыкновенномъ ея состояніи, бреда, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не составляютъ, ибо эти представленія у Губаревой не образуютъ, сколько-нибудь устойчивыхъ комплексовъ и, главное, допускаютъ возможность поправки ихъ со стороны разсудка. Но должно замѣтить, что при тѣхъ элементарныхъ психическихъ уклоненіяхъ отъ нормы, какія оказались у Губаревой, бредъ легко можетъ возникнуть при всякомъ значительномъ нарушеніи ея вообще крайне неустойчиваго душевнаго равновѣсія. Для эпизодическаго появленія идей бреда у Губаревой довольно уже того, чтобы вышеупомянутая поправка, производимая въ ея ошибочныхъ или странныхъ представленіяхъ со стороны всего ея „я“, послѣдовала недостаточно быстро. Такимъ образомъ Губарева въ высокой степени предрасположена къ транзиторному бреду, который иногда, какъ будетъ показано ниже, дѣйствительно и появляется у нея.

При выше найденныхъ уклоненіяхъ отъ нормы въ движеніи и воспроизведеніи представленій у Губаревой, разумѣется, невозможно ожидать, чтобы собственно мыслительная ея дѣятельность и разсудокъ оказались нормальными. Наблюденіе прямо показываетъ, что мыслительная дѣятельность у Губаревой характеризуется бѣглостью и поверхностностью. Сужденія испытуемой, какъ и слѣдовало ожидать по вышеописаннымъ элементарнымъ аномаліямъ въ сферѣ представленія, часто отличаются недостаткомъ логики, но за то нерѣдко носятъ на себѣ печать неожиданности, странности, иной разъ — прямо парадоксальности. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему Губарева являлась для своихъ знакомыхъ чрезвычайно остроумной: для извѣстнаго рода поверхностнаго остроумія требуется лишь быстрая способность воспріятія и быстрота въ движеніи представленій, каковыя качества дѣйствительно и констатируются у Губаревой. Что-же касается до способности правильнаго составле-

нія сужденій и логическаго изъ нихъ умозаключенія, то эта существеннѣйшая сторона интеллектуальной дѣятельности оказывается у испытуемой значительно ниже средняго уровня. Къ тому же способность апперцепціи является у Губаревой весьма слабою: испытуемая, при быстротѣ смѣны ея представленій и чувствованій, не можетъ достаточное время сосредоточивать свое вниманіе на одномъ и томъ-же предметѣ. Наконецъ, въ интеллектуальной дѣятельности Губаревой оказывается очень рѣзкая частная аномалія, а именно, неспособность къ численному разсчету. Такъ, если спросить Губареву, въ которомъ году совершилось такое-то событіе ея жизни, то испытуемая обыкновенно предлагаетъ спрашивающему самому „разсчитать", сказавъ (по памяти), что въ то время ей было столько-то лѣтъ отъ роду, сама же отъ подобнаго „разсчитыванія" уклоняется; если, однако, настоять, чтобы такого рода элементарная операція съ числами была произведена самой испытуемой, то послѣдняя затрачиваетъ на это несоразмѣрно много времени, да и то часто приходитъ къ невѣрному результату.

Родственники и близкіе знакомые Губаревой, будучи обмануты ея поверхностнымъ остроуміемъ и ея одностороннею талантливостью въ дѣтствѣ и первой юности, отозвались объ обвиняемой, какъ о дѣвушкѣ умной, развитой и въ высокой степени честной. Но выше было изложено, что у Губаревой оказываются недостаточными именно интеллектуальныя (въ тѣсномъ смыслѣ) функціи; кромѣ того, послѣ будетъ выяснено, что роль разсудка въ душевной жизни и въ дѣйствованіи Губаревой весьма ограничена. Правда, отдѣльныя изъ умственныхъ функцій ослаблены у Губаревой въ неодинаковой мѣрѣ; вслѣдствіе этого, по отношенію къ нѣкоторымъ сторонамъ умственной дѣятельности можно назвать Губареву прямо слабоумной, тогда какъ относительно другихъ функцій ея ума можно лишь выразиться, что онѣ ниже средняго уровня. Что касается до умственнаго и нравственнаго развитія Губаревой, то для меня несомнѣнно, что оно остановилось съ выходомъ Губаревой изъ гимназіи. Съ 16-ти лѣтъ

испытуемая почти совсѣмъ не занималась серьезнымъ чтеніемъ и постепенно забывала даже то, чему успѣла научиться въ гимназіи. Понятно, что исключительныя занятія физическимъ трудомъ, а потомъ общество извощиковъ не были условіями, благопріятствующими умственному развитію. Въ результатѣ получилось то, что теперь Губарева въ сферѣ высшихъ умственныхъ отправленій оказывается положительно несостоятельной. Какъ видно, она никогда не возвышалась до образованія отвлеченныхъ понятій, интеллектуальныхъ, религіозныхъ и нравственныхъ. Испытуемая является грубо суевѣрной; она вѣритъ во всѣ народныя примѣты и таинственныя предзнаменованія и нимало не сомнѣвается въ существованіи лѣшихъ и домовыхъ. Къ религіознымъ вопросамъ она совершенно равнодушна, видя въ религіи лишь одну внѣшнюю, процессуальную сторону. Извѣстныя элементарныя нравственныя правила привиты къ Губаревой воспитаніемъ, но они удерживаются ею чисто механически; о настоящемъ же пониманіи нравственнаго долга здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Поэтому, неудивительно что понятіе о противозаконности носитъ у Губаревой грубо-утилитарный характеръ и является совершенно лишеннымъ нравственной основы: по характеристичному разсужденію Губаревой, надо быть глупымъ человѣкомъ, чтобы въ Петербургѣ съ корыстной цѣлью рѣшиться на что-либо противозаконное (напр., на кражу лошади), такъ какъ при дѣятельной столичной полиціи нѣтъ никакой надежды укрыться послѣ преступленія отъ кары закона. Кромѣ того, слабость нравственнаго чувства у Губаревой обнаруживается во многомъ другомъ, напримѣръ, въ ея высокомѣрномъ обращеніи съ матерью, въ ея тайныхъ отлучкахъ изъ дома, въ ея знакомствахъ съ женщинами, далеко не безукоризненнаго поведенія, въ ея пристрастіи къ коньяку и ликерамъ. Наконецъ, соотвѣтственно прирожденной аномаліи ея половаго чувства, въ нравственной сферѣ испытуемой существуетъ рѣзкій частный дефектъ, обнаруживающійся въ отсутствіи стыдливости именно въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ обыкновенно женщины бываютъ наиболѣе ще-

котливы. Прибавлю, что вышеописанная дефективность нравственной сферы у Губаревой есть явленіе, органически обусловленное, зависящее отъ неправильнаго развитія головнаго мозга испытуемой; такая моральная дефективность должна быть строго отличаема отъ безнравственности, происходящей отъ моральной испорченности.

Губареву ея родные и знакомые считали личностью весьма энергичною; и дѣйствительно, энергія дѣятельности чувственной сферы у испытуемой весьма значительна, такъ что дѣйствованіе Губаревой неудержимо опредѣляется ея побужденіями и аффектами. Напротивъ, разсудокъ испытуемой вліяетъ на ея дѣйствованіе сравнительно мало. Въ дѣятельности Губаревой не видно яснаго сознанія опредѣленной цѣли, не говоря уже о неуклонномъ шествованіи къ послѣдней. Вся дѣятельность испытуемой прямо вытекаетъ изъ ея темперамента, ея вкусовъ и побужденій. Когда всякая наука опротивѣла Губаревой, послѣдняя почти вполнѣ покидаетъ умственныя занятія и, будучи одарена темпераментомъ живымъ и подвижнымъ, по необходимости отдается физическому труду, а впослѣдствіи уходу за своими лошадьми. Изъ дѣла не видно, чтобы промыселъ извоза былъ выгоденъ для Губаревой, и можно думать, что она горячо отдавалась этому занятію не столько въ силу сознательнаго разсчета, сколько вслѣдствіе того, что оно прямо удовлетворяло ея вкусамъ и наклонностямъ.

Наблюденіе показываетъ, что во многихъ случаяхъ мотивы дѣйствій Губаревой неясны для нея самой; въ такихъ случаяхъ контролированіе дѣйствованія разсудкомъ прямо невозможно, ибо здѣсь представленіе выражается наружу, въ дѣйствіи, прежде того, чѣмъ успѣетъ пріобрѣсть достаточную степень ясности въ сознаніи. Многія изъ дѣйствій Губаревой должны быть отнесены къ разряду дѣйствій инстиктивныхъ или импульсивныхъ; притомъ эти дѣйствія у Губаревой обусловливаются не только представленіями, недостаточно сознанными, хотя-бы, по содержанію, и нормальными, но также и ограническими побужденіями, самостоя-

тельно возникшими на почвѣ аномальной душевной конституціи (сюда принадлежатъ: „ухаживанія“ Губаревой за женщинами, ея нерѣдкое прибѣганіе къ спиртнымъ напиткамъ, переодѣваніе въ мужское платье, прятанье денегъ по сортирамъ и чердакамъ и т. п.).

Нарушенія въ правильномъ функціонированіи вазомоторнаго аппарата происходятъ у Губаревой съ замѣчательной легкостью. Даже при обыкновенномъ состояніи испытуемой цвѣтъ лица ея весьма измѣнчивъ; при малѣйшемъ же раздраженіи Губаревой лице ея сильно краснѣетъ; во время же нижеописываемыхъ приступовъ неистовства иногда становится мертвенно-блѣднымъ. Въ вазомоторной сферѣ должно искать причины крайней измѣнчивости настроенія Губаревой; вазомоторными же разстройствами вызываются приступы внезапнаго страха, являющіеся иногда у Губаревой по ночамъ, далѣе, — внезапные приступы безпричиной тоски, отъ которой Губарева старалась избавиться при помощи коньяка и ликеровъ, и вообще всѣ тѣ состоянія Губаревой которыя, въ противоположность ея постоянному состоянію, названы мною припадочными или транзиторными.

Наконецъ, нельзя не упомянуть, что во все время своего пребыванія въ больницѣ Губарева не показала ни малѣйшей наклонности къ симуляціи и даже прямо настаивала на своемъ полнѣйшемъ здоровьи. Для симуляціи необходима обдуманность и систематичность; но отъ Губаревой, при ея аффективно-импульсивномъ характерѣ, очевидно, трудно ожидать разсчитанно-систематическаго образа дѣйствій. Прибавлю, что Губарева вообще относилась къ ходу своего дѣла съ замѣчательнымъ равнодушіемъ и оказывалась неспособною представить себѣ возможныя послѣдствія своего противозаконнаго дѣянія.

На общемъ фонѣ вышеочерченнаго „постояннаго“ состоянія Губаревой отъ времени до времени являются рѣзкія перемѣны, которыя могутъ быть обозначены именемъ припадочныхъ или транзиторныхъ состояній. Сюда относятся: a) истерическіе припадки; b) періодически усиливаю-

щаяся раздражительность; c) транзиторныя состоянія психическаго угнетенія и транзиторныя маніакальныя состоянія; d) патологическіе аффекты и припадки неистовства и, наконецъ, e) явленія кратковременнаго бреда.

Во время пребыванія Губаревой въ Городскомъ Пріютѣ, у ней, какъ видно изъ свидѣтельства врача, было четыре полныхъ истерическихъ припадка, съ общими тоническими и клоническими судоргами и съ потерею болевыхъ рефлексовъ. Однако во время пребыванія испытуемой въ больницѣ Св. Николая Чудотворца приступовъ общихъ судорогъ у ней ни разу не было и въ кожной чувствительности ея уклоненій отъ нормы не замѣчалось; это объясняется тѣмъ, что нервное раздраженіе Губаревой во время ея пребыванія въ больницѣ успокоилось, такъ что испытуемая возвратилась къ тому своему состоянію, въ которомъ была до заключенія подъ стражу. На основаніи анамнестическихъ данныхъ и собственнаго наблюденія я долженъ сказать, что полные припадки истеріи, если и бываютъ у Губаревой, то очень рѣдко; обыкновенно-же дѣло ограничивается у ней тѣмъ, что, во время нижеописываемыхъ періодовъ раздраженія или приступовъ неистовства, ея рыданія и смѣхъ пріобрѣтаютъ судорожный характеръ. Нимало не сомнѣваясь, что Губарева страдаетъ, между прочимъ, и истеріею, я не нахожу нужнымъ долго останавливаться на этомъ обстоятельствѣ, потому что истерія здѣсь есть ничто иное какъ лишь частное явленіе въ томъ прогрессивномъ дегенеративно-психопатическомъ состояніи, которое прослѣжено нами съ первыхъ дней жизни Губаревой и которое выражается въ настоящее время вышеописанными аномаліями въ сферѣ чувствованія, мышленія и дѣйствованія Губаревой.

По временамъ (иногда передъ появленіемъ регулъ, иногда же безъ всякой видимой причины) Губарева становится крайне раздражительною и драчливою; при этомъ держитъ себя злобно, въ особенности же по отношенію къ нѣкоторымъ изъ окружающихъ ее больныхъ (несмотря на то, что къ тѣмъ же больнымъ въ обыкновенное время относилась

терпѣливо и сострадательно), поминутно угрожаетъ, что начнетъ ихъ бить, если онѣ будутъ приставать къ ней съ разговорами, и дѣйствительно бьетъ ихъ при самомъ ничтожномъ поводѣ (напр. если онѣ тронутъ скляночку съ духами, постоянно стоящую у ней на столѣ), вслѣдствіе чего въ больницѣ не разъ возникала серьезная драка. Въ періоды раздраженія Губарева бранится самыми грубыми и непристойными выраженіями.

Иногда настроеніе Губаревой уклоняется отъ нормы несравненно значительнѣе, чѣмъ обыкновенно и притомъ на болѣе продолжительное время. При этомъ Губарева на 1—3 дня впадаетъ въ сосостояніе психическаго угнетенія, перестаетъ бесѣдовать съ окружающими, почти не отвѣчаетъ на вопросы врача, теряетъ аппетитъ, по долгу сидитъ неподвижно у окну, устремивъ глаза вдаль, много плачетъ, а по ночамъ страдаетъ отъ безсоницы и отъ припадковъ безпричиннаго страха. Приступы тоски въ настоящее время бываютъ у Губаревой или вслѣдъ за какимъ-нибудь ничтожнымъ огорченіемъ, или же послѣ того, какъ ее посѣтятъ родственники. Въ другихъ же случаяхъ депрессивныя состоянія имѣютъ у Губаревой реакціонное значеніе, являясь послѣдствіемъ только что окончившихся періодовъ значительнаго возбужденія. Періоды возбужденія продолжаются у Губаревой по 2—4 дня. При полной степени развитія эти состоянія Губаревой ничѣмъ не отличаются отъ маніакальной экзальтаціи. При этомъ Губарева становится чрезмѣрно веселой, подвижной, многорѣчивой и поминутно, безъ видимой причины смѣется. Движеніе ея мыслей въ это время бываетъ явственно ускореннымъ, рѣчь же становится весьма непослѣдовательной, перескакивающей съ одного предмета на другой. На лицѣ Губаревой при этомъ является яркій румянецъ, глаза дѣлаются весьма блестящими, зрачки иногда оказываются нѣсколько расширенными. Наклонность къ импульсивнымъ двигательнымъ актамъ въ это время становится у Губаревой особенно замѣтною (безцѣльное разрываніе книжекъ, лазанье по мебели и т. п.). Въ такіе

маніакальные періоды, половая сфера испытуемой тоже приходитъ въ возбужденіе, такъ что Губарева при этомъ представляетъ извѣстную степень эротизма (всегда по отношенію къ женщинамъ, а не къ мужчинамъ). Кромѣ того, во время этихъ періодовъ возбужденій Губарева иногда начинаетъ настоятельно требовать вина, и такъ какъ ея желаніе не удовлетворяется, то приходитъ въ аффектъ гнѣва.

Губарева вообще весьма легко впадаетъ въ аффекты, изъ числа которыхъ всего чаще приходится наблюдать у ней аффекты отчаянія и гнѣва. Во многихъ случаяхъ гнѣвъ ея настолько продолжителенъ и буренъ и притомъ настолько не соотвѣтствуетъ ничтожности вызвавшаго его внѣшняго повода, что положительно носитъ характеръ аффекта патологическаго или даже прямо переходитъ въ неистовство (excandescentia furibunda): при этомъ Губарева кричитъ, безсвязно ругается, разрушаетъ дорогіе для нея предметы, рветъ у себя волосы, колотится головою въ стѣны, или въ полъ. Но и независимо отъ аффекта гнѣва, вызваннаго внѣшнимъ поводомъ, Губарева два раза во время своего пребыванія въ больницѣ самостоятельно и внезапно впадала въ кратковременное неистовство (furor transitorius), при чемъ судорожно хохотала, выкрикивала безсвязныя угрозы, неизвѣстно къ кому относившіяся, употребляла самыя площадныя слова, богохульствовала, грозила кулаками иконамъ и намѣревалась выкинуть ихъ за окно. Во время этихъ приступовъ лице Губаревой становилось мертвенно-блѣднымъ, судорожно-исказившимся; несомнѣнно, что въ это время самосознаніе Губаревой помрачалось и процессъ чувственнаго воспріятія изъ внѣшняго міра значительно нарушался. Приступы эти оставляли за собой или неполное или смутное, лишь суммарное воспоминаніе.

Временами дѣятельность мысли Губаревой ненормально сильно и долго сосредоточивается на нѣсколькихъ представленіяхъ, которыя такимъ образомъ почти вполнѣ пріобрѣтаютъ характеръ представленій насильственныхъ (Zwangsvorstellungen). Напримѣръ, вспомнивъ о лошади съ отрѣзан-

нымъ языкомъ, Губарева снова надолго фиксируетъ въ своемъ представленіи это, когда-то сильно огорчившее ее происшествіе. Принявъ въ соображеніе высказанное относительно возможности возникновенія у Губаревой отрывочныхъ идей бреда, мы нимало не удивимся, что у испытуемой иногда являются на непродолжительное время ложныя идеи преслѣдуемости. Такъ въ больницѣ Губарева нѣсколько разъ, совершенно неожиданно и безъ малѣйшаго основанія, начинала жаловаться, что окружающія больныя глумятся надъ нею, указываютъ на нее пальцами, называютъ „арестанткою“ и „убійцею“. Сюда же относится наблюденіе д-ра Чижа, что „въ коробкѣ конфектъ, принесенной ей родными и обвязанной веревочкой, а не ленточкой, какъ обыкновенно, Губарева видѣла и пренебреженіе къ себѣ и какъ-бы намекъ на то, что въ ея положеніи лучше всего удавиться“. Наконецъ въ Городскомъ Пріютѣ для душевно-больныхъ у Губаревой, непосредственно послѣ истерическихъ припадковъ, два раза былъ наблюдаемъ безсвязный транзиторный бредъ (delirium hystericum transitorium).

VI.

Такимъ образомъ, для меня выяснилось, что временами Губарева впадаетъ въ чисто болѣзненныя состоянія, хотя краткосрочнаго, но за то полнаго душевнаго разстройства. Эти скоротечныя состоянія, — какъ-то: подчиненіе эпизодически возникающимъ насильственнымъ и ложнымъ представленіямъ, неистовство, транзиторный безсвязный бредъ, преходящія депрессивныя и экспансивныя состоянія, — не производятся у Губаревой лишь однѣми случайными причинами, а, очевидно, имѣютъ между собою нѣкоторую внутреннюю связь. Однако, правильной періодичности или какой-либо законосообразности въ ихъ послѣдовательности не существуетъ (разумѣется, за исключеніемъ того, что

въ менструальные дни ихъ можно ожидать скорѣе, чѣмъ во всякое другое время). Ихъ появленіе, нерѣдко связанное съ случайными обстоятельствами, возможно только потому, что они суть ничто иное, какъ временныя обостренія обыкновеннаго состоянія Губаревой, которое, какъ изъ вышеизложеннаго видно, не представляетъ ни устойчивости нравственнаго равновѣсія, ни гармоніи между отдѣльными психическими функціями, а напротивъ характеризуется такимъ количествомъ уклоненій отъ нормы для всѣхъ сферъ душевной дѣятельности, что то же должно быть названо состояніемъ психопатическимъ. Это постоянное психопатическое состояніе Губаревой становится понятнымъ только тогда, если прослѣдить его происхожденіе.

Главную роль въ происхожденіи психопатическаго состоянія Губаревой играютъ два момента: наслѣдственность и рахитическое страданіе головы, отразившееся въ неправильномъ образованіи черепа. Начиная съ первыхъ лѣтъ жизни Губаревой, мы видимъ, что, вслѣдствіе неправильной организаціи нервной системы вообще и головнаго мозга въ частности, мозговыя функціи Губаревой, со включеніемъ функцій психическихъ, частію пріобрѣтаютъ болѣзненную силу, частію не развиваются достаточно, или же принимаютъ въ своемъ развитіи ненормальное направленіе. Односторонняя талантливость, обнаруженная Губаревой въ первыя 10—12 лѣтъ жизни, очевидно, была ничѣмъ инымъ, какъ болѣзненно усиленнымъ функціонированіемъ перцептивной стороны души. Что дѣятельность неправильно развившагося головнаго мозга Губаревой уже въ теченіе первыхъ 8 лѣтъ жизни послѣдней съ большою легкостью приходила въ острое разстройство, видно изъ того, что Губарева въ этомъ періодѣ жизни страдала приливами крови

къ головѣ съ бредомъ и галлюцинаціями зрѣнія. Затѣмъ, число уклоненій отъ нормы въ невропсихической жизни Губаревой возрастало по мѣрѣ того, какъ подвигалось впередъ физическое развитіе Губаревой. Съ момента ненормально ранняго пробужденія половаго инстинкта, въ душевной жизни Губаревой беретъ перевѣсъ болѣзненно усиленная дѣятельность сензитивной стороны души и въ то же время обнаруживается, какъ рѣзкое функціональное уродство, sensus sexualis contrarius (conträre Sexualempfindung). Напротивъ, интеллективная сторона душевной жизни никогда у Губаревой не обѣщала получить надлежащаго развитія и, съ эпохи наступленія половой зрѣлости, стала уже прямо слабѣть; въ это время получили полное развитіе тѣ вышеописанныя неправильности въ сферѣ чувствованія и тѣ особенности характера, задатки которыхъ были замѣтны еще въ раннемъ дѣтствѣ Губаревой. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, какъ половое чувство Губаревой, отъ природы превратное, становится ненормально напряженнымъ и получаетъ опредѣляющую роль какъ во внѣшней, такъ и во внутренней ея жизни; въ связи съ этимъ прогрессивно усиливаются явленія раздражительной слабости или астеніи, какъ въ нервной системѣ вообще (истерія), такъ и въ частности, въ дѣятельности головнаго мозга (психическая гиперэстезія. умственная нестойкость, имульсивность и проч.). Въ результатѣ всего этого неправильнаго хода развитія получается вышеизученная нами уродливо странная психическая личность Юліи Губаревой, представляющая значительный рядъ ненормальныхъ или даже прямо болѣзненныхъ явленій, какъ въ сферѣ чувствованія, со включеніемъ области органическаго или инстинктивнаго побужденія, такъ и въ сферахъ мышленія и дѣйствованія.

Для обозначенія подобныхъ состояній въ наукѣ суще-

ствуетъ множество названій, чаще другихъ употребляются термины: manie raisonnante, folie héréditaire, psychische Entartung, impulsives Irresein. Каждое изъ этихъ названій выдвигаетъ на первый планъ то одну, то другую сторону психопатіи, поэтому, въ одномъ конкретномъ случаѣ пригоднѣе одно изъ этихъ обозначеній, въ другомъ—другое. Случай Губаревой, по моему мнѣнію, всего лучше опредѣляется съ медицинской стороны названіемъ—psychopathia originaris *) cum degeneratione mentis progressiva. Это состояніе относится къ сумасшествію отъ случайныхъ причинъ совершенно такъ же, какъ тѣлесныя уродства съ порокими физическаго развитія относятся къ случайно пріобрѣтаемымъ физическимъ болѣзнямъ.

Психопатическое состояніе Губаревой во всей своей цѣлостности не обнимается ни одною (въ отдѣльности) изъ тѣхъ рубрикъ, которыми по закону, исключается вмѣняемость; съ другой стороны, изъ всего вышеизложеннаго очевидно, что свобода дѣйствованія у Губаревой въ различное время весьма неодинакова. Находясь въ одномъ изъ такихъ состояній, какъ подчиненіе эпизодически возникающимъ насильственнымъ и ложнымъ представленіямъ, кратковременное неистовство, транзиторный безсвязный бредъ, скоротечныя депрессивныя и маніакальныя состоянія, Губарева абсолютно лишается свободной воли, ибо здѣсь ея дѣйствованіе съ безусловною необходимостью опредѣляется ея болѣзненно усиленными инстинктивными побужденіями, болѣзненными чувствами и идеями. Кромѣ того, не должно также оставлять безъ вниманія возможности у подсудимой

*) Отъ слова „origo“, начало; прилагательное „originaris“ выражаетъ, что психопатія здѣсь ведетъ свое начало съ перваго времени жизни больнаго субъекта.

опьянѣнія, которое, при неправильности мозговой организаціи Губаревой и при той легкости, съ какою послѣдняя впадаетъ въ транзиторныя состоянія маніакальнаго возбужденія и неистовства, несомнѣнно можетъ принимать у Губаревой рѣзко паталогическій характеръ; въ такихъ случаяхъ картина обыкновеннаго опьянѣнія, при чемъ человѣкъ еще представляетъ относительную разумность дѣйствованія, подъ вліяніемъ какого-нибудь случайнаго условія можетъ измѣниться въ картину остраго психоза (напр., въ приступъ маніакальнаго возбужденія съ импульсивностью дѣйствованія), гдѣ о свободѣ дѣйствованія, разумѣется, уже не можетъ быть рѣчи.

Далѣе,—аномальный характеръ Губаревой, ея аффективность и импульсивность, ея психическая гиперэстезія, равно и констатированныя у ней неправильности въ возникновеніи и движеніи представленій заставляютъ меня заключить, что даже въ предѣлахъ своего постояннаго психопатическаго состоянія Губарева не пользуется полной нравственной свободой (здѣсь я имѣю въ виду, разумѣется, не столько libertatem judicii, сколько libertatem consilii *)]. По мѣрѣ того, какъ настроеніе Губаревой перестаетъ быть покойнымъ, свобода дѣйствованія испытуемой ограничивается все болѣе и болѣе и, наконецъ, въ вышеописанныхъ состояніяхъ остраго душевнаго разстройства, прекращается совершенно.

Предварительное слѣдстіе не даетъ точки опоры для сужденія о томъ, въ какомъ именно состояніи была Губарева въ ночь на 30-е августа 1881 года. Лично мною добыты нѣкоторыя, впрочемъ, довольно скудныя и мало

---

*) Т. е. возможность выбора разумныхъ мотивовъ дѣйствованія, предполагающую собою отсутствіе формальныхъ разстройствъ въ сферѣ представленія и нормальный ходъ процесса ассоціаціи идей.

доказательныя свѣдѣнія, по моему мнѣнію, отчасти помогающія рѣшенію этого вопроса, а именно:

a) То обстоятельство, что Губарева, приходя въ больницѣ въ состояніе маніакальнаго возбужденія, очевидно не симулированное и потому прямо исключающее разсчитанность дѣйствованія, неоднократно требовала вина, будучи сопоставлено съ относящимися къ тому же пункту анамнестическими свѣдѣніями, дозволяетъ предположить, что Губарева дѣйствительно по временамъ злоупотребляла спиртными напитками, изъ чего слѣдуетъ, что въ ночь на 30-е августа 1881 г. она могла быть въ состояніи опьянѣнія.

b) Хотя истинность разсказаннаго мнѣ Губаревой относительно происшедшаго въ вечеръ 29-го августа и въ послѣдующую затѣмъ ночь ничѣмъ не доказана, однако, нельзя не выставить на видъ, что въ этихъ сообщеніяхъ, съ одной стороны, нѣтъ ничего прямо противорѣчащаго даннымъ предварительнаго слѣдствія, и что, съ другой стороны, въ нихъ имѣются указанія, которыя, при отсутствіи другихъ путей къ уясненію дѣла, могутъ имѣть нѣкоторое значеніе. Изъ объясненій Губаревой видно, что вечеромъ 29-го августа у ней была причина придти въ сильное безпокойство; дѣйствіе вина, будто бы выпитаго затѣмъ Губаревой, конечно, было весьма достаточно, чтобы перемѣнить ея настроеніе изъ депрессивнаго въ экспансивное и послѣ привести ее (прямо, или черезъ присоединеніе какого нибудь случайнаго момента какъ, напримѣръ, видъ драки) въ чисто маніакальное состояніе, каковое, не только по словамъ самой Губаревой, но и по нѣкоторымъ намекамъ, заключающимся въ слѣдственномъ дѣлѣ (веселость Губаревой при продажѣ лошади, замѣченная барышникомъ Александровымъ; покупка шампанскаго; записка съ «ха, ха, ха»), какъ

будто бы продолжалась до вечера 30-го августа. Прибавлю, что объясненія Губаревой придаютъ дѣлу 29-го августа освѣщеніе, вполнѣ гармонирующее съ характеромъ и съ привычками обвиняемой и что сбивчивость, отрывочность и неопредѣленность той части этихъ объясненій, которая относится лишь къ рѣзко ограниченному промежутку времени между 10-ю часами вечера 29-го августа (начало дѣйствія будто бы выпитаго вина) и 4—5 час. утра слѣдующаго дня, наводятъ на мысль о частной амнезіи за это время... Впрочемъ, для рѣшительныхъ заключеній въ этомъ направленіи нѣтъ твердой почвы.

Такимъ образомъ, на этихъ страницахъ я почти дословно привелъ представленный мною, отъ 12-го августа 1882 г., С.-Петербургскому окружному суду письменный медицинскій отчетъ по моей экспертизѣ надъ дѣвицей Губаревой *). Заканчивая этотъ отчетъ, я резюмировалъ заключеніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

I. У Губаревой мною констатировано постоянное, органически обусловленное психопатическое состояніе, начавшееся съ перваго времени ея жизни и въ самомъ себѣ носящее условія своего прогрессивнаго усиленія (psychopathia originaris cum degeneratione mentis progressiva **)); въ послѣдніе годы это хроническое страданіе по временамъ обостряется у Губаревой въ скоропреходящія состоянія полнаго душевнаго разстройства.

II. Свобода дѣйствованія у обвиняемой и при обыкновенномъ состояніи послѣдней значительно ограничена и

*) Кромѣ нѣкоторыхъ сокращеній, приведенная здѣсь копія отличается отъ подлиннаго документа лишь тѣмъ, что послѣдній, для удобства пользованія имъ, подраздѣленъ на параграфы.

**) Тотъ, кому это обозначеніе не понравится, можетъ назвать данный случай просто наслѣдственно-дегенеративнымъ психозомъ.

уменьшается по мѣрѣ того, какъ психическое состояніе Губаревой, вообще крайне измѣнчивое, приближается къ вышеупомянутымъ временнымъ состояніямъ полнаго душевнаго разстройства.

III. Въ ночь съ 29-го на 30-е августа 1881 г. Губарева могла находиться въ состояніи, вполнѣ исключающемъ свободу дѣйствованія; однако, по даннымъ предварительнаго слѣдствія невозможно рѣшить, находилась ли она въ эту ночь въ такомъ состояніи дѣйствительно.

VII.

Послѣ представленія моего медицинскаго мнѣнія прокурору, дѣвица Губарева была подвергнута новому освидѣтельствованію въ распорядительномъ засѣданіи С.-Петербургскаго окружнаго суда. Мое письменное мнѣніе относительно состоянія умственныхъ способностей обвиняемой, по причинѣ обширности своей, не могло быть цѣликомъ прочитано г-дамъ экспертамъ, вызваннымъ судомъ (д-ра Майдель, Чечоттъ и Фрей), а было сообщено имъ лишь въ извлеченіи. Не найдя возможнымъ подтвердить мое заключеніе, г-да эксперты высказались въ этотъ разъ въ томъ смыслѣ, что, не отрицая общаго психопатическаго состоянія Губаревой, они не видятъ въ ней никакой опредѣленной формы психическаго разстройства; предварительное слѣдствіе не доставило никакихъ данныхъ для положительнаго рѣшенія вопроса относительно психическаго состоянія обвиняемой въ ночь на 30-е августа 1881 г.; однако, ничто не даетъ права предполагать, чтобы она находилась въ эту ночь въ состояніи умоизступленія. Вслѣдствіе таковаго результата экспертизы въ судѣ, Губарева была переведена изъ больницы Св. Николая Чудотворца въ Домъ Предварительнаго Заключенія и затѣмъ, вмѣстѣ

съ Чудинымъ, предана суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ Домѣ Предварительнаго Заключенія пришлось держать обвиняемую подъ строгимъ присмотромъ, ибо она неоднократно покушалась на самоубійство; такъ, она намѣревалась разбиться, бросившись внизъ головой съ лѣстницы; однажды же, находясь въ камерѣ одиночнаго заключенія, она пыталась повѣситься на полотенцѣ, такъ что найдена была уже въ совершенно безсознательномъ состояніи и только благодаря своевременности помощи могла быть возвращена къ жизни. Кромѣ того, въ тотъ же день она пыталась удавиться, затянувъ себѣ шею шнуркомъ отъ шейнаго креста.

И такъ, по вопросу о состояніи умственныхъ способностей дѣвицы Юліи Губаревой между врачами возникло нѣкоторое разнорѣчіе. Оба врача, дѣйствительно изслѣдовавшіе Губареву и въ теченіе продолжительнаго времени наблюдавшіе ее (д-ръ Чижъ и я), признали психическое состояніе обвиняемой болѣзненнымъ, эксперты же, призванные въ распорядительное засѣданіе суда, опредѣленной формы психическаго разстройства не нашли. Впрочемъ, это разнорѣчіе по сущности своей далеко не такъ значительно, какъ кажется съ перваго взгляда. Вопервыхъ, г-да эксперты Майдель, Чечоттъ и Фрей согласились, что дѣвица Губарева имѣетъ, какъ они выразились, психопатическій внутренній складъ; во вторыхъ и я, настаивая на томъ, что постоянное душевное состояніе Губаревой есть состояніе психопатическое, не утверждалъ, что оно равнозначущее съ полнымъ сумасшествіемъ въ смыслѣ закона, и ничуть не предрѣшалъ вопроса о вмѣненіи, но лишь показалъ, что въ ночь на 30-е августа 1881 года обвиняемая могла находиться въ состояніи остраго транзиторнаго психическаго разстройства. Прямыхъ данныхъ,

служащихъ къ положительному рѣшенію вопроса о душевномъ состояніи обвиняемой въ ночь на 30-е августа предварительное слѣдствіе не могло представить.

Впрочемъ, разнорѣчіе между экспертами по поводу Губаревой совсѣмъ не удивительно; этотъ случай принадлежитъ къ числу самыхъ затруднительныхъ случаевъ въ судебно-медицинской практикѣ, именно, не къ простому сумасшествію, происходящему отъ случайныхъ причинъ, а къ такъ называемымъ наслѣдственно-дегенеративнымъ психозамъ. По отношенію къ этимъ случаямъ, больше чѣмъ по отношенію къ какимъ-либо инымъ, справедливы слѣдующія слова Каспера: «Психическое разстройство не составляетъ нѣчто цѣлое, ограниченное, предѣльное; напротивъ, предѣлы его тѣсно соприкасаются и сливаются съ нормальнымъ состояніемъ и только личная опытность и качества психіатра даютъ ему возможность отличать уклоненія тамъ, гдѣ большинство неопытныхъ психіатровъ не замѣтитъ ничего ненормальнаго. Понятно, что тамъ, гдѣ мы должны основываться на личныхъ качествахъ, а не на объективности, легко возможны ошибки; этотъ выводъ оправдывается дѣйствительной жизнью: несогласія и даже противорѣчія относительно нормальности и ненормальности умственныхъ отправленій одного и того же субъекта встрѣчались, встрѣчаются и будутъ встрѣчаться даже между лучшими психіатрами. Понятія о помѣшательствѣ не просты, они составляются изъ многихъ и различныхъ элементовъ, а потому остается прибѣгать къ множеству средствъ, при помощи которыхъ стараются облегчить разрѣшеніе этой трудной задачи въ возможно большемъ числѣ случаевъ» *).

---

*) Касперъ.—Руководство къ судебной медицинѣ. Русск. пер. СПБ. 1872, стр. 399.

Впередъ предвидя возможность разногласія между врачами въ этомъ трудномъ судебномедицинскомъ случаѣ, я въ своемъ письменномъ мнѣніи умышленно постарался выставить обнаруженныя моимъ изслѣдованіемъ и наблюденіемъ фактическія данныя отдѣльно отъ моихъ выводовъ и заключеній. Строгое отдѣленіе фактовъ отъ вытекающихъ изъ нихъ медицинскихъ заключеній было важно здѣсь вотъ въ какомъ отношеніи: о фактахъ, разъ они надлежащимъ порядкомъ и достаточно твердо установлены, уже не спорятъ; на этой почвѣ, если можно было ожидать разнорѣчія въ экспертизѣ, то развѣ только между мною и д-ромъ Чижемъ, ибо изъ всѣхъ врачей, игравшихъ роль въ этомъ процессѣ, только мы двое, д-ръ Чижъ и я, могли бы сказать: «мы наблюдали Губареву, мы ее дѣйствительно изслѣдовали». Но, совсѣмъ другое дѣло выводы изъ фактовъ; различныя мнѣнія здѣсь, разумѣется, возможны, ибо возможны (выражусь снова словами Каспера) разныя степени физіолого-психологическаго и опытнаго пониманія человѣка... И такъ, я готовъ допустить, что изъ установливаемыхъ мною медицинскихъ фактовъ, могутъ быть сдѣланы заключенія не такія, какія сдѣланы мною, но я не допускаю возможности никакаго сомнѣнія въ правильности констатированія самыхъ фактовъ. Впрочемъ, можно и прямо видѣть, что моя фантазія не играла здѣсь никакой роли; въ противномъ случаѣ факты, устанавливаемые моимъ изслѣдованіемъ, не находились бы въ такой строгой гармоніи, съ одной стороны, — съ результатами изслѣдованія д-ра Чижа, съ другой же стороны, —съ анамнестическими данными, заключающимися въ тѣхъ сообщеніяхъ, которыя даны при предварительномъ слѣдствіи (а впослѣдствіи и передъ судомъ) лицами, близко знающими прежнюю жизнь Губаревой.

Въ душевной жизни дѣвицы Губаревой я долженъ былъ различить ея постоянное или обыкновенное психопатическое состояніе отъ тѣхъ состояній полнаго и, такъ сказать, остраго душевнаго разстройства, въ которыя она впадаетъ по временамъ. Уклоненія отъ нормы, представляемыя постояннымъ состояніемъ Губаревой подробно описаны выше; итогъ же имъ будетъ таковъ: весь строй душевной жизни обвиняемой существенно характеризуется непостоянствомъ, измѣнчивостью, неустойчивостью, отсутствіемъ внутренняго равновѣсія, дисгармоніей своихъ отдѣльныхъ сторонъ; многія изъ умственныхъ функцій оказываются у Губаревой положительно ослабленными, дѣйствованіе ея нерѣдко является носящимъ на себѣ печать импульсивности. Спрашивается теперь, составляетъ-ли это постоянное состояніе Губаревой, которое несомнѣнно есть состояніе психопатическое, опредѣленную форму душевной болѣзни или же нѣтъ?

Спросимъ себя прежде, — что такое значитъ «опредѣленная форма психическаго разстройства»?... Можно отвѣтить: это—такая форма, существованіе которой, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго вида душевнаго разстройства всѣми авторитетными психіатрами безъ исключенія признано. Но существованіе опредѣленныхъ, въ этомъ смыслѣ, формъ психическаго разстройства предполагаетъ существованіе опредѣленной и общепринятой, для всѣхъ психіатровъ равно обязательной классификаціи душевныхъ болѣзней. Однако, такой классификаціи у психіатровъ нѣтъ; притомъ въ настоящее время, меньше чѣмъ когда-либо, можно говорить о какой-либо общепринятой классификаціи, ибо настоящее время, т. е. 70-ые и 80-ые года текущаго вѣка, есть въ психіатріи время замѣны прежнихъ, односторонне симптоматологическихъ

воззрѣній, оказавшихся неудовлетворительными именно по несогласію ихъ съ дѣйствительностью и по происхожденію отъ произвольно предвзятыхъ психологическихъ теорій, воззрѣніями клиническими, основанными на точномъ изученіи, на терпѣливомъ и всестороннемъ наблюденіи душевнаго разстройства въ его различныхъ конкретныхъ или клиническихъ формахъ, т. е. въ тѣхъ, такъ сказать, естественныхъ формахъ, которыя имѣются въ дѣйствительности, а не въ искусственныхъ, теоретически построенныхъ на основаніи какого-либо одного произвольно избраннаго симптома.

Впрочемъ, нашъ законъ вовсе не требуетъ отъ экспертовъ объясненія, — принадлежитъ-ли или нѣтъ данный случай къ какой-либо опредѣленной формѣ психическаго разстройства, и ничуть не обязываетъ экспертовъ придерживаться той или другой, всегда условной, психопатологической классификаціи. Нашъ законъ лишь заставляетъ судей спрашивать у врачей, — не учинено-ли данное преступленіе или данный проступокъ безумнымъ отъ рожденія, или сумасшедшимъ, или, наконецъ, человѣкомъ просто больнымъ, въ припадкѣ умоизступленія или совершеннаго безпамятства. Подъ выраженіями — безуміе, сумасшествіе, умоизступленіе и безпамятство законъ разумѣетъ не какія-либо наукою опредѣленныя формы психическаго разстройства, а лишь извѣстныя душевныя состоянія, коими исключается вмѣненіе въ вину учиненнаго. Каждый конкретный случай, гдѣ болѣзнь, все равно — душевная или физическая, приводитъ человѣка въ такое состояніе, въ которомъ онъ въ это время не можетъ имѣть понятія о противозаконности и самомъ свойствѣ своего дѣянія или лишается способности сознательно управлять своими поступками, долженъ подойдти или подъ какое-нибудь одно изъ этихъ

упоминаемыхъ въ законѣ состояній или даже одновременно подъ два изъ нихъ; въ самомъ дѣлѣ, въ умоизступленіе можетъ впасть какъ человѣкъ, бывшій до того времени психически совершенно нормальнымъ, такъ и человѣкъ отъ природы слабоумный; съ другой стороны, человѣкъ сумасшедшій не лишенъ по крайней мѣрѣ возможности приходить въ безпамятство. Такимъ образомъ, въ конкретныхъ случаяхъ могутъ встрѣчаться разныя комбинаціи изъ этихъ четырехъ указанныхъ закономъ состояній.

Послѣ сказаннаго ясно, что я, какъ экспертъ, немного объяснилъ-бы, если бы сказалъ на судѣ: въ данномъ случаѣ опредѣленной формы сумасшествія я не вижу. Вѣдь это значитъ только, что я въ этомъ случаѣ не встрѣтился ни съ одною изъ формъ, являющихся для меня въ настоящее время опредѣленными; но вѣдь можетъ же быть, что черезъ два — три мѣсяца я къ числу формъ, для меня опредѣленныхъ, прибавлю новую; можетъ быть, наконецъ, что для моего коллеги уже теперь является весьма опредѣленнымъ то, что для меня еще не стало таковымъ. Можно идти дальше и выравиться такъ: если я, какъ экспертъ, говорю передъ судомъ, что въ настоящемъ случаѣ я не нахожу ни одной изъ опредѣленныхъ формъ умственнаго разстройства, то это даже не будетъ значить, что въ данномъ случаѣ нѣтъ сумасшествія по настоящему разуму нашего закона. Въ самомъ дѣлѣ, возможно слѣдующее: послѣ медицинскаго анализа состоянія человѣка въ моментъ совершенія преступленія, съ полнѣйшею несомнѣнностью выясняется, что по состоянію своему въ то время обвиняемый не могъ имѣть понятія ни о противозаконности, ни о самомъ свойствѣ своего дѣянія; въ этомъ случаѣ нѣтъ мѣста вмѣненію, ибо для наказуемости преступленія требуется, чтобы послѣднее

было совершено сознательно, въ здравомъ состояніи. При такихъ обстоятельствахъ я, какъ экспертъ, можетъ быть буду имѣть возможность показать, что обвиняемый потому въ то время не имѣлъ понятія о противозаконности и о самомъ свойствѣ совершеннаго имъ дѣянія, что онъ и вообще-то есть человѣкъ умственно ненормальный или психически больной. Но при всемъ этомъ я могу быть поставленъ въ затрудненіе, если меня спросятъ: принадлежитъ-ли данный случай къ одной изъ опредѣленныхъ формъ психическаго разстройства и, если принадлежитъ, то къ какой именно? Данный случай душевнаго страданія можетъ одной своей стороной подходить подъ одну изъ существующихъ условныхъ рамокъ, другой же своей стороной подъ другую; но онъ можетъ также и совсѣмъ не подходить ни подъ одну изъ нихъ: можетъ быть, что это — новая, до сихъ поръ клинически еще не установленная форма душевнаго разстройства, которая для того, чтобы быть включенною въ число формъ опредѣленныхъ, ждетъ лишь, чтобы ее описалъ, напримѣръ, Вестфаль, или Легранъ-дю-Солль...

Предположимъ же пока, что психопатическое состояніе Губаревой не подходитъ ни подъ одну изъ доселѣ опредѣленныхъ формъ психическихъ страданій. Изъ вышесказаннаго видно, что этимъ предположеніемъ, мы не только не разрѣшимъ вопроса: »въ какомъ состояніи находились умственныя способности обвиняемой въ ночь на 30-е августа 1881 года», но даже не дадимъ окончательнаго рѣшенія вопросу о состояніи умственныхъ способностей Губаревой въ настоящее время. Разъ серьозное медицинское изслѣдованіе открываетъ въ случаѣ дѣвицы Губаревой цѣлую группу болѣзненно этіологическихъ и патологическихъ моментовъ, существованіе которыхъ до 29-го августа не подлежитъ никакому сом-

нѣнію, разъ уже послѣ 29-го августа и во время испытанія обвиняемой (а надо замѣтить, что Губарева подвергалась въ сущности двукратному испытанію въ спеціальныхъ заведеніяхъ, которое оба раза дало результатъ, приблизительно одинаковый) тщательнымъ медицинскимъ изслѣдованіемъ и наблюденіемъ доказано, что эти патологическіе моменты не перестаютъ оказывать вредное вліяніе на психическое состояніе обвиняемой *), то понятно, что вопросъ о нормальности или ненормальности умственнаго состоянія Губаревой во время учиненія ею преступнаго дѣянія остается въ прежней силѣ.

Что касается до меня, то я даже не могу согласиться, что психопатическое состояніе г-жи Губаревой не подходитъ ни подъ одну изъ опредѣленныхъ наукою формъ душевныхъ страданій. Но разумѣется, для того, чтобы стать на настоящую точку зрѣнія, я долженъ былъ отрѣшиться отъ мысли, что возможное число отдѣльныхъ видовъ психическаго разстройства роковымъ образомъ ограничено девятью рубриками той, такъ сказать, оффиціальной классификаціи душевныхъ болѣзней, которая еще въ 1863 г. предписана медицинскимъ департаментомъ для отчетности по отдѣленіямъ и домамъ для умалишенныхъ. Относительно этой классификаціи достаточно сказать, что она совершенно не соотвѣтствутъ современному уровню развитія психіатріи; мало того, что она далеко не исчерпываетъ всѣхъ главныхъ психопатологическихъ формъ, установленныхъ до сего времени наукою, она цѣликомъ основана на принципахъ, начавшихъ свое господство въ Германіи еще въ сороковыхъ годахъ, но теперь совершенно утратившихъ прежнее значеніе **).

---

*) Ср. Касперъ, Руков. къ судебн. медицинѣ. Русскій переводъ. СПБ. 1872.

**) Необходимость измѣненія существующей оффиціальной клас-

Такъ какъ такой классификаціи душевныхъ болѣзней, которая, вполнѣ соотвѣтствуя современному состоянію нашей науки, могла бы считаться классификаціею, между психіатрами общепринятой, въ настоящее время еще не существуетъ, то каждому спеціальному психіатрическому учрежденію, желающему держаться на уровнѣ современнаго состоянія науки, приходится теперь для своего ежедневнаго практическаго обихода вырабатывать свою собственную классификацію. Точно такъ и мы, врачи больницы Св. Николая Чудотворца, движимые настоятельною необходимостью введенія между нами единства въ обозначеніи и въ классифицированіи душевныхъ разстройствъ (безъ таковаго единства медицинская отчетность по больницѣ становится чрезвычайно затруднительною) старались, по иниціативѣ нашего старшаго доктора, О. А. Чечотта, составить свою классификацію и притомъ такую, которая, при условіи удовлетворительности ея съ точки зрѣнія современныхъ научныхъ воззрѣній, была бы по возможности краткой. Въ той классификаціи, которой мы рѣшили въ настоящее время (съ начала прошлаго 1882 года) придерживаться, уже не 9 формъ, а 15; въ нее вошли формы, вновь въ наукѣ установленныя, какъ напримѣръ ideophrenia или первично-бредовой психозъ *), а рядомъ съ рубрикой psychoepilepsia есть рубрика psychohysteria. (См. прим. 2, въ концѣ дѣла дѣв. Губ.)

сификаціи (и номенклатуры) душевныхъ болѣзней была подробно доказываема въ сообщеніи, сдѣланномъ мною въ С.-Петербургскомъ Обществѣ Психіатровъ въ засѣданіи 20 го марта 1882 г. Въ томъже засѣданіи, по моему предложенію, была избрана изъ членовъ Общества особая коммиссія для спеціальной разработки вопроса о классификаціи; къ сожалѣнію, результаты трудовъ этой коммиссіи до сихъ поръ еще не представлены Обществу.

*) Терминъ „ideophrenia“ мною предложенъ для латинскаго обозначенія той, нынѣ твердо установленной, психопатологической формы

Я готовъ согласиться, что на психопатическое состояніе г-жи Губаревой безъ большой ошибки можно смотрѣть какъ на одну изъ формъ истерическаго психическаго страданія. Такъ и взглянулъ на дѣло врачъ, завѣдующій городскимъ пріютомъ для душевно-больныхъ, который, подобно мнѣ, имѣлъ возможность наблюдать г-жу Губареву въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и кромѣ того былъ достаточно ознакомленъ съ результатами предварительнаго слѣдствія по ея дѣлу... Напомню, что у насъ въ оффиціальныхъ сферахъ еще въ 30-хъ годахъ было извѣстно, что истерія принадлежитъ къ числу болѣзней, въ которыхъ бываютъ бредъ и умоизступленіе. Въ правилахъ, Высочайше утвержденныхъ въ день 18-го февраля 1835 года, относительно освидѣтельствованія тѣхъ, кои въ припадкахъ сумасшествія учинили смертоубійство или посягнули на жизнь другаго или собственную, въ пунктѣ 1-мъ сказано: «болѣзни, въ коихъ случается бредъ и умоизступленіе и кои потому сходствуютъ съ самимъ сумасшествіемъ, суть: восцалительная, нервная,

---

которая называется нѣмцами „primäre Verrücktheit“. Кальбаумовскій терминъ „paranoia“ не обнимаетъ всего того, что принадлежитъ къ „primäre Verrücktheit“ и потому легко даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Выраженіе „alienatio primaria“, употребляемое нѣкоторыми изъ нашихъ психіатровъ за недостаткомъ лучшаго термина, соотвѣтствуетъ не понятію „primäre Verrücktheit“, по понятію „primäres Jrresein“, т. е. обнимаетъ собою не только идеофренію, но также и меланхолію съ маніею. Такъ какъ и русское выраженіе „первичное помѣшательство“ или „первичное сумасшествіе“ тоже соотвѣтствуетъ понятію „primäres Jrresein“, то оно не годится для русскаго обозначенія идеофреніи, для чего наиболѣе пригоденъ впервые употребленный И. Пастернацкимъ терминъ „первичнобредовой психозъ“. Слово „ideophrenia“ заимствовано мною у Гислена, который называлъ этимъ именемъ извѣстныя бредовыя формы. Этотъ терминъ удобенъ для насъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ, а) онъ не даетъ повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ, будучи вполнѣ равнозначущъ нѣмецкому выраженію „primäre Verrückt-

желчная, гнилая, родильная и бѣлая горячки; воспаленіе мозга и его оболочекъ; рожа на лицѣ; истерика и ипохондрія; падучая болѣзнь»... и проч.

Что касается до истерики, то она бываетъ разная. Въ своей простой формѣ истерія, подобно эпилепсіи, есть нервная болѣзнь, характеризующаяся извѣстнаго рода судорожными припадками, при чемъ рѣзкихъ разстройствъ въ психической сферѣ не замѣчается. Но весьма часто встрѣчается истерія, осложненная психическимъ растройствомъ, такъ называемая psychohysteria. Истерическое психическое разстройство, какъ прекрасно описано въ извѣстномъ учебникѣ Краффтъ-Эбинга, равно какъ и въ спеціальномъ новѣйшемъ трудѣ Леграна-дю-Солль, бываетъ различно какъ по степени, такъ и по характеру. Вмѣстѣ съ названными авторами можно различать три степени или три рода психической истеріи. a) Истерическій неврозъ постепенно осложняется множествомъ разстройствъ въ элементарныхъ психическихъ функціяхъ;

---

heit", и кромѣ того онъ самъ по себѣ даетъ понять, что при этой психической болѣзни на первомъ планѣ стоитъ разстройство сферы представленій (ложныя идеи); b) отъ слова „идеофренія" легко образуются производныя слова „идеофреникъ", „идеофреническій"; c) присоединяя къ слову „ideophrenia" тѣ или другія прилагательныя, мы получимъ возможность обозначать отдѣльные виды „primärer Verrücktheit", напримѣръ, ideophrenia hallucinatoria acuta, ideophrenia chronica, ideophrenia katatonica etc.—Что касается до той формы Verrücktheit, которая называется Verrücktheit aus Zwangsvorstellungen, то я предложилъ обозначать ее словомъ paraphrenia, при чемъ, присоединяя тѣ или другія прилагательныя, мы точнѣе выразимъ самый характеръ болѣзни (напр. paraphrenia mysophobia): При этомъ нечего смущаться тѣмъ, что въ 1863 г. терминъ paraphrenia былъ предложенъ Кальбаумомъ совершенно для другихъ болѣзненныхъ формъ (именно для совмѣстнаго обозначенія гебефреніи и старческаго слабоумія), ибо, сколько мнѣ извѣстно, этотъ примѣръ Кальбаума не нашелъ себѣ подражателей.

результатомъ этого получается общее измѣненіе психической личности, болѣзненность характера, неустойчивость всего внутренняго равновѣсія, короче—если не всѣ, то многія изъ тѣхъ уклоненій отъ нормы, которыя изучены нами на г-жѣ Губаревой въ ея постоянномъ состояніи. Съ легальной точки зрѣнія это не есть полное сумасшествіе или полное безуміе, ибо нельзя сказать, чтобы въ предѣлахъ такого постояннаго состоянія больная женщина была вполнѣ лишена способности свободнаго волеопредѣленія, но можно выразиться, что таковое состояніе есть, съ легальной точки зрѣнія, полусумасшествіе или полубезуміе; именно такъ смотрятъ на дѣло большинство западныхъ авторитетовъ по судебной медицинѣ и этотъ взглядъ отразился и въ нѣкоторыхъ изъ западныхъ законодательствъ, особенно въ новѣйшемъ австрійскомъ, устанавливающемъ для подобныхъ состояній цѣлую систему смягчающихъ обстоятельствъ, которыми, по указанію экспертовъ, т. е. смотря по тому, куда ближе данный случай, къ полному здоровью или къ полному душевному разстройству, отвѣтственность преступницы измѣняется, такъ что ея вина, какъ говоритъ проф. Краффтъ-Эбингъ, иногда сводится до minimum'а.— b) Вторую форму психогистеріи составляютъ кратковременные острые приступы настоящаго сумасшествія съ характеромъ преходящей маніи или, еще чаще, преходящіе приступы бреда.— c) Наконецъ, третья форма психогистеріи есть постоянное, хроническое истерическое сумасшествіе.—Если передъ судомъ доказана вторая или третья изъ упомянутыхъ формъ психогистеріи, то вмѣненіе, понятно, не имѣетъ мѣста; если же преступница страдаетъ лишь первой формой психогистеріи, то (по крайней мѣрѣ въ Австріи) отвѣтственность преступницы является условною, т. е. она больше или меньше, мо-

жетъ быть даже сведена до minimum'a,—все зависитъ здѣсь отъ особенностей даннаго конкретнаго случая, такъ какъ относительно вмѣняемости тутъ не можетъ быть никакого общаго правила.

Возвращаясь къ г-жѣ Губаревой, мы видимъ, что у ней существуетъ: 1) постоянное психопатическое состояніе, соотвѣтственно вышеуказанной первой формѣ психогистеріи и 2) припадочныя или транзиторныя состоянія, соотвѣтственныя транзиторнымъ приступамъ истерическаго помѣшательства. Однако, въ моемъ представленномъ суду письменномъ медицинскомъ мнѣніи я не назвалъ данный случай психогистеріей, а только указалъ, что гистерія здѣсь предполагается сама собой, какъ частное явленіе въ томъ прогрессирующемъ дегенеративно-психопатическомъ состояніи, которое констатировано у Губаревой въ его непрерывномъ развитіи съ первыхъ лѣтъ ея жизни. Я потому не подвелъ постоянное психопатическое состояніе Губаревой подъ первую форму психогистеріи, что, во-первыхъ, у обвиняемой оказалось частныхъ аномалій въ психической сферѣ больше, чѣмъ полагается при первой формѣ психогистеріи, и, во-вторыхъ, вся болѣзнь развилась здѣсь подъ вліяніемъ другихъ этіологическихъ моментовъ; такъ, гистерія большею частью зависитъ отъ неправильностей въ половой сферѣ женщины и начинается обыкновенно не раньше наступленія періода половаго развитія; у Губаревой же многія уклоненія отъ нормы замѣчаются уже съ перваго времени ея жизни, и именно это обстоятельство заставляетъ полагать, что этіологическими моментами здѣсь были или психопатическая наслѣдственность, или болѣзненныя вліянія, дѣйствовавшія на головной мозгъ обвиняемой въ первое время ея жизни и потому нарушившія правильный ходъ всего ея психическаго развитія. Изслѣдованіе

показало, что въ данномъ случаѣ дѣйствовали оба эти этіологическіе момента...

По совокупности признаковъ, обнаруженныхъ изслѣдованіемъ, я долженъ отнести психопатическое состояніе г-жи Губаревой къ той формѣ хроническаго душевнаго страданія, которое прекрасно изучено французскими психіатрами Морелемъ и Леграномъ-дю-Солль еще въ 60-хъ годахъ подъ названіемъ душевная дегенерація или наслѣдственное душевное страданіе *). Современные нѣмецкіе психіатры въ своихъ новѣйшихъ трудахъ называютъ подобныя состоянія общимъ названіемъ «конституціональная психопатія», «конституціональное дегенеративно-психопатическое состояніе» (psychische Degeneration, psychische Entartung) и различаютъ здѣсь нѣсколько разновидностей. Ученіе о дегенеративныхъ душевныхъ страданіяхъ и описаніе различныхъ частныхъ формъ послѣднихъ находится во всѣхъ новѣйшихъ руководствахъ по психіатріи и по судебной психопатологіи и уже одно это обстоятельство показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ психопатологическія формы, твердо установленныя, съ клинической точки зрѣнія вполнѣ опредѣленныя... **).

Еслибы я вздумалъ описывать тѣ признаки, которыми характеризуются, по наукѣ, наслѣдственно-дегенератив-

---

*) Morel, Traité des dégénérescences de l'espèce humaine. 1857.— Traité des maladies mentales. 1860.—De l'hérédité morbide progressive. 1867.—Legrand du Saulle, Die erbliche Geistesstörung, übers. von Stark. 1874.

**) Еслибы дѣло шло о томъ, чтобы, съ клинической стороны, точно опредѣлить ту частную форму дегенеративныхъ психозовъ, которая представляется намъ въ случаѣ Губаревой, то я бы сказалъ: это—folie raisonnante въ истерической ея формѣ; по номенклатурѣ Краффтъ-Эбинга это будетъ — constitutionell-affectives Irresein.

ныя психопатическія состоянія, то мнѣ пришлось бы снова перечислить всѣ тѣ уклоненія отъ нормы, которыя наблюденіемъ обнаружены въ психическомъ состояніи г-жи Губаревой. Не вдаваясь въ клиническое описаніе душевнаго вырожденія *), я остановлюсь только на двухъ весьма важныхъ признакахъ дегенераціи, одномъ — анатомическомъ, другомъ функціональномъ, которые обнаружены мною въ случаѣ Губаревой; они имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что встрѣчаются сравнительно въ немногихъ случаяхъ наслѣдственно-дегенеративныхъ психозовъ, именно только въ тѣхъ, въ которыхъ психопатическое состояніе бываетъ наиболѣе рѣзко выраженнымъ.

Представляемый обвиняемою анатомическій признакъ дегенераціи (anatomisches Degenerationszeichen) есть неправильность размѣровъ и конфигураціи черепа. Всѣ черепные размѣры у Губаревой замѣтно больше средней для женщины нормы и это обстоятельство, особенно же въ связи съ анамнестическими свѣдѣніями, показывающими, что обвиняемая въ дѣтствѣ своемъ страдала мозговыми припадками, даетъ намъ право заключить, что у Юліи Губаревой въ первые годы ея жизни была головная водянка (hydrocephalus chronicus). Неправильная конфигурація черепа и неровности, прощупываемыя на его поверхности (онѣ замѣчены не мною однимъ, но также и д-ромъ Чижемъ), суть такого рода, что онѣ могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ англійской болѣзни, перенесенной Губаревой въ

*) Въ этомъ отношеніи достаточно сослаться на учебники: Casper-Liman, Handb. der gerichtlichen Medicin. 7-te Aufl. 1881, Krafft-Ebing, Lehrb. der gerichtl. Psychopathologie. 1875, Schüle, Handb der Geisteskrankh. 1878. — Krafft-Ebing, Lehrb. der Psychiatrie, 1879.—Maschka, Handb. der gerichtl. Medicin IV B. (Die gerichtliche Psychopathologie). 1882.

раннемъ дѣтствѣ, т. е. слѣдствіемъ неправильнаго хода процесса окостенѣнія въ костяхъ черепа въ первое время жизни обвиняемой. Оба указанныхъ момента, hydrocephalus chronicus и rhachitis cranii, разумѣется, тѣсно связаны между собою и оба они важны въ томъ отношеніи, что они, препятствуя правильному росту головнаго мозга, не могли не отразиться пагубно на всемъ ходѣ психическаго развитія Губаревой. Вмѣстѣ съ психопатической наслѣдственностью, эти моменты и суть главные виновники въ томъ, что обвиняемая стала тѣмъ нравственно и умственно аномальнымъ субъектомъ, какимъ она является въ настоящее время.

На ряду съ упомянутыми анатомическими неправильностями, по своему значенію (какъ важный functionnelles Degenerationszeichen) должно быть поставлено рѣзкое функціональное уродство, именно констатированная наблюденіемъ за г-жею Губаревой въ больницѣ и главное свѣдѣніями о ея жизни — прирожденная аномалія половаго инстинкта, въ той тѣсной, строго опредѣленной въ наукѣ формѣ, которая извѣстна подъ названіемъ »conträre Sexual-Empfindung« (Westphal). Это форма функціональнаго уродства *), весьма не часто встрѣчающаяся, бываетъ какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ и состоитъ въ слѣдующемъ: несмотря на нормально выраженный физическій половой типъ и на правильное развитіе половыхъ органовъ у этихъ странныхъ субъектовъ, вмѣсто нормальнаго половаго влеченія къ другому полу, оказывается по отношенію къ послѣднему иногда прямое отвращеніе, иногда же просто равнодушіе, а на-

*) Такого рода случаи описаны Касперомъ, Вестфалемъ, Шминке, Сервесомъ, Гакомъ, Шольцемъ, Штаркомъ, Тамассіа, Краффтъ-Эбингомъ, Кирномъ.

оборотъ къ особамъ того же пола (т. е. у женщинъ — къ женщинамъ, у мужчинъ — къ мужчинамъ) существуетъ прирожденное непреодолимое влеченіе *). То обстоятельство, что Губарева уже рожала, вовсе не составляетъ противорѣчія съ превратностью ея половаго инстинкта; женщина, какъ извѣстно, играетъ при актѣ нормальнаго половаго совокупленія сравнительно пассивную роль, и такъ какъ половые органы г-жи Губаревой (такъ обыкновенно и бываетъ въ случаяхъ этого рода) развиты правильно, то понятно, что обвиняемая, пересилившая свой sensus contrarius, могла не только забеременѣть, но и благополучно родить. Было бы крайне ошибочно смѣшивать »conträre Sexual-Empfindung« съ такъ называемою трибадіею или »amor lesbicus«. Amor lesbicus есть актъ противоестественнаго плотскаго сношенія между двумя женщинами, равно какъ педерастія есть актъ противоестественнаго половаго сношенія между двумя мужчинами. Какъ педерастія, такъ и трибадія чаще бываютъ не болѣзненнымъ явленіемъ, но просто порокомъ, выраженіемъ крайней развращенности.— Напротивъ, въ »conträre Sexual-Empfindung« вовсе не входитъ понятіе о половомъ актѣ; какъ уже показываетъ самое названіе, здѣсь идетъ рѣчь лишь объ органически обусловленной и почти всегда прирожденной аномаліи чувства или инстинкта. Такое превратное половое влеченіе только въ нѣкоторыхъ случаяхъ носитъ

*) См. двѣ новѣйшія спеціальныя работы по этому вопросу: Krafft-Ebing, Ueber die conträre Sexual-Empfindung, Allg. Zeitschr. für Psychiatrie, 1881, и Kirn, Ueber die Klinischforensische Bedeutung des perversen Sexual-Triebes, ibid. 1882. Краффтъ-Эбингъ упоминаетъ, что эта курьезная превратность половаго инстинкта свойственна не одному человѣку, она открыта въ недавнее время также у одной изъ породъ жуковъ (!).

на себѣ грубо-чувственный характеръ (и тогда можетъ вести къ трибадіи или педерастіи), но чаще оно остается чувствомъ чисто платоническимъ, нерѣдко выражающимся наружу даже въ идеальной, возвышенной формѣ.

Если сопоставить съ аномаліей половаго инстинкта нѣкоторыя особенности характера и моральной организаціи подсудимой, какъ-то недостатокъ умственности, рѣзкость въ обращеніи, грубость въ шуткахъ, рѣшительность, смѣлость, удальство, наклонность къ кулачной расправѣ и т. п., то эти особенности получатъ для насъ надлежащее освѣщеніе и лишь тогда для насъ станетъ понятнымъ проявленіе многихъ изъ нихъ уже въ раннемъ дѣтствѣ Губаревой. Съ этой же точки зрѣнія объясняется и странный образъ прежней жизни обвиняемой, ея занятія, любовь къ лошадямъ, страсть къ переодѣванію въ мужское платье и пр. Но особенно важно констатированіе у Губаревой прирожденной превратности половаго чувства, въ формѣ sensus sexualis contrarius потому, что эта функціональная аномалія до сихъ поръ встрѣчалась лишь у субъектовъ умственно ненормальныхъ, съ большими или меньшими дефектами въ интеллектуальной сферѣ и въ большинствѣ случаевъ представлявшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другія явленія психическаго вырожденія. Проф. Вестфаль, первый введшій въ науку понятіе »conträre Sexual-Empfindung«, говоритъ, что это явленіе всегда есть симптомъ психически-исключительнаго состоянія (psychischer Ausnahme-Zustand), что всѣ такого рода индивидуумы суть психопаты съ неправильной душевной организаціей, съ большими природными дефектами въ умственной сферѣ; въ большинствѣ случаевъ они прямо слабоумны, хотя для констатированія такого слабоумія обыкновенно требуется продолжительное

и искусно произведенное изслѣдованіе. Сознаніе своей функціональной уродливости и искалѣченная жизнь, продолжаетъ Вестфаль, нерѣдко приводятъ такихъ субъектовъ къ настоящей меланхоліи, и притомъ тѣмъ легче, что субъекты этого рода почти всегда принадлежатъ къ числу лицъ, отягченныхъ психопатической наслѣдственностью. — Проф. Краффтъ-Эбингъ въ своей новѣйшей спеціальной работѣ по этому вопросу, приходитъ къ заключенію, что прирожденно-контрарный половой инстинктъ, встрѣчаясь большею частью у субъектовъ съ наслѣдственнымъ расположеніемъ къ психическимъ страданіямъ, всегда есть лишь частное явленіе общаго невропсихопатологическаго состоянія и что эта аномалія должна считаться однимъ изъ функціональныхъ признаковъ дегенеративныхъ психозовъ. «Стремленіе къ своему полу, говоритъ этотъ спеціалистъ по судебной психопатологіи, здѣсь есть не безнравственность или порочная страсть, но естественный инстинктъ и органическая необходимость; эта необходимость (Nöthigung) является слѣдствіемъ ненормальной организаціи и потому-то она часто достигаетъ степени неодолимаго органическаго принужденія (organischer Zwang)». Точно также и Кирнъ, на основаніи собственныхъ наблюденій, подтверждаетъ, что conträre Sexual-Empfindung есть симптомъ психопатическаго темперамента и что внимательная экспертиза въ большинствѣ случаевъ такого рода констатируетъ и другіе антропологическіе признаки вырожденія. Наконецъ, еще проф. Вестфаль замѣтилъ, что у субъектовъ съ прирожденно-контрарнымъ половымъ инстинктомъ нерѣдко наблюдается періодичность психопатологическихъ явленій, смѣна между состояніями психическаго угнетенія и психическаго возбужденія, при чемъ иногда получается картина болѣзни, близкая къ folie

circulaire. Именно это самое мы и встрѣтили, между прочимъ, въ случаѣ г-жи Губаревой.

Изъ всего сказаннаго видно, что я имѣлъ основаніе придать особое значеніе констатированію у г-жи Губаревой прирожденной превратности половаго влеченія и видно, кромѣ того, что въ пониманіи этого исключительнаго явленія я не расхожусь съ европейскими авторитетами по психіатріи и судебной психопатологіи,

VIII.

И такъ, какъ бы мы ни назвали постоянное состояніе г-жи Губаревой — folie raisonnante, folie héréditaire, folie impulsive, mania sinę delirio, psychische Entartung, constitutionell-degenerativer psychopathischer Zustand, или какъ нибудь иначе, — съ точки зрѣнія науки это будетъ состояніе, несомнѣнно болѣзненное. Но въ началѣ этой статьи я самъ же указывалъ, что медицинское понятіе о болѣзненномъ разстройствѣ душевной дѣятельности не вполнѣ совпадаетъ съ понятіемъ о душевной болѣзни въ легальномъ смыслѣ, какъ объ обстоятельствѣ, исключающемъ вмѣненіе въ вину учиненнаго. Въ самомъ дѣлѣ, дать клиническій разборъ извѣстнаго психопатологическаго случая и подобрать ему подходящее названіе изъ обильнаго учеными терминами психіатрическаго лексикона, еще не всегда значитъ точно опредѣлить судебно-медицинское значеніе этого случая *); поэтому оставляя

*) Такъ напримѣръ, нѣкоторые случаи психогистеріи („hysterischer Charakter"), такъ называемая insanitas moralis, далѣе — легкіе случаи manie raisonnante не исключаютъ сами по себѣ постановки вопроса о вмѣненіи, этотъ вопросъ здѣсь рѣшается такъ или иначе, смотря по особенностямъ даннаго конкретнаго случая. Ср. Krafft-Ebing. Lehrbuch der gerichtl. Psychopathologie. 1875 и его же Lehrbuch der Psychiatrie. 1879.

почву общую, клиническую, я опять перейду на почву конкретности, почву судебно-медицинскую, т. е. снова буду указывать на необходимость различать въ психической жизни обвиняемой — ея обыкновенное состояніе, въ которомъ способность свободнаго самоопредѣленія въ дѣйствованіи ея не абсолютно исключена, но лишь болѣе или менѣе ограничена, отъ ея транзиторныхъ состояній, въ которыхъ обвиняемая дѣйствуетъ уже совершенно безотчетно и импульсивно, гдѣ, слѣдовательно, о свободномъ дѣйствованіи уже не можетъ быть рѣчи.

Какъ-бы ни были разнообразны, съ строго научной точки зрѣнія, транзиторныя болѣзненныя состоянія обвиняемой, всѣ они съ точки зрѣнія закона, равнозначущи съ временнымъ полнымъ умопомѣшательствомъ или съ умоизступленіемъ. Здѣсь мнѣ кажется нелишнимъ нѣсколько остановиться на опредѣленіи слова «умоизступленіе», въ виду того, что неправильное примѣненіе этого термина неоднократно приводило въ судебной практикѣ къ недоразумѣніямъ какъ между обвинительной властью и экспертизою, такъ и въ средѣ самихъ экспертовъ. По прекрасному опредѣленію Каспера (въ переводѣ д-ра Штейнберга), — «умоизступленіе есть ненормальное острое душевное движеніе, въ основаніи происхожденія котораго лежитъ органическое страданіе нервной системы». Такимъ образомъ, для того, чтобы признать умоизступленіе, необходимо имѣть наличность слѣдующихъ двухъ условій: 1) ненормальность остраго душевнаго движенія самого по себѣ и 2) болѣзненность той почвы, на которой оно возникаетъ. Поэтому, сильный аффектъ здороваго человѣка есть не умоизступленіе, но лишь крайняя степень запальчивости и раздраженія. Напротивъ, всѣ острыя транзиторныя состоянія г-жи Губаревой, очевидно, вполнѣ подходятъ подъ приведенное опредѣленіе умоиз-

ступленія: въ самомъ дѣлѣ, здѣсь болѣзненна самая почва, на которой возникаютъ эти острыя состоянія, и въ основаніи происхожденія послѣднихъ несомнѣнно лежитъ органическое страданіе головнаго мозга; но кромѣ того, эти острыя состоянія Губаревой болѣзненны сами по себѣ, ибо у здороваго человѣка не бываетъ ни острыхъ приступовъ маніакальнаго возбужденія, ни неистовства съ сопровождающими его рѣзкими вазомоторными разстройствами, ни транзиторнаго бреда.

Такимъ образомъ, какъ бы мы ни смотрѣли на постоянное психопатическое состояніе обвиняемой, хотя бы мы даже видѣли здѣсь болѣзнь, лишь физическую, а не психическую,—съ легальной точки зрѣнія это есть болѣзнь, приводящая къ умоизступленію, ибо было уже показано, что припадки, равнозначущіе съ умоизступленіемъ, бывали у Губаревой задолго до совершившагося въ ночь на 30-е августа 1881 г., по крайней мѣрѣ за годъ до этого числа стали особенно частыми, затѣмъ наблюдались и послѣ 30-го августа 1881 г., во время испытанія обвиняемой какъ въ Городскомъ Пріютѣ, такъ и въ больницѣ Св. Николая Чудотворца.

Однако, съ точки зрѣнія науки обыкновенное душевное состояніе Губаревой есть не просто болѣзнь, приводящая къ умоизступленію, но и само по себѣ есть болѣзнь психическая. Но такъ какъ въ предѣлахъ этого состоянія свобода дѣйствованія у обвиняемой не вполнѣ исключена, а лишь въ болѣе или менѣе значительной степени ограничена, то можно сказать, что въ легальномъ смыслѣ это состояніе есть не полное сумасшествіе, но лишь полусумасшествіе. Хотя выраженіе полусумасшествіе въ законѣ не встрѣчается (впрочемъ, слабоуміе = полубезумію), однако, смыслу закона оно ничуть не противно, разъ уголов-

ная наказуемость преступленій имѣетъ свои ступени. Но разумѣется, въ предѣлахъ этого обыкновеннаго состоянія обвиняемой свобода дѣйствованія послѣдней въ разное время бываетъ ограничена въ неодинаковой мѣрѣ. По мѣрѣ того какъ душевное состояніе г-жи Губаревой удаляется отъ ея состоянія полнаго спокойствія, способность свободнаго самоопредѣленія въ дѣйствованіи обвиняемой болѣе и болѣе ограничивается и, наконецъ, при наступленіи тѣхъ острыхъ транзиторныхъ состояній Губаревой, которыя въ сущности суть ничто иное, какъ умоизступленіе, — совершенно уничтожается.

Остается лишь одинъ вопросъ: не находилась ли обвиняемая Губарева въ ночь съ 29-го на 30-е августа 1881 года въ одномъ изъ тѣхъ припадковъ умоизступленія, которые у нея, какъ теперь уже точно доказано, случаются? Однако, ясно, что разрѣшеніе поставленнаго вопроса, по обстоятельствамъ этого недостаточно выясненнаго дѣла, должно представить совершенно одинаковыя затрудненія, какъ для гг. экспертовъ, такъ и для гг. судей. Что касается до меня, то я не скажу: изъ слѣдственнаго дѣла не видно, чтобы Губарева въ ночь на 30-е августа была въ припадкѣ умоизступленія, я, напротивъ, выражусь такъ: изъ дѣла не видно, чтобы обвиняемая не была въ эту ночь въ одномъ изъ тѣхъ припадковъ умоизступленія, которые у нея, какъ уже точно доказано, бываютъ; и доказано это независимо отъ того обстоятельства, что она страдаетъ весьма опредѣленною болѣзнью, способною приводить къ таковымъ припадкамъ. Разумѣется, это — условное заключеніе; но въ этомъ дѣлѣ эксперту и нельзя дать другаго заключенія, кромѣ условнаго, ибо поступить эксперту въ этомъ случаѣ иначе — значитъ, по моему мнѣнію, выйти изъ

сферы своей компетентности и самовольно присвоить себѣ роль судьи... Окончательное рѣшеніе вопроса: не находилась ли Губарева въ ночь на 30-е августа въ состояніи умоизступленія принадлежитъ присяжнымъ засѣдателямъ.

25-го января 1883 г. дѣло дочери титулярнаго совѣтника Юліи Губаревой и крестьянина Пахома Чудина, обвиняемыхъ въ разбоѣ, слушалось въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Я находился въ числѣ свидѣтелей, вызванныхъ защитою. Ходъ разбирательства извѣстенъ публикѣ по газетнымъ отчетамъ, поэтому здѣсь достаточно сказать объ этомъ нѣсколько словъ. Эксперты д-ра Майдель и Фрей остались при своемъ прежнемъ мнѣніи, что г-жа Губарева, несомнѣнно обладая психопатическимъ темпераментомъ, тѣмъ не менѣе не можетъ считаться ни безумною, ни сумасшедшею; при чемъ изъ дѣла не видно также, чтобы она находилась, во время совершенія преступнаго дѣянія, въ припадкѣ умоизступленія. Экспертъ д-ръ Чечоттъ, въ виду обстоятельствъ, выясненныхъ судебнымъ слѣдствіемъ, нѣсколько измѣнилъ свое прежнее мнѣніе, сказавъ слѣдующее: если изъ дѣла не видно, чтобы подсудимая во время совершенія преступнаго дѣянія была въ припадкѣ умоизступленія, то не видно также, чтобы она, будучи весьма склонною впадать въ умоизступленіе, не была въ то время въ такомъ припадкѣ. Экспертъ д-ръ Смольскій подтвердилъ взглядъ предварительной экспертизы на научный фактъ существованія и значенія прирожденно-превратнаго половаго влеченія. Экспертъ д-ръ Чижъ заявилъ, что теперь, послѣ выясненнаго на судебномъ слѣдствіи, ему »болѣе, чѣмъ возможно утверждать, что г-жа Губарева была въ ночь на

30-е августа въ болѣзненномъ душевномъ состояніи«. Экспертъ проф. Мержеевскій, признавая, что слѣдствіе не дало твердой точки опоры для сужденія о психическомъ состояніи подсудимой въ ночь совершенія преступнаго дѣянія, призналъ г-жу Губареву постоянно находящеюся въ болѣзненномъ состояніи, при чемъ далъ блестящій клиническій очеркъ дегенеративныхъ психозовъ. Защитникъ г. Спасовичъ, въ своей художественной рѣчи, доказывалъ постоянное болѣзненное разстройство душевной дѣятельности у подсудимой и просилъ судъ, чтобы вопросъ относительно вмѣненія былъ поставленъ присяжнымъ засѣдателямъ не по 96-й ст. Улож. о Наказ., а по ст. 95-й; судъ, однако, не нашелъ нужнымъ удовлетворить эту просьбу защиты. Присяжные засѣдатели своимъ первоначальнымъ вердиктомъ не нашли въ преступномъ дѣяніи подсудимыхъ открытаго нападенія, однако признали ихъ виновными въ похищеніи; дѣвица Губарева признана была находившеюся въ ночь на 30-е августа 1881 г. въ припадкѣ умоизступленія. Предсѣдательствовавшій усмотрѣлъ въ отвѣтѣ присяжныхъ засѣдателей »неточность«, ибо, отвергнувъ въ дѣяніи подсудимыхъ существенные признаки грабежа и разбоя, отвѣтъ присяжныхъ засѣдателей лишалъ судъ возможности подвести учиненное подсудимыми похищеніе подъ одну изъ наказуемыхъ закономъ категорій похищенія чужой собственности (разбой, грабежъ, кража и мошенничество). Будучи вторично удалены въ комнату совѣщанія, присяжные засѣдатели вынесли другой вердиктъ, которымъ обвиненіе признавалось недоказаннымъ, вслѣдствіе чего оба подсудимые были освобождены. Однако, дѣло оказывается неоконченнымъ; вслѣдствіе ходатайства г. прокурора передъ кассаціоннымъ Сенатомъ, оно снова обра-

щено въ окружной судъ для вторичнаго разбирательства. Признавъ возможность судебнаго приговора по первому вердикту присяжныхъ засѣдателей, 3-е отдѣленіе уголовнаго кассаціоннаго департамента не только отмѣнило рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ суда, но и сдѣлало замѣчаніе С.-Петербургскому Окружному Суду »въ составѣ присутствія по настоящему дѣлу« — »за явно неправильное дѣйствіе«... *) Съ апрѣля мѣсяца г-жа Губарева и Чудинъ снова находятся подъ стражею... Остается ждать результата вторичнаго судебнаго разбирательства, при другомъ составѣ присяжныхъ засѣдателей и, вѣроятно, также при другомъ составѣ присутствія короннаго суда.

---

1. Прим. изд. — Вторичное судебное разбирательство дѣла дѣвицы Юліи Губаревой и крестьянина Чудина происходило 28-го ноября 1883 г. Заключенія гг. экспертовъ ни въ чемъ существенномъ не отличались отъ высказаннаго ими 25-го января 1883 г. Свидѣтельскія показанія также ничего новаго къ освѣщенію дѣла не прибавили; только показаніями Пахома Чудина возбуждалось нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, что съ нимъ 29-го августа 1881 г. на Лахту ѣздила дѣйствительно Юлія Губарева, а не какая-то другая, неизвѣстная женщина. — Присяжные Юлію Губареву оправдали.

2. Прим. изд. — Д-ръ И. М. Сабашниковъ въ своемъ предисловіи къ русскому изданію Клиническихъ лекцій по душевнымъ болѣзнямъ Thomas'a S. Clouston'a (СПБ. 1885) говоритъ: нѣтъ ничего легче, какъ разбить чью-либо классификацію, и ничего труднѣе, какъ составить свою собственную.

Принимая во вниманіе необходимость измѣненія нашей оффиціальной классификаціи душевныхъ болѣзней, нельзя

---

*) Судебная Газета. 1883. № 14.

не указать здѣсь на прекрасную классификацію д-ра Кандинскаго, предложенную имъ въ 1882 г. и принятую въ настоящее время въ больницѣ Св. Николая въ С.-Петербургѣ. Вотъ она:

I. **Hallucinationes** (hallucinationes ebriosae и друг. sine alienationae)

II. **Melancholia** (sine delirio — hypochondriaca — delirica simplex — attonita s. katatonica — transitoria — alcoholica).

III. **Mania** (simplex s. exaltativa — furibunda — transitoria — gravis alcoholica).

IV. **Ideophrenia** (hallucinatoria acuta — katatonica — chronica simplex — hallucinatoria chronica — cum delirio depressivo — cum delirio mixto (сюда между прочимъ относится и Ideophrenia alcoholica) — cum delirio initialiter expansivo).

V. **Paraphrenia** (agoraphobia — mysophobia — délire du doute — Grübelsucht).

VI. **Dementia primaria acuta.**

VII. **Dementia primaria chronica** (senilis — alcoholica — e laesione cerebri organica (syphilitica, traumatica etc.))

VIII. **Paralysis** generalis progressiva.

IX. **Psychoepilepsia** (paroxysmatica s. transitoria — continua specifica — dementia epileptica).

X. **Psychohysteria** (paroxysmatica — continua — melancholica — maniaca — ideophrenica).

XI. **Psychosis periodica et psychosis circularis** (melancholia periodica — mania periodica — ideophrenia periodica — psychosis circularis).

XII. **Delirium tremens potatorum.** — Delirium acutum.

XIII. **Dementia (et amentia) secundaria** (post melancholiam — post maniam — post ideophreniam).

XIV. **Imbecillitas.**

XV. **Idiotismus.**

XVI. **Psychoses constitutionales cum degeneratione** (ideophrenia argutans — insanitas moralis — ideophrenia impulsiva).

Послѣ того какъ дѣло дѣвицы Губаревой было уже напечатано въ „Архивѣ“ проф. Ковалевскаго, а именно въ засѣданіи 5-го Апрѣля 1886 г., коммиссія, избранная изъ членовъ Общ. Псих., представила выработанную ею классификацію, которая и была одобрена Обществомъ и затѣмъ въ 1887 г. предложена отъ имени Общества на первомъ съѣздѣ въ Москвѣ Вотъ она.

I. **Melancholia** — мрачное помѣшательство.

II. **Mania** — Манія.

III. **Paranoia**: a) acuta, b) chronica. — Первичное сумасшествіе: a) острое, d) хроническое.

IV. **Dementia**: a) e melancholia, mania, paranoia, b) e laesione cerebri organica, c) senilis. — Слабоуміе a) вслѣдствіе психозовъ — мрачнаго помѣшательства, маніи, первичнаго сумасшествія, b) вслѣдствіе органическихъ пораженій мозга, c) старческое.

V. **Paralysis generalis progressiva** — общій прогрессивный параличъ.

VI. **Psychoses hystericae** — истерическое помѣшательство.

VII. **Psychoses epilepticae** — эпилептическое помѣшательство.

VIII. **Psychoses periodicae** — періодическое помѣшательство.

IX. **Delirium tremens** — острый бредъ пьяницъ или бѣлая горячка.

X. **Delirium acutum** — острый бредъ.

XI. **Imbecicillitas** — прирожденное слабоуміе.

XII. **Idiotismus et cretinismus** — врожденное безуміе и кретинизмъ.

XIII. Особые случаи.

Примѣчаніе. Къ отдѣлу „особые случаи“ относятся формы душевныхъ разстройствъ, не принадлежащія къ 12 предъидущимъ категоріямъ.

II. Медицинское заключеніе

о состояніи умственныхъ способностей отставнаго прапорщика Александра К.,

обвиняемаго въ прест., предусмотр. 9 и 1455 ст. Улож. о Наказ.

Въ силу постановленія С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, по 3-му отдѣленію, отъ 20-го марта 1882 года, отставной прапорщикъ Александръ Всев. К. доставленъ, 27-го мая 1882 года, изъ Дома Предварительнаго Заключенія въ больницу св. Николая Чудотворца, гдѣ и былъ подвергнутъ спеціальному испытанію въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Того же, 27-го мая, къ нижеподписавшемуся поступило дѣло Окружнаго Суда за № 191, переданное въ контору больницы для возвращенія г. прокурору, іюня 15-го дня.

При изслѣдованіи Александра Всев. К. въ больницѣ св. Николая Чудотворца найдено слѣдующее:

а) Физическое состояніе. — Испытуемый имѣетъ 58 лѣтъ отъ роду; ростъ средній; таковое же тѣлосложеніе. Питаніе организма ослаблено, что видно по малому развитію подкожно-жироваго слоя, по слабости и дряблости мышцъ, по вялости и уменьшенной упругости кожи. Лице испытуемаго представляетъ отпечатокъ дряхлости; въ противоположность этому, зубы являются весьма хорошо сохранившимися, крѣпко сидящими и, за исключеніемъ трехъ, совершенно неповрежденными. Постановка зубовъ правильна, но всѣ коронки ихъ меньше нормальнаго. Два заднихъ верхнихъ коренныхъ зуба

(на правой сторонѣ) выкрошились очень давно; корни ихъ цѣлы и теперь; на лѣвой сторонѣ задній верхній коренной зубъ, по словамъ испытуемаго, выдернутъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Иннервація языка и мышцъ лица на обѣихъ сторонахъ одинакова. Зрачки равномѣрно съужены, реагируютъ на свѣтъ относительно вяло. Кожа щекъ и носа, вслѣдствіе расширенности капилляровъ и мелкихъ венъ, окрашена въ синевато-красный цвѣтъ. Близъ границы между височною и темянною костями на правой сторонѣ головы находится незначительный рубецъ. Образованіе черепа вообще правильно, за исключеніемъ того, что костное нёбо по серединѣ своей ненормально вогнуто кверху и образуетъ по краямъ этой ладьеобразной вогнутости два широкихъ и довольно возвышенныхъ валика. На кожѣ спины, груди и живота слѣды или рубцы отъ прежде бывшей здѣсь сыпи, повидимому, сифилитической. При поступленіи испытуемаго въ больницу, на груди и животѣ его была, кромѣ того, обильная свѣжая розеолозная сыпь, при чемъ слизистая оболочка зѣва являлась пораженною острымъ катарромъ (angina), а лимфатическія железы на задней сторонѣ шеи представлялись увеличенными въ объемѣ и затвердѣлыми. Правое паховое кольцо расширено и правая половина мошонки сильно растянута грыжею, довольно легко вправляющеюся; крайняя плоть у основанія своего оказывается отвердѣлою и на ней, близъ вѣнечной бороздки половаго члена, замѣчаются рубцы, повидимому, отъ прежде бывшихъ на этомъ мѣстѣ шанкерныхъ язвъ. Задній проходъ чистъ, безъ кондиломъ. Хотя изслѣдованіе открываетъ въ К. признаки сифилиса, самъ испытуемый не признаетъ себя страдающимъ этою болѣзнію, не хочетъ подвергнуться антисифилитическому лѣченію, настаивая на томъ, что ему »неоткуда было получить

шанкеръ«, такъ какъ половыхъ сношеній онъ, К., ни съ кѣмъ, кромѣ Богдановой, не имѣлъ.

Температура тѣла нормальна. Пульсъ твердый и полный.

Испытуемый жалуется на приливы крови къ головѣ, при чемъ въ глазахъ его будто бы темнѣетъ и передъ ними появляются искры. Кромѣ того, изъ сообщеній К. видно, что у него по временамъ, въ особенности при душевныхъ волненіяхъ, являются тѣ болѣзненные симптомы, совокупность которыхъ извѣстна подъ названіемъ »angina pectoris«, то есть: приступы сердцебіенія съ тоскою, одышкою, головокруженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ болью въ лѣвой сторонѣ груди.

При изслѣдованіи легкихъ ничего ненормальнаго не открыто.

Область перкуссіоннаго тупаго звука сердца увеличена по направленію кверху и влѣво; нижнюю границу этой области нельзя опредѣлить, вслѣдствіе значительнаго увеличенія лѣвой доли печени. Толчекъ сердца не особенно усиленъ, но захватываетъ большее пространство, чѣмъ обыкновенно; притомъ, онъ нѣсколько смѣщенъ внизъ. Первый тонъ у верхушки сердца чистъ, явственно усиленъ; второй тонъ усиленъ еще болѣе и притомъ ненормально рѣзокъ и звонокъ. Первый тонъ надъ аортою глухъ, нечистъ; второй тонъ аорты необыкновенно громокъ, рѣзокъ, металличенъ. Второй тонъ легочной артеріи усиленъ сравнительно незначительно.

Плечевыя артеріи прощупываются въ видѣ твердаго шнурка, даже и въ то время, когда онѣ не растянуты волною крови. Височныя артеріи извилисты, жестки на ощупь, неровны съ поверхности; ихъ стѣнки сильно склерозированы.

Печень значительно увеличена, въ особенности лѣвою своею долею, притомъ плотнѣе обыкновеннаго и нѣсколько

чувствительна къ давленію. Селезенка тоже увеличена, впрочемъ не въ высокой степени. Признаковъ брюшной водянки нѣтъ.

Желудочно-кишечный каналъ въ полной исправности.

Такимъ образомъ, физическое изслѣдованіе открыло въ испытуемомъ три независимыхъ одна отъ другой хроническихъ болѣзней, а именно: сифилисъ во вторичной его формѣ (syphilis secundaria), циррозъ печени въ первомъ его стадіѣ (hepatitis interstitialis potatorum) и высокую степень атероматознаго пораженія артеріальной системы (endarteriitis chronica deformans) съ послѣдовательнымъ пораженіемъ сердца (hypertrophia ventriculi senistri cordis).

b) Психическое состояніе. — Относительно психическаго состоянія К., какъ въ настоящее время, такъ и въ моментъ преступнаго дѣянія, для нижеподписавшагося, частію изъ сообщеній самого испытуемаго, частію изъ актовъ предварительнаго слѣдствія, выяснилось слѣдующее. К. съ давняго времени постоянно пьянствовалъ и въ послѣдніе годы не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій. Состоя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ любовной связи съ крестьянкою Варварою Богдановою, онъ въ послѣднее время сильно ревновалъ ее, въ особенности же съ тѣхъ поръ, какъ она (съ 28-го іюля 1881 г.) перестала жить на одной съ нимъ квартирѣ. Въ продолженіи августа К., отъ ревности и горечи разлуки съ Богдановою, »пилъ мертвую чашу«, при чемъ ежедневно истреблялъ водку въ количествѣ около 30-ти кабацкихъ стаканчиковъ; скоро онъ дошелъ до того, что почти совершенно пересталъ какъ ѣсть, такъ и спать. Въ вечеръ 6-го сентября 1881 г. К., какъ видно изъ показаній свидѣтелей, не былъ сильно пьянымъ, но былъ лишь »немного выпивши«. Увидавъ, что Богданова сѣла на

колѣни къ маляру В. (къ которому испытуемый, повидимому, уже раньше имѣлъ основаніе ревновать ее), онъ, К., вдругъ почувствовалъ, какъ кровь ударила ему въ голову и въ этотъ самый моментъ »ткнулъ« Богданову бывшимъ у него въ карманѣ ножемъ, не разбирая, въ какое мѣсто онъ колетъ. Лишь послѣ самаго происшествія, отъ другихъ лицъ, онъ узналъ, что нанесъ Варварѣ три раны въ руку. Сравнительно хорошо К. можетъ припомнить свои ощущенія лишь до того момента, какъ отъ перваго нанесеннаго имъ удара, изъ тѣла Богдановой показалась кровь. Съ этого момента, вплоть до вытрезвленія въ участкѣ, онъ плохо понималъ происходившее (л. 5 об.) и соотвѣтственно сему его воспоминанія за этотъ промежутокъ времени неполны, отрывочны и смутны. Будучи приведенъ въ участокъ, К. продолжалъ находиться въ возбужденномъ состояніи и »стучалъ рукою по столу«; въ заключеніе, онъ легъ на диванъ и захрапѣлъ (л. 16 об.).

Въ теченіи всего времени заключенія К. подъ стражею разстройство умственныхъ способностей обнаружено не было; обвиняемый былъ разсудителенъ, относился къ производимому надъ нимъ слѣдствію вполнѣ сознательно, неоднократно обращался къ г. судебному слѣдователю какъ со словесными, такъ и съ письменными заявленіями относительно необходимости допросить тѣхъ или другихъ лицъ, показанія которыхъ, по его мнѣнію, могли бы для него быть важными; вмѣстѣ съ симъ онъ дѣятельно старался о направленіи слѣдствія въ порядкѣ, указанномъ 353 ст. У. У. С.

Во время пребыванія испытуемаго въ больницѣ св. Николая Чудотворца настроеніе духа его значительныхъ уклоненій отъ нормы не представляло. Злобы противъ Богдановой у К. въ настоящее время нѣтъ; но у него

также нѣтъ и особеннаго сожалѣнія о содѣянномъ. Хотя испытуемый велъ себя въ больницѣ тихо и сдержанно, тѣмъ не менѣе внимательное наблюденіе показало, что устойчиваго равновѣсія въ душевномъ состояніи К. не существуетъ. Такъ, К. сравнительно легко раздражается, въ особенности же, когда ему покажется, что окружающіе относятся къ нему безъ достаточнаго уваженія, подобающаго ему, какъ »бывшему офицеру, получившему увѣчья отъ сраженій и горныхъ походовъ«. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, являясь тихимъ и сдержаннымъ въ то время, когда его ничто живо не затрогиваетъ, К. легко можетъ потерять самообладаніе при какомъ нибудь раздражающемъ обстоятельствѣ изъ числа тѣхъ, которыя часто встрѣчаются въ жизни внѣ больничныхъ стѣнъ.

Нравственное чувство и энергія воли испытуемаго замѣтно ослаблены. Это доказывается какъ отношеніемъ К. къ совершенному имъ дѣлу, такъ и тою жизнью, которую велъ въ послѣдніе 3—4 года этотъ человѣкъ, получившій приличное воспитаніе и прежде имѣвшій достаточныя средства къ существованію: онъ съ утра до вечера скитался по портернымъ, безпрерывно пьянствовалъ, велъ нищенскую жизнь, постоянно обращаясь къ братьямъ за денежнымъ вспомоществованіемъ.

Память у испытуемаго сохранилась удовлетворительно. Собственно интеллектуальная сторона психической дѣятельности его, напротивъ, представляетъ значительныя уклоненія отъ нормы, замѣтныя, впрочемъ, лишь при ближайшемъ знакомствѣ съ К. Къ числу этихъ уклоненій должно отнести крайнюю недальновидность и недостаточную сообразительность К., равно какъ и его наивную хвастливость. Такъ, относительно обстоятельствъ своей прежней жизни испытуемый дѣлаетъ сообщенія,

частію прямо невѣрныя, частію такія, вѣрность которыхъ подлежитъ большому сомнѣнію. Прибывъ въ больницу, К. сперва назвался »отставнымъ подполковникомъ«, но узнавши, что настоящій его чинъ ординатору извѣстенъ, объяснилъ, что онъ, К., »въ первый разъ вышелъ въ отставку« съ чиномъ подполковника (что опять невѣрно), затѣмъ снова вступилъ въ службу, но въ скоромъ времени, послѣ столкновенія съ княземъ N, былъ разжалованъ и въ 1854 г. вышелъ въ отставку прапорщикомъ. Исторію дальнѣйшей своей жизни К. даетъ въ слѣдующихъ чертахъ. Послѣ смерти матери онъ будто-бы получилъ въ наслѣдство 1500 душъ крестьянъ съ соотвѣтственнымъ количествомъ земли, но, живя разгульно, все свое имѣніе быстро »прожилъ«. Въ 1859 г. женился на дочери ярославскаго купца П. (»обѣщали дать 30,000, но надули«) и переѣхалъ въ Москву, гдѣ открылъ »справочную контору «и сталъ заниматься исполненіемъ частныхъ порученій». Дѣло его будто-бы пошло настолько хорошо, что онъ сталъ получать чистаго барыша до 25,000 р. въ годъ. Въ 1864 году разошелся съ женою, послѣ чего сталъ вести еще болѣе разгульную жизнь, имѣя нѣсколько дорогихъ содержанокъ. Въ 1875 году получилъ на Нижегородской ярмаркѣ отъ одной изъ банкирскихъ конторъ Англіи заказъ — заготовить въ Россіи 1,500,000 шпалъ. Имѣя въ виду получить при этомъ за комиссію сразу 150,000 рублей, К. (по его словамъ) передалъ свою контору другому лицу и, заказавъ шпалы, переѣхалъ, въ январѣ 1876 года, въ Петербургъ, при чемъ привезъ въ карманѣ 6,000 — 7,000 рублей. Въ мартѣ того-же 1876 года познакомился съ Богдановою, которая будто-бы тогда же и поселилась въ его квартирѣ. Дѣло со шпалами не состоялось по случаю войны. Въ Петербургѣ К. тоже искалъ частныхъ порученій, но вы-

ручка уменьшалась съ каждымъ годомъ, а привезенныя въ Петербургъ деньги были быстро прожиты. Сначала онъ, вмѣстѣ съ Богдановою, помѣщался въ приличныхъ квартирахъ; когда же обстоятельства ихъ сдѣлались стѣснительными, Богданова стала думать о мѣстѣ и, наконецъ, поступила въ услуженіе въ портерную Орлова. Въ послѣдній годъ К., вслѣдствіе пьянства, отсталъ отъ всякихъ занятій и жилъ лишь временнымъ пособіемъ со стороны братьевъ, квартируя по такъ называемымъ «угламъ».

Основываясь на томъ, что К. рѣшается вступать въ рѣзкое противорѣчіе со своимъ послужнымъ спискомъ, я полагаю, что въ сообщеніяхъ испытуемаго о прежнемъ его благосостояніи много преувеличеннаго или, можетъ быть, даже прямо невѣрнаго.

Какихъ бы то ни было болѣзненныхъ, ложныхъ или упорныхъ представленій, т. е. бреда въ тѣсномъ смыслѣ слова, у К. не имѣется.

Прежде чѣмъ перейдти къ выводамъ изъ результатовъ изслѣдованія, необходимо остановиться на тѣхъ побочныхъ медицинскихъ вопросахъ, которые были возбуждены на предварительномъ слѣдствіи и при освидѣтельствованіи К. въ порядкѣ, указанномъ 355 ст. У. У. С.

а) Контузія въ голову, полученная К. въ 1843 году, для сужденія о состояніи умственныхъ способностей испытуемаго не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ она произвела лишь небольшую рану въ мягкихъ покровахъ головы, не повредивъ кости.

б) Если покойный отецъ К. страдалъ не мрачнымъ помѣшательствомъ, которымъ была одержима сестра К., а какою нибудь иною формою умственнаго разстройства, то одно это обстоятельство еще не даетъ права сомнѣваться въ существованіи у К. наслѣдственнаго предрас-

положенія къ психическому заболѣванію. Только въ рѣдкихъ случаяхъ передается изъ одного поколѣнія въ послѣдующія одна и та же психическая болѣзнь; обыкновенно же передается лишь «предрасположеніе» къ заболѣванію умственнымъ разстройствомъ. Такимъ образомъ, наслѣдственною бываетъ не самая форма психической болѣзни, а лишь та невропатическая или психопатическая конституція организма, на почвѣ которой, подъ вліяніемъ различныхъ случайныхъ причинъ, съ большою легкостью можетъ развиться та или другая клиническая форма умственнаго разстройства. Это положеніе извѣстно въ наукѣ подъ именемъ «закона полиморфизма или трансмутаціи наслѣдственныхъ психическихъ страданій». Кромѣ того, при совмѣстномъ дѣйствіи случайныхъ причинъ и закона «атавизма», едвали можетъ быть какой нибудь опредѣленный порядокъ при переходѣ умственнаго разстройства (хотя бы въ различныхъ формахъ) черезъ нѣсколько поколѣній.

Возможность существованія у К. наслѣдственной предрасположенности къ психическому заболѣванію не можетъ быть отрицаема въ особенности въ виду того, что какъ въ тѣлесной, такъ и въ душевной конституціи испытуемаго усматриваются нѣкоторыя неправильности, по всей вѣроятности, прирожденныя (малый размѣръ зубныхъ коронокъ, неправильное образованіе твердаго нёба; съ первой молодости обнаружившаяся наклонность К. къ пьянству и къ «буйственнымъ поступкамъ»). Извѣстно также, что люди съ наслѣдственнымъ психопатическимъ предрасположеніемъ особенно часто поражаются періодическими, равно какъ и транзиторными формами душевнаго разстройства. По сему, признанная за К. Военно-Медицинскимъ Ученымъ Комитетомъ (въ 1854 г.) способность временно впадать въ состояніе умственнаго

разстройства — тоже заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.— Впрочемъ, для правильнаго сужденія о состояніи умственныхъ способностей К. въ моментъ совершенія имъ преступнаго дѣянія, медицинское изслѣдованіе открыло на столько твердую точку опоры въ настоящемъ случаѣ въ физическомъ состояніи испытуемаго, что вышеприведенныя соображенія относительно возможности наслѣдственнаго предрасположенія у К. включены сюда лишь ради уясненія Суду медицинской стороны даннаго случая во всѣхъ ея подробностяхъ.

Выводы и заключеніе. У К., какъ выше сказано, открыты всѣ признаки весьма далеко подвинувшагося и по всей артеріальной системѣ распространеннаго атероматознаго пораженія кровеносныхъ сосудовъ (endarteriitis chronica deformans). Это пораженіе, повлекшее за собою послѣдовательное страданіе сердца (hypertrophia ventriculi senistri cordis) констатируется непосредственно какъ въ аортѣ, такъ и въ периферическихъ артеріяхъ, въ особенности же въ art. temporales. Послѣднее обстоятельство заставляетъ заключить, что стѣнки артерій головнаго мозга тоже въ значительной степени поражены атероматознымъ процессомъ, при чемъ, какъ само собою разумѣется, циркуляція крови въ головномъ мозгѣ и питаніе послѣдняго не могутъ быть правильными.

Извѣстно, что arteriitis chronica deformans есть одна изъ болѣзней, свойственныхъ старческому возрасту, и что въ сравнительно раннемъ возрастѣ она встрѣчается у людей съиздавна предающихся пьянству. Такъ какъ, несмотря на 58-лѣтній возрастъ испытуемаго, мы не находимъ у послѣдняго многихъ явленій старчества (напримѣръ, — выпаденія зубовъ, хроническаго пораженія желудочно-кишечнаго канала), такъ какъ пораженіе артеріальной системы достигаетъ у испытуемаго столь высо-

кой степени, что даже прямо не соотвѣтствуетъ его сравнительно не весьма преклонному возрасту, — то это пораженіе должно считаться въ данномъ случаѣ не явленіемъ старческой дряхлости, а однимъ изъ рѣзко выраженныхъ у К. явленій хроническаго алкоголизма.

Что касается до психическаго состоянія К. въ настоящее время, то на основаніи вышенайденныхъ признаковъ (а именно: неустойчивость душевнаго равновѣсія и тѣмъ обусловленная предрасположенность къ аффектамъ, слабость воли и нравственнаго чувства, извѣстнаго рода недостаточность въ сферѣ сужденій), должно заключить, что К. принадлежитъ къ числу лицъ, въ извѣстной степени слабоумныхъ. Нѣтъ ни малѣйшаго повода считать слабоуміе К. прирожденнымъ и напротивъ имѣются всѣ основанія видѣть здѣсь слабоуміе пріобрѣтенное, являющееся естественнымъ результатомъ многолѣтней преданности пьянству, каковое, въ данномъ случаѣ, постепенно вызвало органическое пораженіе головнаго мозга (arteriitis chronica cerebralis).

Медленно усиливающееся органическое страданіе головнаго мозга, произведя ослабленіе умственныхъ способностей К., до настоящаго времени еще не привело испытуемаго къ полному лишенію разсудка. Это видно и помимо результатовъ медицинскаго изслѣдованія, именно изъ поведенія К. во время производившагося надъ нимъ слѣдствія, равно какъ и изъ того обстоятельства, что всѣ свидѣтели, въ числѣ которыхъ были люди, близко знакомые съ К., а также и сама потерпѣвшая, знавшая его въ продолженіи 5-ти лѣтъ, никакихъ болѣзненныхъ признаковъ въ К., кромѣ состоянія опьяненія, не замѣчали (лл. 24, 41 об., 42, 46 об., 53 об.). Свидѣтели Сочиловъ и Орловъ даже отзывались объ обвиняемомъ какъ о человѣкѣ тихомъ, хорошемъ, разумномъ (л. 24

об.) и разсудительномъ, съ которымъ «пріятно провести время» (л. 24).

Засимъ остается еще вопросъ о психическомъ состояніи К. въ вечеръ 6-го сентября 1881 г.

Имѣя въ виду, что циркуляція крови въ головномъ мозгѣ К., равно какъ и самое питаніе мозга не могутъ быть правильными, что у испытуемаго констатированы вышеприведенные признаки ослабленія умственныхъ способностей, и принявъ во вниманіе, что К. страдаетъ гипертрофіею сердца, вслѣдствіе чего у него могутъ являться приступы anginae pectoris вмѣстѣ съ приливами крови къ головѣ (hyperaemia cerebri activa), мы должны признать, что К. въ высокой степени предрасположенъ къ болѣзненнымъ аффектамъ, то есть, къ умоизступленію. Что 6 сентября 1881 г. К. дѣйствительно былъ приведенъ въ состояніе умоизступленія, видно изъ слѣдующаго. Въ этотъ вечеръ случайное обстоятельство (Богданова сѣла на колѣни къ В., или по крайней мѣрѣ— такъ показалось К.) производитъ въ испытуемомъ, который былъ на этотъ разъ лишь «немного выпивши», аффектъ ревности. Въ этотъ моментъ, вслѣдствіе отраженія аффекта на гипертрофированномъ сердцѣ, К. чувствуетъ какъ кровь ударила ему въ голову и затѣмъ теряетъ ясное сознаніе какъ своихъ ощущеній, такъ и происходившаго кругомъ него. Съ внѣшней стороны К. представлялся въ это время сильно взволнованнымъ (л. 17) и, будучи приведенъ въ участокъ, продолжалъ находиться въ возбужденномъ состояніи (грозилъ Богдановой, стучалъ рукою по столу), затѣмъ легъ на диванъ и захрапѣлъ. Соотвѣтственно помраченію сознанія съ момента прилива крови къ головѣ, К. о происходившемъ послѣ этого момента частію вовсе не помнитъ, частію же вспоминаетъ лишь крайне отрывочно и смутно. Все это,

вмѣстѣ взятое, представляетъ полную картину болѣзненной реакціи органически пораженнаго головнаго мозга, т. е. полный комплексъ признаковъ умоизступленія.

Основываясь на всемъ вышеприведенномъ, окончательно формулирую свое заключеніе въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Умственныя способности К., вслѣдствіе органическаго страданія его головнаго мозга, представляются въ настоящее время ослабленными (dementia e laesione cerebri organica), впрочемъ не въ столь высокой степени, чтобы теперь же можно было отнести К. къ числу лицъ, совершенно потерявшихъ умственныя способности и разсудокъ.

2. Въ моментъ совершенія преступнаго дѣянія (6-го сентября 1881 г.) К. находился въ состояніи умоизступленія (отъ болѣзней, а не отъ опьяненія).

Составлено іюля 24 дня 1882 г.

Прим. изд. — При первомъ освидѣтельствованіи Александра К. въ распорядительномъ засѣданіи С.-Петербургскаго Окружнаго Суда 20-го марта 1882 г. гг. врачи-эксперты (д-ра Майдель, Чечоттъ и Фрей) на предложенные имъ судомъ вопросы о состояніи умственныхъ способностей К. въ настоящее время и 6-го сентября 1881 г. отвѣтили: „что умственныя способности К. находятся въ настоящее время и находились 6-го сентября 1881 г. въ состояніи сумасшествія“. Судомъ было признано необходимымъ продолжить наблюденіе надъ К., вслѣдствіе чего этотъ послѣдній и былъ доставленъ 27-го мая въ больницу Св. Николая Чудотворца.

Послѣ представленія вышеприведеннаго медицинскаго заключенія Александръ К. вновь былъ освидѣтельствованъ 18-го сентября 1882 г. и гг. врачи-эксперты на предложенные имъ судомъ тѣ же вопросы отвѣтили: „1) что въ настоящее время замѣчаются признаки какъ физическіе, такъ и психическіе

того болѣзненнаго состоянія (alcoholismus chronicus), которое обусловливается долголѣтнимъ злоупотребленіемъ спиртныхъ напитковъ; 2) что 6-го сентября 1881 г. К. находился въ состояніи умоизступленія (болѣзненнаго аффекта)". Это заключеніе было принято судомъ и дѣло производствомъ прекращено на основаніи 96 ст. Улож. о Нак.

III. Медицинское заключеніе

о состояніи умственныхъ способностей отставнаго рядоваго Степана Ш.,

обвиняемаго по 9 и 1523 ст. Улож. о Нак.

Въ силу постановленія СПБ. Окружнаго Суда по 3 отд. отъ 3-го іюля 1882 г., отставной рядовой Степанъ Ш. 30-го сентября 1882 г. изъ Дома Предварительнаго Заключенія переведенъ для наблюденія за нимъ въ больницу св. Николая Чудотворца, гдѣ находится и по сіе время.

Изъ дѣла Окружнаго Суда за № 295 видно, что показаніями свидѣтелей, а равно и показаніями потерпѣвшій Степанъ Ш. уличается въ томъ, что утромъ 2-го іюля 1881 г. онъ покушался на растлѣніе 6-ти-лѣтней дѣвочки Ольги, дочери вдовы рядоваго, Авдотьи Т. Во время слушанія этого дѣла въ Окружномъ Судѣ съ присяжными засѣдателями, 9-го декабря 1881 г. показанія свидѣтелей Петрова и Желѣзова послужили поводомъ къ направленію дѣла въ порядкѣ, указанномъ 353 и 354 ст. Уст. Угол. Судопр.

Четырехмѣсячное испытаніе обвиняемаго въ больницѣ св. Николая Чудотворца показало слѣдующее:

Степанъ Авдѣевъ Ш., отставной рядовой, изъ евреевъ Витебской губерніи, православный, 47 лѣтъ отъ роду; роста 2 арш. 5³/₈ в.; тѣлосложеніе слабое; значительно истощенный. На правой голени слѣды бывшаго здѣсь поперечнаго перелома кости. Хроническая припухлость

праваго голеностопнаго сустава, болѣзненность и ограниченная подвижность въ этомъ сочлененіи. Блуждающія ревматическія боли по различнымъ суставамъ. Вслѣдствіе упомянутаго пораженія праваго голеностопнаго сочлененія, испытуемый ходитъ съ затрудненіемъ. Мышцы вообще слабы, отъ мышечныхъ усилій испытуемый скоро устаетъ. Однако, мышечнаго дрожанія (tremor) нѣтъ и вообще паралитическихъ или парэтическихъ симптомовъ нигдѣ не замѣчается; координація движеній совершается правильно. Зрачки одинаковы, нормальной величины, на свѣтъ реагируютъ правильно. Языкъ густо обложенъ желтоватымъ налетомъ; конецъ высунутаго языка въ сторону не уклоняется. Вообще иннервація мышцъ на обѣихъ сторонахъ лица одинакова. Дѣятельность двигательнаго аппарата рѣчи ни мало не разстроена. Отсутствіе вкуса, плохой аппетитъ, постоянные запоры, метеоризмъ, вообще всѣ признаки хроническаго катарра желудочно-кишечнаго канала. Расширеніе венъ задняго прохода (varices haemorrhoidales), печень и селезенка нормальной величины. Легкія нѣсколько эмфизематозны. Сосудистая система не представляетъ ничего особеннаго, за исключеніемъ того, что тоны клапановъ аорты не совсѣмъ чисты. Зрѣніе не ослаблено. Правымъ ухомъ испытуемый почти не слышитъ, лѣвымъ слышитъ только въ томъ случаѣ, если внятно говорить вблизи самаго уха. Правая барабанная перепонка разрушена, лѣвая перфорирована. На сосцевидныхъ отросткахъ височныхъ костей оказываются отверстія вслѣдствіе произведенныхъ здѣсь еще въ 1856 г. проколовъ троакаромъ. Въ упомянутомъ году испытуемый имѣлъ тяжелое мѣстное страданіе обоихъ ушей (otitis media suppurativa), вслѣдствіе котораго и оглохъ; по этой причинѣ изъ линейнаго баталіона былъ перечисленъ во внутреннюю стражу. Испытуемый жа-

луется на боли въ спинѣ, по временамъ усиливающіяся. Кромѣ того, нерѣдко являются нервныя боли въ разныхъ мѣстахъ тѣла, именно въ задней части головы (neuralgia cervico-occipitalis), въ лѣвомъ боку (neur. intercostalis) и въ правой ногѣ, по направленію сѣдалищнаго нерва (neur. ischiadica). Позвоночникъ на всемъ своемъ протяженіи весьма чувствителенъ къ давленію. Нечувствительныхъ мѣстъ (анэстезіи) на кожѣ нѣтъ; напротивъ, замѣчается значительная гиперэстезія (т. е. возвышенная чувствительность) ко всякаго рода кожнымъ раздраженіямъ (электрическимъ, механическимъ и тепловымъ). Кожные и сухожильные рефлексы, въ особенности на туловищѣ, усилены противъ нормы. Сонъ у испытуемаго вообще удовлетворителенъ, но во время усиленія ревматическихъ и невралгическихъ болей, естественно, портится. Въ теченіе 4 мѣсяцевъ наблюденія у испытуемаго было 9 полныхъ (grand mal) припадковъ эпилепсіи, при чемъ всѣ они были въ первые 3 мѣсяца наблюденія, тогда какъ послѣдній мѣсяцъ былъ отъ припадковъ свободенъ. Изъ нихъ нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, были положительно не симулированные (полная потеря сознанія, общія тоническія и клоническія конвульсіи, на обѣихъ сторонахъ тѣла почти одинаково сильныя; прекращеніе реакціи зрачковъ, которые сначала были съуженными, но потомъ сильно расширялись). За классическими эпилептическими судорогами наступалъ сопорозный періодъ (безчувственность), и весь припадокъ продолжался 15—20 минутъ, послѣ чего иногда слѣдовалъ, на ½—1 часъ, сонъ, иногда же испытуемый прямо приходилъ въ себя, но въ продолженіе 1—2 часовъ оставался въ состояніи отупѣнія (stupiditas postepileptica). Кромѣ этихъ, такъ называемыхъ »большихъ«, эпилептическихъ приступовъ у испытуемаго нѣсколько разъ дѣ-

лались, повидимому, »малые« припадки (»petit mal« »vertigo epileptica«), головокруженіе, помраченіе или потеря сознанія на 1—3 минуты, съ разслабленіемъ мышцъ произвольнаго движенія, безъ всякихъ судорожныхъ явленій. Два такихъ припадка были несомнѣнно не симулированные, ибо во время ихъ лицо испытуемаго становилось рѣзко блѣднымъ. Но бывали и такіе припадки эпилептическаго головокруженія, которые не сопровождались никакими объективными признаками (блѣднота лица, измѣненіе реакціи зрачковъ) и возбуждали сомнѣніе въ ихъ неподдѣльности тѣмъ, что случались съ испытуемымъ во время изслѣдованія и притомъ именно въ такой моментъ, когда изслѣдованіе становилось для Ш. щекотливымъ.

Относительно умственныхъ способностей испытуемаго оказалось слѣдующее. По характеру Ш. скрытенъ и остороженъ, нѣсколько угрюмъ. Во время пребыванія его въ больницѣ настроеніе его духа ясно болѣзненныхъ уклоненій отъ нормы не представляло. Велъ себя испытуемый тихо и прилично; не избѣгалъ общенія съ тѣми изъ больныхъ, съ которыми можно было вести разговоръ; порядочно игралъ въ карты и въ шашки; къ врачу относился съ робостью; относительно окружающихъ его больныхъ иногда держалъ себя раздражительно и сварливо; по отношенію къ прислугѣ нерѣдко высказывалъ несоотвѣтственную со своимъ положеніемъ требовательность. Ложныхъ идей не высказывалъ; особыхъ странностей или несообразностей въ своемъ поведеніи не представлялъ. На вопросы отвѣчалъ толково и довольно обстоятельно; но, будучи спрошенъ объ обстоятельствахъ преступнаго покушенія, приходилъ въ замѣшательство, умолкалъ или выражался уклончиво, отрицая свою виновность и объясняя дѣло клеветою. Вообще, какъ вы-

разился при слѣдствіи д-ръ мед. Бавинъ, обнаруживалъ »вполнѣ правильное, ясное пониманіе доступныхъ наблюденію его явленій« (произв. слѣд. л. 56 об.). Несмотря на многолѣтнее страданіе эпилепсіею (которою испытуемый, по его словамъ, боленъ съ 1858 г.) значительнаго ослабленія въ его умственныхъ способностяхъ, именно въ дѣятельности разсудка, не замѣтно. Память его тоже довольно удовлетворительна: онъ хорошо помнитъ всѣ болѣе важныя событія своей прежней жизни и можетъ точно обозначить время этихъ событій (въ этомъ отношеніи его сообщенія, будучи послѣ провѣрены по фактамъ, отмѣченнымъ въ указѣ объ его отставкѣ, оказались вполнѣ точными). Многолѣтнее страданіе эпилепсіею (которая въ данномъ случаѣ есть болѣзнь продолговатаго мозга, а не большихъ мозговыхъ полушарій), повидимому, успѣло произвести въ испытуемомъ лишь ослабленіе высшихъ изъ интеллектуальныхъ функцій, къ каковымъ между прочимъ принадлежатъ нравственная дѣятельность души и воля. Слабость нравственнаго чувства, во-первыхъ, выразилась у испытуемаго въ самомъ фактѣ покушенія, во-вторыхъ, видна въ его наклонности къ симулированію или, по крайней мѣрѣ, къ преувеличенію своихъ страданій. Такъ, видя, что врачъ наблюдаетъ за нимъ, испытуемый ходитъ по коридору съ значительнымъ трудомъ, придерживаясь за стѣну; напротивъ, не замѣчая наблюдающаго врача, онъ держится на ногахъ несравненно крѣпче и ходитъ много свободнѣе. До прихода врача Ш. спокойно бесѣдуетъ съ другими больными или играетъ съ ними въ шашки, но, увидавъ ординатора, быстро принимаетъ крайне плаксивый видъ и начинаетъ усиленно жаловаться на свои страданія. На второмъ мѣсяцѣ своего пребыванія въ больницѣ испытуемый вдругъ сталъ увѣрять, что вся его кожа, начиная съ нижнихъ

конечностей и до уровня середины лопатокъ, потеряла чувствительность: «мясо болитъ, кожа же ничего не слушаетъ». При этомъ онъ утверждалъ, что не чувствуетъ легкихъ уколовъ булавкою; при уколахъ же болѣе сильныхъ отдергивалъ конечности (что, впрочемъ, могло быть и рефлекторнымъ движеніемъ). Однако, при повѣрочномъ испытаніи тепловыми раздражителями, а также электрическою моксою и фарэдическою кистью, тѣ мѣста кожи, которыя выдавались за нечувствительныя, оказались чувствующими, а вскорѣ затѣмъ испытуемый заявилъ, что кожа у него «снова стала слушать» и механическія раздраженія. Предварительно обнаруживъ довольно хорошо сохранившуюся память, испытуемый, уже на третьемъ мѣсяцѣ пребыванія въ больницѣ, на всѣ вопросы относительно его прежней жизни сталъ отзываться «запамятовалъ», «не помню»; впрочемъ, потомъ опять оставилъ эти отговорки и вновь оказался имѣющимъ удовлетворительную память.

Такимъ образомъ, Ш. является не столько психически-больнымъ, сколько нервно-больнымъ. Онъ страдаетъ раздраженіемъ спиннаго мозга (irritatio spinalis sive neurasthenia spinalis hyperaesthetica) и падучею болѣзнію (epilepsia vera sive simplex) въ ея классической или обыкновенной судорожной формѣ, при чемъ частота отдѣльныхъ припадковъ у него, повидимому, различна, именно отъ одного раза въ недѣлю до одного раза въ мѣсяцъ и рѣже. Обѣ названныя нервныя болѣзни, какъ видно изъ словъ самого испытуемаго, ведутъ свое начало съ 1858 года, т. е. именно съ того времени, когда рядовой Ш., какъ отмѣчено въ указѣ объ его отставкѣ, былъ наказанъ 200 лозанами. Таковое обстоятельство есть причинный моментъ, котораго вполнѣ достаточно для объясненія происхожденія оказавшихся у испытуемаго нервныхъ (по преимуществу, спинномозговыхъ) болѣзней.

Кромѣ нѣкотораго измѣненія въ характерѣ (угрюмость, отчасти раздражительность и сварливость) и извѣстной степени (весьма умѣренной) слабоумія, являющагося послѣдствіемъ долговременной эпилепсіи, Ш. никакихъ признаковъ умственнаго разстройства въ настоящее время не представляетъ.

Предположеніе д-ра Бавина (произв. слѣдов. л. 57) относительно страданія Ш. общимъ прогрессивнымъ параличемъ должно считаться положительно не подтвердившимся.

Результаты моего наблюденія вполнѣ согласуются съ данными, добытыми слѣдствіемъ. Зять обвиняемаго, П. Ж., объяснилъ, что онъ считалъ Ш. лишь за физически больнаго (произв. слѣд. л. 42 и об.), но ничего страннаго или особеннаго въ его поведеніи, изъ чего можно было бы заключить о ненормальности его умственныхъ способностей (произв. слѣд. л. 21 об. и 22), не замѣчалъ. Въ такомъ же смыслѣ высказались и другіе свидѣтели.

Врачъ Чижъ, наблюдавшій Ш. въ Кронштадскомъ Морскомъ госпиталѣ въ 1880 году, показалъ (произв. слѣд. л. 59 об.), что обвиняемый страдалъ гиперэміею спиннаго мозга, разстройства же умственныхъ способностей не представлялъ.

Остается обсудить, въ какомъ состояніи могъ быть обвиняемый 2 іюля 1881 г. и въ какомъ состояніи онъ дѣйствительно находился въ этотъ день. Наблюденіе показало, что обвиняемый страдаетъ простою эпилепсіею (травматическаго происхожденія), а не такъ называемою психоэпилепсіею. За все время испытанія у Ш. не было никакихъ транзиторныхъ разстройствъ (какъ эпилептическихъ, такъ и иныхъ) въ психической сферѣ, разумѣется за исключеніемъ того, что во время вышеописан-

ныхъ неподдѣльныхъ припадковъ падучей болѣзни онъ временно лишается сознанія; помимо этихъ припадковъ эпилептическаго безпамятства, и свидѣтели не замѣчали у Ш. никакихъ временныхъ разстройствъ въ психической сферѣ. Наукою установлено, что всѣ скоропреходящія психоэпилептическія состоянія (галлюцинаторный бредъ, stupor съ автоматическими двигательными актами, сноподобныя эпилептоидныя состоянія и т. п.) характеризуются тѣмъ, что какъ самосознаніе, такъ и сознаніе внѣшняго міра у больнаго на это время или совершенно прекращаются, или же, по меньшей мѣрѣ, бываютъ въ высокой степени помраченными или измѣненными (спутанными); соотвѣтственно этому больной, по возвращеніи къ своему обыкновенному состоянію, или вовсе не имѣетъ никакого воспоминанія какъ относительно субъективныхъ, такъ и относительно объективныхъ фактовъ, совершившихся во время психоэпилептическаго приступа, или же сохраняетъ воспоминаніе лишь крайне общее, въ высшей степени смутное и сбивчивое.

По дѣлу прямо видно, что 2-го іюля 1881 г. Степанъ Ш. находился въ своемъ обыкновенномъ состояніи, при чемъ дѣйствовалъ не только цѣлесообразно, но и вполнѣ сознательно и мотивированно (выбралъ удобный моментъ для покушенія; уговаривалъ дѣвочку; естественно растерялся, когда въ самый моментъ покушенія вошла мать дѣвочки и подняла тревогу; старался благовиднымъ образомъ объяснить свое поведеніе и проч.). Во время предварительнаго слѣдствія, равно какъ и во время слушанія дѣла въ судѣ Ш., отрицая свою виновность, повторялъ свои прежнія объясненія (будто бы хотѣлъ зашить на дѣвочкѣ разорванные ею панталоны), ничуть не пытался ссылаться на безпамятство или на какое-либо иное временное болѣзненное состояніе, а напротивъ, всѣмъ

поведеніемъ своимъ ясно показывалъ, что онъ хорошо помнитъ все происшедшее въ утро 2-го іюля 1881 года.

Не могу ни прибавить, что раздраженіе спиннаго мозга (irritatio spinalis) есть болѣзнь почти всегда болѣе или менѣе отражающаяся на половой функціи; несмотря на то, что сила и продолжительность эрекціи половаго члена при этомъ обыкновенно бываютъ уменьшенными, половое побужденіе здѣсь часто бываетъ усиленнымъ. Обусловленное долговременною эпилепсіею ослабленіе воли и моральнаго чувства несомнѣнно имѣло вліяніе на то, что обвиняемый не сдержалъ своего половаго побужденія, которое, можетъ быть, было у него въ день покушенія болѣзненно усиленнымъ.

Основываясь на четырехмѣсячномъ личномъ наблюденіи за обвиняемымъ и на данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ (въ числѣ ихъ въ особенности на обстоятельствахъ самаго дѣла) заключаю:

I. Степанъ Ш. есть человѣкъ нервно-больной; онъ страдаетъ съ 1858 г., вслѣдствіе вынесеннаго имъ тѣлеснаго наказанія, раздраженіемъ спиннаго мозга и падучею болѣзнію.

II. Къ числу лицъ сумасшедшихъ или безумныхъ отъ рожденія обвиняемый не принадлежитъ; у него констатируется лишь извѣстная степень пріобрѣтеннаго слабоумія, вслѣдствіе долгаго страданія падучею болѣзнію.

III. Хотя Степанъ Ш. страдаетъ болѣзнію, выражающеюся, между прочимъ, въ припадкахъ совершеннаго безпамятства, тѣмъ не менѣе по дѣлу ясно видно, что во время покушенія, а также непосредственно передъ покушеніемъ и непосредственно послѣ него обвиняемый не находился ни въ припадкѣ безпамятства, ни въ одномъ изъ припадковъ, равнозначущихъ съ умоизступленіемъ, изъ чего слѣдуетъ, что онъ въ то время могъ имѣть

понятіе о противозаконности и о самомъ свойствѣ того дѣянія, на которое покушался.

IV. Страданіе спиннаго мозга могло быть у обвиняемаго причиною возникновенія болѣзненно усиленнаго половаго побужденія.

Составлено въ С.-Петербургѣ 2-го февраля 1883 года.

Прим. изд. — Въ судебномъ засѣданіи С.-Петербургскаго Окружнаго Суда 19-го сентября 1883 г. гг. присяжные засѣдатели, признавъ самый фактъ покушенія доказаннымъ, признали въ то же время подсудимаго Ш. дѣйствовавшимъ въ состояніи умственнаго разстройства, и на вопросъ о виновности Ш. отвѣтили: „не виновенъ". Судъ постановилъ считать подсудимаго Ш. по суду оправданнымъ.

IV. Медицинское заключеніе

о состояніи умственныхъ способностей Т.-Ѳ.

обвиняемаго по 354 и 359 ст. Улож. о Нак.

1886 г. февраля 10-го дня С.-Петербургскій Окружный Судъ, на основаніи мнѣнія экспертовъ, опредѣлилъ: подвергнуть бывшаго кандидата на судебныя должности Т.-Ѳ. испытанію въ состояніи его умственныхъ способностей, съ тѣмъ, чтобы наблюденіе за нимъ было поручено ординатору больницы Св. Николая Чудотворца врачу Кандинскому, не наблюдавшему за нимъ при первоначальномъ испытаніи его въ той больницѣ.

Вслѣдствіе этого опредѣленія Т.-Ѳ. находится въ больницѣ Св. Николая Чудотворца съ 5-го марта сего года по настоящее время, при чемъ онъ состоялъ подъ наблюденіемъ у меня, нижеподписавшагося, старшаго ординатора Кандинскаго. Результаты моего наблюденія, вмѣстѣ съ моимъ заключеніемъ, изложены въ нижеслѣдующемъ.

Испытуемый, 28 лѣтъ отъ роду, имѣетъ среднее тѣлосложеніе, при правильномъ, взаимно соотвѣтственномъ развитіи всѣхъ частей тѣла. При ростѣ въ 161 цтм., окружность груди равна 90 цтм. Черепъ по своей конфигураціи ничего особеннаго не представляетъ; окружность его равняется 59 цтм., продольный размѣръ 20 цтм., наибольшій поперечный размѣръ 16 цтм.

Отдѣльныя части лица взаимно пропорціональны. Образованіе твердаго нёба и постановка зубовъ правильны.

Мышцы развиты удовлетворительно.—Легкія и сердце здоровы.—Пульсъ обыкновенно слегка ускоренъ (88—96 въ минуту).—Испытуемый часто страдаетъ запоромъ и вообще легко подвергается разстройствамъ желудочно-кишечнаго канала; по словамъ испытуемаго, ему для правильнаго дѣйствія желудка необходимо передъ завтракомъ и передъ обѣдомъ выпивать по рюмкѣ водки. Исхудалости испытуемый не представляетъ, но, вслѣдствіе общаго малокровія, лице и доступныя для осмотра слизистыя оболочки являются у него блѣдными.

Въ сферѣ собственно нервной дѣятельности должно быть отмѣчено слѣдующее: позвоночный столбъ у испытуемаго почти на всемъ своемъ протяженіи оказывается весьма чувствительнымъ даже къ легкому прикосновенію, а давленіе на верхней половинѣ позвоночника обусловливаетъ боль; на уровнѣ остистаго отростка 4-го спиннаго позвонка, испытуемый ощущаетъ, по его словамъ, постоянную тупую боль, по временамъ усиливающуюся. Чувствительность кожи къ внѣшнимъ раздраженіямъ на спинѣ, груди и животѣ повышена; въ прочихъ мѣстахъ тѣла измѣненій чувствительности нѣтъ. Мышечные рефлексы съ кожи туловища повышены. Рефлексъ на cremaster отсутствуетъ. Сухожильные рефлексы безъ измѣненій. Электро-возбудимость мышцъ нормальна. Анэстезій и парэтическихъ явленій нѣтъ. Судорогами ни общими, ни мѣстными испытуемый не страдаетъ. Рѣзкихъ сосудодвигательныхъ разстройствъ я не наблюдалъ у него.—Помимо упомянутыхъ болей въ спинномъ хребтѣ, самъ испытуемый жалуется на не всегда удовлетворительный сонъ, на бывающія у него иногда нервныя головныя боли и на потерю способности къ нормальному половому соитію (мужское безсиліе), при чемъ признался, что съ 14-ти-лѣтняго возраста преданъ онанизму и что, въ силу

давней привычки, и въ настоящее время совершаетъ мастурбаторный актъ нѣсколько разъ въ недѣлю.

Обращаясь къ сферѣ чисто психической, я долженъ отмѣтить, что самъ испытуемый замѣчаетъ въ себѣ уменьшенную способность къ требующимъ усидчивости умственнымъ занятіямъ, такъ что при нихъ у него сравнительно скоро наступаетъ утомленіе; кромѣ того, онъ находитъ, что память у него, сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ обладалъ ею въ своемъ 16—18-ти-лѣтнемъ возрастѣ, ослаблена. Ничуть не желая отрицать этого относительнаго умственнаго ослабленія (которое самъ испытуемый признаетъ за послѣдствіе вредной привычки къ рукоблудію), въ немъ объективно убѣдиться, естественно, я не могъ; абсолютной же слабости памяти я не нашелъ у испытуемаго и совершенно неспособнымъ къ умственнымъ занятіямъ его не считаю. Болѣзненныхъ ложныхъ идей и обмановъ чувствъ у испытуемаго не бываетъ. Повидимому, испытуемый не имѣетъ блестящихъ способностей и не отличается выдающимся умственнымъ или нравственнымъ развитіемъ. Однако, нѣтъ основанія думать, что испытуемый успѣлъ замѣтно ослабѣть въ своихъ умственныхъ силахъ сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда онъ (въ 1883 и 1884 г.) исправлялъ обязанности судебнаго слѣдователя.

Испытуемый сообщалъ мнѣ, что уже издавна (приблизительно, съ 18 лѣтъ) у него, черезъ различные промежутки времени, бываютъ приступы подавленности духа, при чемъ онъ, Т.-Ѳ., на нѣсколько дней теряетъ способность чѣмъ-либо заниматься и чувствуетъ себя въ тѣ дни такъ, »какъ будто бы надъ головою его виситъ Дамокловъ мечъ«, т. е. какъ будто бы ему предчувствуется какое-то имѣющее съ нимъ приключиться несчастіе. О значеніи подобнаго рода приступовъ я (предпо-

ложивъ, что они у испытуемаго дѣйствительно бываютъ или бывали) упомяну впослѣдствіи. Теперь-же замѣчу только то, что во время моего наблюденія въ больницѣ я, съ объективной стороны, рѣзкихъ уклоненій отъ нормы въ настроеніи духа у испытуемаго не находилъ. Дѣйствительно, можно было усмотрѣть, что обычная вялость испытуемаго днями (въ особенности въ дурную погоду) какъ будто усиливается, такъ что испытуемый получаетъ видъ нѣкоторой утомленности; бывало также, что иногда (наприм., послѣ прогулки внѣ стѣнъ больницы, послѣ посѣщенія имъ родственниковъ) онъ являлся нѣсколько болѣе веселымъ и оживленнымъ, чѣмъ обыкновенно; но подобнымъ колебаніямъ въ расположеніи духа, въ зависимости отъ разнообразныхъ внутреннихъ (напр., нарушеніе отправленій желудочно-кишечнаго канала) и внѣшнихъ вліяній, подвержены и люди съ сравнительно здоровою нервною системою. Приступовъ-же болѣзненной тоски, равно какъ и приступовъ болѣзненной экспансивности или экзальтаціи за время моего наблюденія въ больницѣ у испытуемаго положительно не было; точно также, онъ ни разу не впадалъ въ аффекты (отчаяніе, страхъ, злоба, гнѣвъ). — Вообще Т.-Ѳ, велъ себя въ больницѣ спокойно, ровно и учтиво; давалъ отвѣты охотно и разсудительно и въ логическомъ отношеніи вполнѣ правильно; вполнѣ подчинялся требованіямъ больничной дисциплины; ни съ кѣмъ не ссорился; принималъ пищу въ количествѣ достаточномъ; по ночамъ не бодрствовалъ (впрочемъ, сонъ его не всегда одинаково хорошъ); отъ общенія съ людьми отнюдь не уклонялся и охотно бесѣдовалъ съ тѣми изъ спокойныхъ больныхъ, которые подходили къ нему по образованію и общественному положенію; весьма часто разнообразилъ свое времяпрепровожденіе игрою въ карты (»въ винтъ« играетъ не бли-

стательно, но повидимому, и не плохо); иногда занимался чтеніемъ книгъ, приносимыхъ имъ изъ дома, или разборомъ и писаньемъ дѣловыхъ бумагъ (по должности секретаря С—аго Приходскаго Братства и участковаго попечителя о бѣдныхъ); выходилъ въ назначенные для того часы на прогулку; лѣчился, по моимъ указаніямъ, душами; довольно часто отправлялся (испросивъ у меня разрѣшеніе) въ домъ отца, или въ гости къ сестрѣ и возвращался къ условленному впередъ сроку, въ своемъ обыкновенномъ состояніи.

Въ частности сфера воли у испытуемаго не представляетъ другаго болѣзненнаго разстройства кромѣ того, что испытуемый не оставляетъ привычки къ рукоблудію. По нраву своему испытуемый является субъектомъ робкимъ, уступчивымъ, сговорчивымъ, не довольно рѣшительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма склоннымъ подчиняться вліянію лицъ, имѣющихъ съ нимъ общеніе. Рѣзко опредѣлившагося нравственнаго облика испытуемый не имѣетъ. Нравственнаго же чувства онъ не лишенъ.

Такимъ образомъ, на основаніи данныхъ моего непосредственнаго знакомства съ обвиняемымъ я могу лишь утверждать, что Т.-Ѳ. есть человѣкъ нервно-больной; онъ страдаетъ такъ называемою раздражительною слабостью нервной системы вообще (neurasthenia cerebrospinalis) и спиннаго мозга въ особенности (irritatio spinalis). Болѣзнь, именуемая «раздражительная нервная слабость» (reizbare Nervenschwäche) выражается при полной степени своего развитія, и нѣкоторыми симптомами со стороны психической сферы, а именно: плохимъ сномъ; легкими и быстрыми перемѣнами настроенія, безъ достаточныхъ внѣшнихъ причинъ; возвышенною психическою чувствительностью больнаго; его скорою утомляемостью при умственной работѣ и уменьшенною

умственною производительностью; его раздражительностью и подверженностью аффектамъ; а также уменьшенною устойчивостью головнаго мозга при различныхъ дѣйствующихъ на него вредныхъ вліяніяхъ, въ частности — при вліяніи спиртныхъ напитковъ. — Но эти психическіе симптомы общей нервной слабости, даже въ томъ случаѣ, когда они всѣ, въ надлежащей выраженности, имѣются въ наличности, душевной или психической болѣзни, въ точномъ смыслѣ этого термина, не составляютъ, ибо, по единственно возможному (психологическому) опредѣленію, «душевное разстройство (какъ это прекрасно выражено въ руководствѣ Гейнр. Шюле*) есть болѣзнь личности, исключающая собою способность волеваго самоопредѣленія». Такъ какъ Т.-Ѳ. въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находится обыкновенно, не можетъ не понимать значенія и свойства дѣяній, имъ совершаемыхъ, и не лишенъ возможности выбора между различными ему представляющимися мотивами дѣйствованія, то я имѣю право заключить, что онъ не есть субъектъ душевно-больной, даже независимо отъ того, что въ теченіи моего за нимъ наблюденія я не нашелъ у него ни одного изъ тѣхъ симптомо-комплексовъ, которыми составляются клинически опредѣленныя формы психическаго разстройства, а нашелъ лишь нервную слабость или нейрастенію.

Изъ собранныхъ при предварительномъ слѣдствіи свѣдѣній видно, какимъ путемъ развилось нервное разстройство обвиняемаго. Несмотря на то, что въ роду отца обвиняемаго существуетъ наслѣдственное предрасположеніе къ заболѣванію душевными и нервными болѣзнями, Т.-Ѳ. никакими болѣзнями въ дѣтствѣ своемъ не стра-

---

*) H. Schuele. Klinische Psychiatrie 3-te Aufl. Leipzig. 1886. pag. 1.

далъ и до 16 лѣтъ, по объясненіямъ отца его (дѣлопроизв. слѣдователя, л. 25), «былъ одинъ изъ благоразумнѣйшихъ мальчиковъ, постоянно веселый, вполнѣ откровенный и общительный». Изъ объясненій же свидѣтеля, доктора Чечотта, равно, какъ и изъ сообщеній, сдѣланныхъ мнѣ самимъ обвиняемымъ, явствуетъ, что обвиняемый съ 14-ти-лѣтняго возраста преданъ онанизму, рано началъ злоупотреблять спиртными напитками и половыми сношеніями съ женщинами, при чемъ даже до настоящаго времени не оставляетъ вредной привычки къ рукоблудію. Поэтому неудивительно, что съ 16-ти-лѣтняго возраста въ немъ стало замѣчаться измѣненіе характера къ худшему; извѣстно, что онанисты, частію отъ упрековъ совѣсти по поводу ихъ безнравственной привычки, частію отъ стыда передъ окружающими, и боязни, что люди узнаютъ объ этомъ тайномъ порокѣ, становятся несообщитедьными, замкнутыми въ самихъ себѣ и мрачными; къ этому, вслѣдствіе постояннаго половаго истощенія, присоединяются болѣзненныя явленія малокровія и общаго разстройства нервной системы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло не ограничивается нервнымъ разстройствомъ, а развивается даже настоящее сумасшествіе (melancholia, paranoia masturbatorum, а также dementia), чего въ случаѣ Т.-Ѳ. мы, однако, не имѣемъ.— Половые эксцессы, со включеніемъ рукоблудія, и нерѣдкіе кутежи и проводимыя безъ сна ночи составляютъ, въ совокупности, причинный моментъ, болѣе чѣмъ достаточный для произведенія той «раздражительной слабости нервовъ», которая констатируется у обвиняемаго.

Однако, въ данномъ случаѣ необходимо обратить вниманіе и на оцѣнку вліянія наслѣдственности. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что предрасположенность

къ душевнымъ и нервнымъ заболѣваніямъ могла, въ силу наслѣдственности, передаться обвиняемому лишь со стороны отцовской, т. е. со стороны генералъ-маіора Н. Н. Т.-Ѳ.; что же касается до матери обвиняемаго, то свѣдѣній о ней въ дѣлѣ нѣтъ, а по словамъ самого испытуемаго я долженъ думать, что она пользуется удовлетворительнымъ здоровьемъ и что въ ея роду психопатической наслѣдственности нѣтъ. — Братъ жены дѣда (дѣда по отцу) обвиняемаго, N. N. страдалъ умственнымъ разстройствомъ и г-жа К., внучка этого N. N., будучи душевно-больною, пользовалась въ К-скомъ домѣ для умалишенныхъ. Дѣдъ обвиняемаго страдалъ тою же болѣзнію спиннаго мозга (ataxia progressiva), отъ которой уже 7 лѣтъ лѣчится отецъ обвиняемаго; впрочемъ, ни отецъ, ни дѣдъ обвиняемаго въ сумасшествіе не впадали. Родная сестра обвиняемаго больна истерикою, а одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, И. П., пользовался отъ душевной болѣзни въ домѣ умалишенныхъ въ г. К-ѣ и потомъ въ городѣ Х-ѣ (л. 37 обор., 42 об.). Тѣмъ не менѣе, по одному тому обстоятельству, что въ роду отца обвиняемаго существуетъ наслѣдственное расположеніе къ душевнымъ и нервнымъ заболѣваніямъ, я не могу заключить, что обвиняемый «одержимъ наслѣдственнымъ сумасшествіемъ», если самого сумасшествія не нахожу. Между лицами, предрасположенными къ заболѣванію, въ силу вліянія наслѣдственности, одни дѣйствительно впадаютъ въ умопомѣшательство, другія заболѣваютъ лишь тѣми или другими нервными болѣзнями; наконецъ, третьи не заболѣваютъ ни тѣмъ, ни другимъ. Прибавлю, что ни въ тѣлесной, ни въ душевной организаціи обвиняемаго особыхъ прирожденныхъ аномалій я не нашелъ; у него нѣтъ ни физическихъ, ни функціональныхъ (за исключеніемъ, впрочемъ, приверженности

къ онанизму) признаковъ такъ называемой «психической дегенеративности»; въ его умственныхъ отправленіяхъ не оказывается совокупности болѣзненныхъ явленій, составляющихъ то, что съ клинической точки зрѣнія, но независимо, однако, отъ отношенія къ практикѣ судебно-медицинской, описывается въ литературѣ подъ названіемъ «folie impulsive», «moral insanity». По всему этому я не вижу возможности признать обвиняемаго страдающимъ дегенеративно-наслѣдственнымъ умопомѣшательствомъ.

Вышеизложенное неизбѣжно приводитъ къ необходимости подвергнуть спеціальному обсужденію вопросъ о томъ,— въ какомъ состояніи находились умственныя способности обвиняемаго въ маѣ 1884 г., т. е. въ то время, когда онъ совершилъ дѣянія закономъ предусмотрѣнныя.

Въ объясненіяхъ свидѣтеля доктора Чечотта указывается, между прочимъ, (л. 36 и об.), что у обвиняемаго, черезъ неправильные, иногда значительные промежутки времени, бывали приступы угнетенія духа съ душевнымъ безпокойствомъ, вслѣдствіе чего Т.-Ѳ. бросалъ свои обычныя занятія и старался заглушить тоску кутежемъ и усиленными половыми эксцессами. На подобные приступы, о которыхъ мнѣ говорилъ и самъ обвиняемый, но которыхъ я самъ не наблюдалъ у него, можно смотрѣть различно. Во-первыхъ, они могли имѣть реактивное значеніе, т. е. быть не причиною, но естественнымъ результатомъ кутежей, безсонныхъ ночей, усиленныхъ половыхъ эксцессовъ и неизбѣжныхъ, вслѣдствіе всего этого, укоровъ совѣсти и сожалѣній объ истраченныхъ деньгахъ. Во-вторыхъ, они могли быть и приступами тоски чисто болѣзненной, т. е. имѣть значеніе временной меланхоліи, но въ такомъ случаѣ тоска не остается единственнымъ болѣзненнымъ симптомомъ, но

непремѣнно сопутствуется и явленіями психической задержки (которыя большею частію доступны и объективному наблюденію), происходитъ замедленіе всѣхъ психическихъ актовъ, — актовъ воспріятія, мышленія и воли. При болѣзненной тоскѣ человѣкъ, совершенно потерявъ способность къ занятіямъ, ищетъ уединенія и избѣгаетъ всего, что можетъ выводить его изъ состоянія въ самой себѣ замкнувшейся неподвижности. При высшихъ степеняхъ болѣзненной тоски, послѣдняя, пересиливъ явленія психической задержки, захватывающія двигательную сферу, можетъ довесть человѣка до безотчетнаго блужданія (dysthymia errabunda), но при этомъ болѣзненное состояніе уже бываетъ на столько ясно отразившимся въ выраженіи лица и въ поведеніи больнаго, что едва-ли можетъ остаться незамѣченнымъ окружающими. Нѣтъ сомнѣнія, что у невропатическихъ субъектовъ возможны и временныя состоянія экспансивности, но что касается болѣзненной экспансивности или временной маніакальной экзальтаціи, то при ней формальныя разстройства въ сферѣ представленія тоже неизбѣжны. Впрочемъ, если приступы болѣзненной тоски (т. е. припадки преходящей меланхоліи) или приступы болѣзненной экзальтаціи (припадки маніакальные) и случаются у обвиняемаго, то все таки остается вопросомъ, былъ-ли у него таковый приступъ въ промежуткѣ времени между 1 и 20 мая 1884 г., ибо изъ свѣдѣній, сообщенныхъ докторомъ Чечоттомъ (л. 36), явствуетъ, что обвиняемый иногда бывалъ свободнымъ отъ приступовъ тяжелаго настроенія духа, равно какъ и отъ припадковъ маніакальной возбужденности, въ теченіи многихъ мѣсяцевъ; такъ по словамъ этого свидѣтеля, съ весны 1879 по осень 1881 (т. е. болѣе двухъ лѣтъ) обыкновенное душевное состояніе Т.-Ѳ. совсѣмъ не прерывалось. Въ виду этого, весьма важно, замѣчали-ли

лица, видавшія обвиняемаго ежедневно или, по крайней мѣрѣ, очень часто, у него какія либо временныя явленія психическаго разстройства вообще и въ маѣ 1884 г. въ особенности. Изъ объясненій отца обвиняемаго, генералъ-маіора Т.-Ѳ., скорѣе должно заключить, что онъ въ своемъ сынѣ признаковъ дѣйствительнаго умопомѣшательства, хотя бы и временнаго, не замѣчалъ ни въ маѣ 1884 г. ни раньше; онъ могъ лишь видѣть, что съ 16-ти лѣтъ характеръ сына сталъ измѣняться къ худшему и потомъ, что изъ сына вышелъ человѣкъ легкомысленный и слабохарактерный. Сомнѣненіе въ нормальности умственнаго состоянія обвиняемаго возникло у отца главнымъ образомъ (л. 25) потому, что ему, отцу, иначе было непостижимо, какимъ образомъ его сынъ могъ совершить растрату и подлогъ и затѣмъ въ теченіи всего лѣта скрывать отъ отца свое положеніе. Мужъ сестры обвиняемаго до конца августа 1884 г., когда у обвиняемаго, послѣ обнаруженія растраты, былъ періодъ отчаянія, ничего особеннаго въ умственномъ состояніи Т.-Ѳ., повидимому, тоже не замѣчалъ.

Свѣдѣнія о прошлой жизни обвиняемаго не могутъ не имѣть значенія. До 16-ти лѣтняго возраста Т.-Ѳ. былъ совершенно здоровъ. Получилъ образованіе въ Императорскомъ Училищѣ правовѣдѣнія, начавъ съ приготовительнаго класса; былъ въ заведеніи девять лѣтъ, такъ какъ въ предпослѣднемъ классѣ оставался два года, кончилъ курсъ въ 1880 году, 22 лѣтъ отъ роду. Подъ вліяніемъ товарищей, познакомился съ кутежными развлеченіями еще во время пребыванія въ училищѣ. Къ 1879 г. относится исторія, заключающаяся въ сообщеніяхъ его отца (л. 27): Т.-Ѳ., какъ только наступило для него время гражданскаго совершеннолѣтія, выдалъ, по наущенію товарищей, вексель на довольно значитель-

ную сумму (2000 или 3000 р.); изъ денегъ, добытыхъ подъ вексель, часть роздалъ взаймы товарищамъ, остальныя собрался тратить самъ. Впослѣдствіи Т.-Ѳ. запойнымъ пьяницею не сдѣлался, но привыкъ довольно часто посѣщать рестораны (съ товарищами и, еще чаще, съ камеліями), пилъ тамъ водку (рюмокъ по 10 — 15 въ вечеръ, какъ онъ самъ мнѣ сообщилъ), а послѣ того обыкновенно пилъ шампанское. Скандаловъ въ нетрезвомъ видѣ не учинялъ, до безчувственности и безпамятства не напивался, возвращался домой на своихъ ногахъ. По окончаніи курса въ Училищѣ Т.-Ѳ., въ маѣ 1880 опредѣленъ на службу кандидатомъ на судебныя должности при СПБургскомъ Окружномъ Судѣ. Съ января 1881 г. (какъ это видно изъ формулярнаго списка, л. слѣдствія 10 и 11) по апрѣль 1883 г. исправлялъ должность помощника секретаря Суда, но потомъ, пожелавъ заняться слѣдственною частію, снова опредѣлился кандидатомъ на судебныя должности. Получивъ право самостоятельнаго производства слѣдствій, онъ въ ноябрѣ 1883 г. былъ командированъ въ СПБургскій уѣздный слѣдственный участокъ, а въ апрѣлѣ 1884 г. былъ переведенъ въ С.-Петербургъ.

Обстоятельства совершенія дѣяній, Уложеніемъ о Наказ. предусмотрѣнныхъ, таковы. Въ началѣ мая 1884 г. обвиняемый, приготовляясь къ отъѣзду на лѣто въ деревню, былъ занятъ заканчиваніемъ имѣвшихся у него на рукахъ слѣдственныхъ дѣлъ. По одному изъ порученныхъ ему дѣлъ онъ долженъ былъ возвратить рядовому П. отобранные у послѣдняго талонъ къ ассигновкѣ на 579 р. и двѣ облигаціи С.-Петербургскаго Кредитнаго Общества, въ 100 р. каждая. Утромъ 11-го мая обвиняемый былъ, по обыкновенію, на службѣ, а вечеромъ того-же дня, случайно имѣя эти принадлежавшія П.

цѣнности, вмѣстѣ съ собственными деньгами у себя въ карманѣ, онъ отправился въ Демидовъ Садъ, пригласилъ двухъ встрѣченныхъ имъ тамъ женщинъ и сталъ ихъ угощать ужиномъ и виномъ, при чемъ и самъ пилъ водку и шампанское. Привожу нижеслѣдующія подробности, узнанныя мною отъ самого обвиняемаго, при освидѣтельствованіи его мною въ больницѣ, въ чемъ руководствуюсь 333 статьею Устава Угол. Судопроизводства. Когда своихъ денегъ у Т.-Ѳ. (около 60 р. ихъ было у него) не хватило, онъ размѣнялъ, еще въ Демидовомъ Саду, одну изъ облигацій, по цѣнѣ нѣсколько ниссшей противъ курсовой. Все, происходившее въ Демидовомъ Саду, онъ помнитъ удовлетворительно, ибо тогда онъ еще не былъ очень пьянъ. Но естественно, выпитое вино не могло не имѣть вліянія на его скорую рѣшимость истратить чужія деньги; вмѣстѣ съ тѣмъ ему тогда представлялось, что для него не составитъ большой трудности на другой день добыть денегъ отъ отца или, заимообразно, отъ кого-либо изъ знакомыхъ, на пополненіе растраты. Изъ Демидова Сада Т.-Ѳ. отправился съ обѣими женщинами (на двухъ пролеткахъ) въ ресторанъ Бореля; тамъ кутежъ продолжался, при чемъ обвиняемый снова пилъ водку и шампанское, такъ что охмѣлѣлъ еще значительнѣе. Въ ресторанѣ Бореля была размѣнена другая облигація. Около четырехъ часовъ утра, отъ опьянѣнія уже смутно понимая происходящее съ нимъ, Т.-Ѳ. поѣхалъ съ обѣими женщинами на квартиру одной изъ нихъ, оставался тамъ съ ними около двухъ часовъ и, уѣзжая, заплатилъ имъ, самъ вынувъ деньги изъ своего бумажника; помнитъ, что одной изъ нихъ далъ одну двадцатипятирублевую бумажку, одну десятирублевую и «можетъ быть» еще одну, двѣ пятирублевки; другой женщинѣ далъ не меньше двадцати-

пяти рублей (помнитъ одну бѣлую бумажку). Пріѣхавъ домой, онъ не имѣлъ и двухъ часовъ времени, чтобы выспаться. Вставъ въ обыкновенное время, началъ собираться на службу и непосредственно передъ выходомъ изъ дома видѣлъ, мимоходомъ, отца и дядю (послѣдній временно имѣлъ пребываніе въ ихъ домѣ). Далѣе я привожу лишь свѣдѣнія, имѣющіяся въ слѣдственномъ дѣлѣ. Придя въ судъ, Т.-Ѳ. занялся допросомъ свидѣтеля (л. 15) въ ожиданіи прихода П., наканунѣ вызваннаго на этотъ день для полученія обратно своихъ цѣнностей. Пришедшему П. онъ возвратилъ талонъ и сказалъ, что облигаціи будутъ выданы послѣ. Въ эту минуту (л. 15 об.) обвиняемому вдругъ пришла мысль взять такую росписку съ П. въ полученіи талона, чтобы можно было потомъ сдѣлать сверху приписку, что П. получилъ вмѣстѣ съ талономъ и обѣ облигаціи. Такая росписка и была взята съ П. обвиняемымъ въ этотъ день, 12-го мая; но въ теченіи цѣлой недѣли онъ не могъ рѣшиться сдѣлать приписку, при чемъ однако не принималъ мѣръ къ тому, чтобы достать денегъ на удовлетвореніе П. (иными словами всю эту недѣлю обвиняемый колебался въ выборѣ способа дѣйствованія). Наконецъ, видя необходимость сдать дѣло прокурору, обвиняемый утромъ 19-го мая принесъ дѣло П. въ Судъ и тамъ (л. 16) своею рукою сдѣлалъ на роспискѣ П. подложную приписку. На другой день, т. е. 20-го мая, обвиняемый уѣхалъ въ деревню, въ К—скую губернію, оставался тамъ до августа, т. е, до того времени, когда фактъ растраты и подлога обнаружился, мучился тамъ раскаяніемъ, упреками совѣсти и ожиданіемъ имѣющаго разразиться надъ нимъ судебнаго преслѣдованія (лл. 16 и об., 26 и об.), но ничего не предпринималъ, и отцу о своемъ затруднительномъ

положеніи не говорилъ ни слова; впрочемъ, онъ не могъ знать, что П. до августа не пойдетъ въ Судъ за своими облигаціями. Въ теченіи лѣта обвиняемый усиленно занимался сельскимъ хозяйствомъ (л. 26) и домашніе ничего особеннаго въ немъ, повидимому, не подозрѣвали. Въ Петербургъ обвиняемый возвратился 19-го августа, уже по обнаруженіи его растраты и подлога, а 21-го августа П. была уплачена стоимость двухъ облигацій. Попавъ подъ слѣдствіе, Т.-Ѳ. былъ, по показанію его родныхъ, въ большомъ отчаяніи и, во избѣжаніе позора быть судимымъ, собирался окончить жизнь самоубійствомъ; впрочемъ, до попытки дѣло не дошло: обвиняемый уступилъ уговариванію со стороны отца и оставилъ свое намѣреніе (л. 24). Въ таковомъ поведеніи обвиняемаго, по моему мнѣнію, нѣтъ ничего указывающаго, для безпристрастнаго взгляда, на разстройство умственныхъ способностей Т.-Ѳ. Отецъ, однако, усумнился въ нормальности умственнаго состоянія сына и просилъ въ сентябрѣ 1884 г. д-ра Чечотта подвергнуть Т.-Ѳ. спеціальному освидѣтельствованію. Изъ показанія свидѣтеля д-ра Чечотта видно, что послѣдній находитъ умственное состояніе обвиняемаго вообще ненормальнымъ, но не видно, чтобы при этомъ домашнемъ освидѣтельствованіи (имѣвшемъ мѣсто, повидимому, во второй половинѣ сентября 1884) обвиняемый оказался дѣйствительно умопомѣшаннымъ, въ смыслѣ опредѣленія, приведеннаго мною на оборотѣ 2-го листка этого медицинскаго заключенія.

Резюмирую мое заключеніе въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ:

I. Т.-Ѳ. къ числу лицъ безумныхъ, либо сумасшедшихъ не принадлежитъ; обыкновенное состояніе его

умственныхъ способностей таково, что онъ можетъ понимать свойство и значеніе своихъ дѣйствій и не лишенъ возможности управлять своими поступками.

II. Нѣтъ повода предполагать, чтобы въ маѣ 1884 г. Т.-Ѳ. находился въ состояніи временнаго умопомѣшательства, въ припадкѣ умоизступленія, либо безпамятства, равно какъ нѣтъ основанія думать, что онъ въ то время вовсе не разумѣлъ свойства своихъ поступковъ, или совсѣмъ былъ лишенъ возможности выбора между мотивами дѣйствованія. — Обстоятельства учиненія подлога даже прямо заставляютъ заключить, что обвиняемый сознавалъ тогда преступность этого дѣянія и притомъ не былъ влекомъ къ совершенію этого дѣла какимъ либо болѣзненнымъ или просто неудержимымъ побужденіемъ.

III. Непринужденность выбора между различными мотивами дѣйствованія у Т.-Ѳ., при совершеніи имъ дѣяній, Уложеніемъ о Наказаніяхъ предусмотрѣнныхъ, могла быть въ нѣкоторой степени ограниченною, такъ какъ онъ есть человѣкъ легкомысленный и слабохарактерный, неспособный твердо противостоять искушеніямъ и соблазнамъ, и неумѣющій принимать по собственной иниціативѣ энергическія мѣры къ исправленію своихъ ошибокъ; кромѣ того, онъ страдаетъ нервнымъ разстройствомъ, которое есть послѣдствіе въ дѣтствѣ пріобрѣтенной привычки къ онанизму, а на эту привычку, можетъ быть, слѣдуетъ смотрѣть какъ на изолированное обнаруженіе на Т.-Ѳ. существующаго въ роду отца его предрасположенія къ душевнымъ или нервнымъ разстройствамъ. — С.-Петербургъ, 20-го апрѣля 1886 года.

Прим. изд. — Дѣло Т.-Ѳ., начавшееся въ августѣ 1884 г., закончалось 16-го октября 1887 г. въ публичномъ засѣданіи С.-Петербургской Судебной Палаты, съ участіемъ присяжныхъ

засѣдателей. Можетъ показаться страннымъ, почему оно, не представляя по своей ясности и немногосложности никакихъ затрудненій для слѣдственной власти, тянулось слишкомъ три года. Это объясняется тѣмъ, что Т.-Ѳ. подвергался собственно троекратному наблюденію, съ промежутками въ нѣсколько мѣсяцевъ между каждымъ изъ нихъ, въ спеціальныхъ лѣчебныхъ заведеніяхъ. — Въ первый разъ въ больницѣ св. Николая Чудотворца Т.-Ѳ. былъ наблюдаемъ съ конца 1884 г. до весны 1885 г. Старшимъ Ординаторомъ больницы К. В. Охочинскимъ, который опредѣлилъ у испытуемаго страданіе позвоночнаго столба и, какъ результатъ наслѣдственнаго предрасположенія къ психическому заболѣванію, дегенеративное состояніе умственныхъ способностей, перешедшее въ постоянное болѣзненное разстройство душевной дѣятельности. Въ распорядительномъ засѣданіи Окружнаго Суда, гг. врачи-эксперты согласились съ мнѣніемъ д-ра Охочинскаго и прокурорскій надзоръ предложилъ прекратить дѣло по 92 ст. Улож. о Нак. Но Сенатъ, найдя, что въ медицинскомъ заключеніи К. В. Охочинскаго умственное разстройство Т.-Ѳ. не достаточно доказано, возвратилъ дѣло для дальнѣйшаго наблюденія надъ состояніемъ умственныхъ способностей Т-Ѳ. Тогда послѣдній, 5-го марта 1886 г. вторично поступилъ пенсіонеромъ въ больницу св. Николая Чудотворца, гдѣ и находился въ теченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ подъ наблюденіемъ В. Х. Кандинскаго. По представленіи вышеприведеннаго медицинскаго заключенія В. Х. Кандинскаго, гг. эксперты, въ распорядительномъ засѣданіи С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, просили, въ виду явнаго разногласія между мнѣніями обоихъ наблюдавшихъ Т.-Ѳ. врачей, произвесть въ третій разъ, уже въ другомъ спеціальномъ заведеніи, испытаніе относительно состоянія умственныхъ способностей Т.-Ѳ., который для этой цѣли и отправился въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ. Тамъ д-ръ А. Е. Черемшанскій, послѣ четырехмѣсячнаго наблюденія въ концѣ 1886 г., нашелъ, что существуютъ очевидные признаки нервной слабости или нейрастеніи, по временамъ бо-

лѣзненное чувство страха и проч. Въ распорядительномъ засѣданіи, въ началѣ 1887 г., гг. врачи-эксперты, кромѣ дегенеративнаго состоянія умственныхъ способностей Т.-Ѳ., признали, что въ теченіи мая 1884 г. онъ страдалъ временнымъ разстройствомъ душевной дѣятельности (въ смыслѣ ослабленія воли). Послѣ того какъ дѣло Т.-Ѳ. вторично восходило до Сената, оно наконецъ слушалось, 16-го октября 1887 г., въ публичномъ засѣданіи С.-Петербурской Судебной Палаты. Въ числѣ троихъ свидѣтелей по дѣлу былъ вызванъ, со стороны защиты, г. Главный докторъ больницы св. Николая Чудотворца О. А. Чечоттъ. Экспертами были вызваны гг. проф. И. М. Балинскій, И. П. Мержеевскій и гг. врачи А. Е. Черемшанскій, К. В. Охочинскій и В. Х. Кандинскій. Такимъ образомъ, во время судебнаго слѣдствія, весь интересъ дѣла почти исключительно сосредоточился на экспертизѣ. — Свидѣтель, д-ръ О. А. Чечоттъ, лично знавшій Т.-Ѳ. съ 1877 г. въ качествѣ домашняго врача его отца, въ своемъ показаніи подробно остановился на трехъ состояніяхъ, замѣченныхъ имъ у испытуемаго, а именно: 1) обыкновенное, спокойное состояніе, такъ сказать нормальное для Т.-Ѳ., 2) состояніе угнетенія, иногда съ безпокойствомъ, длившееся неопредѣленно, отъ нѣсколькихъ дней до мѣсяца и болѣе, 3) состояніе возбужденія съ болтливостью, подвижностью. Затѣмъ д-ръ О. А. Чечоттъ перешелъ къ изложенію причинъ болѣзненнаго состоянія Т.-Ѳ. и весьма обстоятельно описалъ наслѣдственное предрасположеніе къ психическимъ заболѣваніямъ въ семьѣ Т.-Ѳ., упоминая о нервныхъ и душевныхъ страданіяхъ у лицъ, состоящихъ въ третьихъ и четвертыхъ и т. д. степеняхъ не только родства, но даже и свойства съ испытуемымъ. — Гг. эксперты д-ра Охочинскій, Кандинскій и Черемшанскій поддерживали свои заключенія, данныя при предварительной экспертизѣ, при чемъ д-ръ А. Е. Черемшанскій далъ прекрасное описаніе нейрастеніи вообще, съ различными встрѣчающимися при ней болѣзненными ощущеніями, упомянулъ боязнь пустыхъ пространствъ, площадей, боязнь темноты и т. д., не дока-

зывая, впрочемъ, наличности всѣхъ этихъ признаковъ въ настоящемъ случаѣ. — Экспертъ проф. И. М. Балинскій, основываясь на показаніяхъ д-ра О. А. Чечотта, призналъ постоянное или обыкновенное состояніе Т.-Ѳ. болѣзненнымъ, психопатическимъ, а состояніе его въ теченіи мая мѣсяца 1884 г. очевидно ненормальнымъ, обостреніемъ равнозначущимъ временному душевному разстройству. Хотя отвѣчая на вопросы г. прокурора, проф. И. М. Балинскій и не отрицалъ, что подлогъ, сдѣланный черезъ недѣлю послѣ растраты для сокрытія этой растраты, совершенъ безусловно съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, тѣмъ не менѣе, по его мнѣнію, моментально, въ припадкѣ транзиторнаго умственнаго разстройства, при чемъ даже высказался въ томъ смыслѣ, что въ данномъ случаѣ самый фактъ преступленія служитъ доказательствомъ ненормальности, что это, по его личному мнѣнію, „не преступленіе, а семейное горе, гдѣ больной отецъ страдаетъ изъ-за сына"... „такіе люди не могутъ быть осуждены". — Проф. И. П. Мержеевскій съ замѣчательнымъ тактомъ и искусствомъ старался сгладить слишкомъ рѣзкое разногласіе во мнѣніяхъ гг. экспертовъ, склоняясь впрочемъ къ признанію транзиторнаго умственнаго разстройства Т.-Ѳ. въ теченіи мая 1884 г.

Отвѣты гг. присяжныхъ засѣдателей заключались въ слѣдующемъ: на 1) вопросъ, доказано-ли, что Т.-Ѳ. въ маѣ 1884 г. совершилъ растрату и т. д., присяжные засѣдатели отвѣтили: „да, доказано, но заслуживаетъ снисхожденія". На 2) вопросъ, находился-ли Т.-Ѳ. при этомъ, въ припадкѣ временнаго умопомѣшательства, они отвѣчали: „нѣтъ, не въ болѣзненномъ состояніи". На 3) вопросъ, доказано-ли, что Т.-Ѳ. для сокрытія растраты сдѣлалъ подложно приписку на оставленномъ умышленно для сего мѣстѣ, собственноручно, сверху росписки и т. д., присяждные отвѣтили: „да, доказано". Наконецъ на 4) вопросъ, совершилъ-ли Т.-Ѳ. это дѣяніе, находясь въ болѣзненномъ припадкѣ временнаго умопомѣшательства, они отвѣчали: „да, въ болѣзненномъ припадкѣ". — (По письм. вам. В. Х. К.).

V. Медицинское заключеніе

о состояніи умственныхъ способностей Маріи ф.-Бр.,

обвиняемой по 1475 ст. Улож. о Нак.

§ 1. Вслѣдствіе опредѣленія С.-Петербургскаго Окружнаго Суда отъ 14-го августа сего 1887 года, вдова барона Марія фонъ-Бр., урожденная фонъ-Г., обвиняемая по 1475 статьѣ Улож. о Наказ., принята, 2-го сентября сего года, на испытаніе въ больницу св. Николая Чудотворца, гдѣ находится и по сіе время.

§ 2. Баронесса Марія ф.-Бр., довольно высокаго роста, правильнаго тѣлосложенія и средняго питанія, имѣетъ 26 лѣтъ отъ роду. Она нѣсколько малокровна, страдаетъ хроническимъ катарромъ желудка и имѣетъ легкое съуженіе пищевода вслѣдствіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ учиненной ею попытки отравиться кусочкомъ металла калія. Прочіе внутренніе органы у нея здоровы. Рефлексы кожные и сухожильные нормальны. Разстройствъ периферической чувствительности въ формѣ мѣстныхъ анэстезій и гиперэстезій у нея нѣтъ, равно какъ и нѣтъ никакихъ парэтическихъ явленій. Судорожныхъ припадковъ у нея никогда не бывало. Тѣмъ не менѣе, у нея существуетъ общая нервозность: обвиняемая чувствуетъ себя разбитою и усталою, страдаетъ головною болью (hemicrania) и болью въ крестцѣ (colica uterina), подвержена приступамъ нервнаго сердцебіенія и ощущенія замиранія въ сердцѣ, мало спитъ по ночамъ.

§ 3. Что касается до психихическаго состоянія обвиняемой, то прежде всего должно сказать, что у ней преобладаетъ грустно-мечтательное настроеніе. За все время наблюденія за нею, она была тиха, разсудительна и привѣтлива. Бреда, галлюцинацій, приступовъ психическаго возбужденія или гнѣвнаго раздраженія, равно какъ и припадковъ болѣзненнаго страха или меланхолической тоски у нея не было. Правда, многократно замѣчалось, что она грустна сильнѣе обыкновеннаго и иногда даже плакала, но такое усиленно-унылое душевное состояніе у нея всегда имѣло достаточную психологическую мотивировку, именно зависѣло отъ случайныхъ непріятностей или оскорбленій, которымъ она подвергалась иногда отъ окружавшихъ ее въ больницѣ больныхъ или обусловливалось оживаніемъ разныхъ тяжелыхъ воспоминаній изъ ея прошлаго, а также боязнію за свою дальнѣйшую участь. По мѣрѣ приближенія наблюденія за нею къ концу, она все болѣе и болѣе стала тревожиться отъ ожиданія будущаго, и наконецъ, 2-го декабря, для всѣхъ неожиданно совершила вполнѣ сознательно попытку отравиться рвотнымъ камнемъ, тайно принесеннымъ ею съ собою въ больницу и искусно ею съ того времени скрытымъ. Мотивомъ этого покушенія была боязнь, что ей предстоитъ или на вѣкъ остаться въ домѣ для умалишенныхъ или идти въ тюрьму. Вслѣдствіе скораго медицинскаго пособія, оказаннаго ей дежурнымъ врачемъ, это самоотравленіе не оставило по себѣ вредныхъ послѣдствій для ея здоровья.

Движеніе представленій у обвиняемой совершается безпрепятственно. Память у нея вполнѣ удовлетворительна. Сужденія ея не лишены логики и поведеніе ея крупныхъ странностей или нелѣпостей не представляетъ. Ложныхъ идей у нея нѣтъ, однако у нея существуютъ

навязчивыя представленія въ формѣ мыслей о необходимости для нея окончить жизнь самоубійствомъ.

По нраву своему обвиняемая кротка, привѣтлива, довольно общительна (общенію ея съ другими лицами въ больницѣ много вредило ея недостаточное знакомство съ русскимъ языкомъ), простодушна и довѣрчива, въ высшей степени деликатна и правдива, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ до крайности сентиментальна. Въ нравственномъ отношеніи она безукоризненна, ибо имѣетъ весьма развитое чувство долга. Повидимому, у нея нѣтъ недостатка въ рѣшительности, однако нельзя было не замѣтить, что она весьма склонна подчиняться нравственному вліянію лицъ, ей симпатичныхъ, и дѣйствовать безъ разсужденій подъ этимъ вліяніемъ. »Она никогда не имѣла характера, но всегда была лишь подражаніемъ; характеръ у нея замѣненъ значительною дозою неразумнаго упрямства« — такъ отзывается о ней мачиха ея мужа, баронесса Э. ф.-Бр., въ имѣющемся у насъ объяснительномъ письмѣ на имя Главнаго Доктора больницы св. Николая Чудотворца.

Уровень умственнаго развитія обвиняемой, при всей односторонности послѣдняго, не можетъ считаться низкимъ. Она получила хорошее среднее образованіе и потомъ постоянно занималась чтеніемъ книгъ историческаго и романическаго содержанія. Въ особенности она начитанна по части нѣмецкой поэзіи и сама довольно недурно сочиняетъ (на своемъ родномъ языкѣ) стихи, мрачно-трагическаго или трогательно-меланхолическаго содержанія. Время своего пребыванія въ больницѣ она проводила исключительно за умственными занятіями: читала книги, писала замѣтки для себя или по предложенію наблюдавшаго ее врача, сочиняла стихи, изучала русскій языкъ, переводила на нѣмецкій языкъ соотвѣт-

ственными стихами нѣкоторыя изъ произведеній нашихъ лучшихъ поэтовъ. Владѣетъ стихомъ она порядочно. Ея письменный языкъ, какъ риѳмованный, такъ и прозаическій, красивъ, блещетъ образами и метафорами, но можетъ быть слишкомъ изысканъ и напыщенъ, и во всякомъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе отборностью выраженій, высокостью стиля и большою патетичностью.

§ 4. Не будучи безумною или сумасшедшею въ смыслѣ 95 статьи Улож. о Наказ., баронесса Марія ф.-Бр., какъ обнаружилось для насъ при ближайшемъ ознакомленіи съ ея характеромъ и съ обстоятельствами ея жизни, отличается во всѣхъ сферахъ душевной дѣятельности многими особенностями, которыя дѣлаютъ изъ нея субъекта исключительнаго и обязываютъ разсмотрѣть ее съ медико-психической стороны повнимательнѣе

а) Отдѣльныя стороны ума и характера обвиняемой не гармонируютъ между собою, на что слѣдуетъ смотрѣть частію какъ на прирожденный недостатокъ, частію какъ на результатъ односторонности ея умственнаго и нравственнаго развитія. Имѣя нѣкоторый литературный талантъ и даръ къ стихотворству (двое изъ ея двоюродныхъ братьевъ обладали этимъ даромъ еще въ большей степени, нежели она), она во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ умственно ниже посредственности: мало сообразительна, наивна, легковѣрна, лишена практичности, мало свѣдуща въ сферѣ будничныхъ житейскихъ отношеній, лишена пониманія матеріальныхъ интересовъ. Хозяйкою дома она никогда не была, да и неспособна на эту роль. О деньгахъ заботится мало и когда небольшія деньги (приданое) у нея были, она не знала имъ цѣны. Рукодѣльемъ заниматься не любитъ, на костюмъ свой

не обращаетъ достаточнаго вниманія, предпочитая чтеніе стиховъ и рисованіе починкѣ бѣлья.

b) Понятія ея о людяхъ фантастичны, ибо она весьма наклонна идеализировать людей и смотрѣть на нихъ сквозь призму своего романтическаго воображенія. Въ особенности она идеализируетъ людей, ей симпатичныхъ, къ которымъ привязывается беззавѣтно. Малѣйшей доли проявленнаго къ ней участія довольно, чтобы она начала смотрѣть на человѣка, какъ на идеалъ вѣрнаго друга [такъ было въ больницѣ по отношенію къ одному изъ врачей (.....ву.)]. Въ больницѣ она сильно привязалась къ больной О. Ф. К.., съ которою безъ страданій теперь не можетъ быть разлучена. Къ мачихѣ мужа, несмотря на замѣтную холодность къ ней послѣдней, относится (что видно изъ писемъ, писанныхъ ею вовсе не напоказъ) горячо и любовно, какъ любящая дочь. Мужа, несмотря на его пренебрежительное къ ней отношеніе и на его болѣзнь (dipsomania съ приступами бѣшенства), все время любила страстно и всецѣло находилась подъ его вліяніемъ. Мачиха мужа, въ своемъ вышеупомянутомъ письмѣ, говоритъ объ обвиняемой, что «она всегда жила одностороннею и печальной, полною смиренности и уничиженій жизнію любви», «была слѣпымъ подражаніемъ своему мужу» и «находилась въ рабской подчиненности ему» («sclavische Unterwürfigkeit»). —Мечтательность есть основное свойство ея ума; она вѣчно думаетъ о симпатіи сердецъ, объ идеальной любви, сочиняетъ и обсуждаетъ драматическія коллизіи («Sie sucht nach abnormen Verhältnissen» по выраженію мачихи мужа), вновь переживаетъ разныя изъ испытанныхъ ею «катастрофъ». Привожу для примѣра нѣсколько отрывковъ изъ ея письменныхъ замѣтокъ, въ переводѣ на русскій языкъ:

.....«Какъ могло это сердце вынесть столько счастья,

столько любви и столько безконечной скорби,—и не умереть, не перестать биться?..Измучено, слишкомъ устало и измучено это сердце, чтобы еще разъ отважиться въ бурный водоворотъ жизни, въ бушующее море страстей!..Нѣтъ для меня инаго спасенія кромѣ смерти,—вотъ единственный отвѣтный отзвукъ, глухо слышащійся мнѣ со всѣхъ сторонъ... Если бы снова зажегся во мнѣ свѣточъ жизни,— я хочу жить не во мракѣ, о, нѣтъ! я хочу жить подъ яркимъ блескомъ солнца, чтобы оно быстро могло выпить изъ меня остающіяся во мнѣ силы; постепеннаго умиранія, медленнаго, капля по каплѣ, изсяканія силъ я не хочу....Я жажду ринуться въ потокъ, бурно свергающійся съ пѣною и заглушающій могучимъ шумомъ своимъ всѣ другіе звуки!. Меня охватываетъ неодолимое томленіе, я жажду приникнуть къ груди вѣрнаго, любящаго друга, чтобы хотя на время утолить жгучую скорбь моего сердца.... Жить безъ любви, нѣтъ, нѣтъ, лучше могила!«.... etc. etc.

c) Любовь Маріи ф. Бр. къ мужу (объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ обстоятельства прежней жизни обвиняемой, упоминавшееся письмо баронессы Э. ф. Бр. и письменныя признанія самой Маріи ф. Бр.) носила чрезвычайно страстный и всепоглощающій характеръ. Мужъ до конца остался для нея тѣмъ же, чѣмъ былъ съ самаго начала, именно казался ей идеаломъ мужчины. Она была все-цѣло предана мужу; готова была сносить отъ него всевозможныя оскорбленія, лишь бы жить съ нимъ вмѣстѣ. Много разъ онъ гналъ ее отъ себя, предлагалъ ей разводъ; но ей казалось легче умереть, чѣмъ оставить его (отсюда ведутъ отчасти начало ея постоянныя мысли окончить жизнь самоубійствомъ). Его склонность къ

водкѣ она считала (и не безъ основанія) болѣзнію и потому смотрѣла на своего мужа какъ на страдальца (порою онъ изливалъ свои муки въ звучно трагическихъ стихахъ), какъ на жертву жестокаго рока, тяготѣющаго надъ родомъ Бр. (члены этого рода наслѣдственно предрасположены къ сумасшествію и самоубійству). Рѣзкость обращенія мужа Маріи съ женою, его холодность къ ней, его давняя дружба со своею мачихою,—все это скорѣе способствовало поддержанію страстности любви Маріи къ мужу. Мачиха мужа отзывается (въ упоминавшемся письмѣ) о горячности этой любви какъ о чемъ-то «неестественномъ» и «анормальномъ». Сама обвиняемая пишетъ объ этомъ такъ:

> «онъ былъ моимъ богомъ; въ немъ заключался весь мой міръ, вся моя жизнь...Этотъ человѣкъ былъ моею судьбою; ему я обязана сладчайшими упоеніями любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жесточайшими муками ада, отчаяніемъ, доводившимъ меня до умопомраченія. Ни на какія сокровища міра не согласилась бы я обмѣнять послѣднія шесть лѣтъ моей жизни....Безъ него, безъ моей безконечной любви къ нему, для чего было бы мнѣ жить?...»
>
> «О, дайте мнѣ возможность успокоиться въ могилѣ, приникнувъ къ мертвой, холодной груди моего мужа, прижавъ мои губы къ его блѣднымъ, онѣмѣлымъ устамъ! Даже въ объятіяхъ смерти покоиться сладко!»...

Мачиху мужа она письменно проситъ похоронить ее по лѣвую сторону мужа, такъ чтобы она (Марія), «украсивъ его трупъ своимъ миртовымъ вѣнкомъ, могла постоянно ощущать близъ себя дорогое тѣло».

d) Обвиняемая отличается рѣдко встрѣчающимся нравственнымъ ригоризмомъ. Такъ, ей почти невозможно

дурно отозваться о комъ-либо. Какъ бы ее ни оскорбляли, она никогда не станетъ жаловаться третьему лицу. Будучи поставлена въ необходимость говорить о способѣ дѣйствованія людей, ей хорошо извѣстныхъ, она измѣняетъ своей обычной правдивости, умалчивая о нѣкоторыхъ фактахъ или умышленно ихъ переиначивая,— изъ боязни вызвать у своего собесѣдника дурное мнѣніе о подлежащемъ лицѣ. Не сдержать данное ею слово— для нея почти невозможно, хотя бы это слово было дано ею подъ давленіемъ чужой воли. Правда, она покушалась въ больницѣ на самоубійство, хотя раньше дала мачихѣ мужа обѣщаніе не дѣлать этого; однако, еще задолго до покушенія она во многихъ письмахъ къ баронессѣ Э. ф. Бр. настойчиво и неотвязно умоляетъ эту особу освободить ее отъ обязательства, налагаемаго взятымъ съ нея словомъ.

е) Независимо отъ мечтательности и страсти ко всему романтичному, у обвиняемой имѣется постоянная наклонность къ самоубійству. Эта ея особенность должна быть разсматриваема какъ наслѣдственно-патологическая черта. По наукѣ намъ извѣстно, что импульсивное побужденіе къ самоубійству бываетъ наслѣдственнымъ въ нѣкоторыхъ семьяхъ. Прежніе авторы относили инстинктивное побужденіе къ самоубійству (suicidomania) въ число мономаній. Теперь же или считаютъ эту болѣзненную склонность однимъ изъ видовъ импульсивнаго уморазстройства (impulsives Irresein), или же ставятъ ее въ зависимость отъ навязчивыхъ идей, не представляющихся рѣдкостью на наслѣдственно-нейротической почвѣ.—

§ 5. Замкнутость небольшаго круга Курляндскихъ бароновъ и постоянные браки между немногими семьями, при чемъ часто повторялись браки между родственниками

(двоюродные братья и сестры), достаточно дѣлаютъ понятнымъ тотъ процессъ вырожденія, которому, какъ сейчасъ будетъ видно, подвергся родъ Бр.

Марія ф.-Бр., урожденная ф.-Г., имѣла своею матерью Елизавету, урожд. ф.-Бр., родную сестру отца своего мужа; слѣдовательно мужъ обвиняемой, Александръ ф.-Бр. былъ двоюроднымъ братомъ своей жены. Александръ ф. Бр. въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ перебывалъ во многихъ домахъ для умалишенныхъ, какъ-то: въ Витебскѣ, въ Ригѣ, въ С.-Петербургѣ (въ лѣчебницѣ д-ра Лоренца, въ больницѣ Св. Николая Чудотв. съ 23-го октября 1886 по 13-е февраля 1887 г., а потомъ въ загородномъ пріютѣ для душевно-больныхъ и окончилъ жизнь самоубійствомъ. Съ 8-го по 18-й годъ своей жизни онъ страдалъ Виттовой пляской, а съ 17-ти лѣтъ началъ пить запоемъ. Въ дни запоя онъ впадалъ въ буйство, доходившее до бѣшенства, и въ 1880 году въ припадкѣ болѣзни нечаянно причинилъ смертельную рану своему родному брату, почему и былъ судимъ по 1464 ст. Улож. о Нак.; его отецъ и мачиха въ 1886 году лично сообщали въ больницѣ, что и ихъ жизнь неоднократно находилась отъ него въ опасности. Въ промежуткахъ между приступами дипсоманіи, онъ страдалъ нервнымъ разстройствомъ (частное явленіе хроническаго алкоголизма) и въ послѣдніе годы обыкновенно былъ въ меланхолическомъ состояніи, при чемъ постоянно имѣлъ въ виду окончить жизнь самоубійствомъ.

Родная сестра матери обвиняемой, Молли ф.-Г., урожд. ф.-Бр., была сумасшедшею, пользовалась у д-ра Капеллера въ Шлокѣ (близъ Риги) и окончила жизнь самоубійствомъ: отравилась рвотнымъ камнемъ. — Изъ троихъ сыновей Молли ф.-Г. (они приходятся обвиняемой двоюродными братьями), Рейнгольдъ много лѣтъ на-

ходится, въ качествѣ неизлѣчимо-сумасшедшаго, въ заведеніи Ротенбургъ близъ Риги, остальные двое, — Лео и Бернгардтъ, въ короткое время одинъ за другимъ застрѣлились. Родной дѣдъ обвиняемой, Карлъ-Отто ф.-Бр., въ старости впалъ въ гипохондрію, а его родной братъ, Германъ ф.-Бр., періодически былъ совершенно сумасшедшимъ. Родная бабка (по матери) обвиняемой, Іоганна-Женни ф.-Бр., урожд. ф.-І., періодически страдала меланхоліею, въ одномъ изъ припадковъ которой покушалась на самоубійство.—Всѣ только что приведенныя обстоятельства удостовѣряются протоколомъ Митавскаго Оберъ-Гауптманнсъ-Герихта отъ 5-го мая 1881 г., съ каковаго акта у насъ имѣется оффиціально засвидѣтельствованная копія.—По полученнымъ нами частнымъ свѣдѣніямъ еще можно прибавить, что мать обвиняемой, Елизавета ф.-Г., урожд. ф.-Бр., отличалась значительною нервозностью; двоюродный братъ обвиняемой Юлій Г. застрѣлился, какъ говорятъ, по неимѣнію достаточныхъ средствъ къ жизни; отецъ застрѣлившихся Лео и Бернгардта, Георгій ф.-Г., въ старости (всего около года тому назадъ) тоже застрѣлился. Правда, послѣднее изъ только что названныхъ лицъ въ кровномъ родствѣ съ обвиняемою не состояло, но мы о немъ упоминаемъ потому, что оно могло повліять на Александра и Марію своимъ примѣромъ; всѣмъ извѣстна высокая степень заразительности примѣровъ этого рода, много разъ обусловливавшая возникновеніе настоящихъ эпидемій самоубійства.

§ 6. Переходимъ теперь къ обстоятельствамъ прежней жизни обвиняемой и къ выясненію отношеній между ею и ея мужемъ. Замѣтимъ, что свѣдѣнія, устно и письменно сообщенныя намъ обвиняемою, во всѣхъ существенныхъ чертахъ подтверждаются много разъ упоми-

навшимся письмомъ мачихи мужа. — Марія ф.-Г. родилась въ Гродненской губерніи, въ имѣніи, гдѣ отецъ ея былъ управляющимъ; семь лѣтъ жила въ учебномъ заведеніи въ гор. Митавѣ, потомъ снова находилась у отца, гдѣ вела тихую и уединенную жизнь, предаваясь дѣвическимъ мечтамъ, чтенію романовъ и стиховъ. Съ Александромъ ф.-Бр. она знакома съ дѣтства, влюбилась въ него на 15 году своей жизни, но характеръ всепоглощающей страсти эта любовь получила на 20 году жизни Маріи, съ того времени, когда, въ 1881 году, Александръ въ теченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ гостилъ у отца Маріи. Постоянное пребываніе въ его обществѣ, прогулки при лунѣ вдвоемъ, его видная наружность и нѣкоторая талантливость, его прежняя слава Донъ-Жуана, а также его краснорѣчивыя жалобы на судьбу и мольбы объ участіи — имѣли результатомъ то, что Марія привязалась къ Александру на всю жизнь. Но Александръ, повидимому, лишь игралъ съ нею въ любовь и сначала вовсе не думалъ о законномъ бракѣ; между молодыми людьми послѣдовали бурныя объясненія и затѣмъ кратковременный разрывъ. 15-го мая 1882 г. Александръ и Марія сошлись опять и 18-го мая состоялась ихъ помолвка. Однако, при возобновившемся постоянномъ общеніи съ Александромъ Маріи показалось, что онъ относится къ своему положенію жениха совсѣмъ не серьезно, и романтическая дѣвушка 21-го числа того-же мѣсяца попыталась отравиться кусочкомъ металла калія (калій находился въ домѣ потому, что годится для фейерверковъ,—горитъ, будучи брошенъ въ воду). Послѣ этой попытки Марія была долго больна, а съ женихомъ у нея послѣдовалъ разрывъ, длившійся около года. Въ апрѣлѣ 1883 г. между ними опять завязалась переписка; въ ноябрѣ Александръ явился лично и,

уступая любви и ожиданіямъ дѣвушки, вторично сдѣлалъ ей предложеніе. Отецъ Маріи, а равно отецъ и мачиха Александра были противъ этого брака, такъ какъ Александръ, по причинѣ своей застарѣлой болѣзни (dipsomania), совсѣмъ не былъ въ состояніи добывать себѣ средства къ жизни. Мечтательная дѣвушка была убѣждена, что ея любовь поможетъ Александру вылѣчиться, и потому настаивала на бракѣ, грозя, что въ противномъ случаѣ окончитъ жизнь самоубійствомъ. Цѣль ея была достигнута, ибо 22-го января 1884 г. свадьба наконецъ состоялась. Первое время Александръ и Марія жили одни, при чемъ послѣдняя отдала въ безконтрольное распоряженіе мужа свое маленькое приданое (2000 руб.), которое въ короткое время все было истрачено. Потомъ Александръ сталъ жить у своего отца, получая отъ него на себя и на жену по 50 р. въ мѣсяцъ. По сообщенію мачихи, Александръ вскорѣ сталъ чувствовать отвращеніе (»Aversion«) къ своей женѣ. Мы имѣемъ основаніе думать, что онъ былъ очень неумѣренъ въ половыхъ требованіяхъ, такъ что тѣлесно слабая Марія, больше понимавшая платоническія, чѣмъ плотскія отношенія, не была въ состояніи его удовлетворять. Какъ бы то ни было, но изъ сообщенія мачихи Александра видно, что преданная мужу Марія должна была жестоко страдать, ибо мужъ былъ къ ней холоденъ и пренебрежителенъ, многократно предлагалъ ей разводъ и, будучи пьянъ, гналъ ее ночью на улицу. Формальнаго развода Марія не хотѣла, но всетаки была принуждена временно оставлять мужа. Такъ, въ 1884 г. она уѣзжала на три мѣсяца заграницу; въ 1885 г. была въ теченіе 10-ти мѣсяцевъ на мѣстѣ гувернантки въ Курляндіи (ея мужъ въ это время находился въ заведеніи для умалишенныхъ, Ротенбургъ, близъ Риги); въ 1886 г. семь мѣсяцевъ была

гувернанткою въ Орловской губерніи. Подолгу не видѣть мужа было для нея, по ея словамъ, невыносимо. Въ декабрѣ 1886 г. мужъ, находившійся тогда въ больницѣ Св. Николая Чудотворца, вытребовалъ ее въ С.-Петербургъ и съ этого времени, какъ она говоритъ, относился къ ней тепло и дружественно, настаивая, чтобы она какъ можно чаще навѣщала его въ заключеніи.

§ 7. Съ 1-го февраля 1887 г. мачиха Александра заняла мѣсто надзирательницы въ одномъ загородномъ пріютѣ для душевно-больныхъ, а 13-го февраля былъ переведенъ въ этотъ пріютъ и Александръ изъ больницы Св. Николая Чудотворца. Врачи обоихъ этихъ заведеній для умалишенныхъ признавали Александра ф.-Бр. неизлѣчимымъ, а потому ему, въ силу 95 ст. Улож. о Наказ., предстояло оставаться въ домѣ для умалишенныхъ неопредѣленно-долгое время. Въ пріютѣ Александръ почти ежедневно былъ отпускаемъ на квартиру мачихи для свиданія съ послѣднею, и тоже почти каждый день видѣлся съ посѣщавшей его женою. Врачу пріюта, д-ру Дм—ву, Марія ф.-Бр. казалась субъектомъ ненормальнымъ, а другой врачъ, д-ръ С—ловъ, замѣтилъ, что Марія относится къ мужу со слѣпымъ чувствомъ подчиненія и довѣрія и съ привязанностію, которая мужемъ едва ли раздѣлялась (листъ предв. слѣдствія 38 об.). Послѣ 2-го апрѣля, когда Александръ, отпросившись къ отцу, цѣлыя сутки пьянствовалъ, его перестали отпускать къ мачихѣ и съ этого времени онъ сталъ убѣждать жену доставить ему оружіе. Жена не могла внутренно не согласиться съ нимъ, что жизнь для него — непрерывное униженіе и мученіе, и понимала, что для него нѣтъ надежды на лучшее будущее. Послѣ тяжелой борьбы съ собою, она пришла къ убѣжденію, что, любя мужа, она должна считать своимъ долгомъ помочь ему избавиться отъ муки; 10-го

апрѣля, уступая продолжавшимся мольбамъ и убѣжденіямъ со стороны мужа и боясь, что онъ иначе будетъ стараться убить себя способомъ болѣе невѣрнымъ или мучительнымъ (онъ говорилъ удавиться или повѣситься), она (какъ объяснила намъ письменно) принесла Александру револьверъ, находившійся у его отца. Объ отвѣтственности ожидающей ее за содѣйствіе мужу въ совершеніи акта самоубійства, она думала весьма мало, ибо вознамѣрилась лишить себя жизни тотчасъ же послѣ самоубійства мужа. Въ этотъ самый день, 10-го апрѣля, мужъ при разставаніи, далъ ей (по ея словесному объясненію) скрытую имъ при себѣ маленькую стклянoчку съ бѣлымъ порошкомъ, сказавъ, что это — ядъ, который можетъ ей современемъ пригодиться. На стклянoчкѣ (она теперь въ больницѣ св. Николая Чудотворца) имѣлся желтый ярлыкъ, съ напечатаннымъ на немъ словомъ: »наружное«; кромѣ того, на ярлыкѣ была полустершаяся надпись чернилами: »Brechweinstein«. (Обвиняемая приняла внутрь этотъ порошокъ, котораго было около одной драхмы, 2-го декабря, въ больницѣ св. Николая Чудотворца; въ стклянoчкѣ остались лишь немногія частицы порошка, приставшія къ стѣнкамъ). Мы не знаемъ навѣрное, почему Александръ не попробовалъ отравиться этимъ веществомъ; но весьма возможно, что онъ побоялся сопряженныхъ съ отравленіемъ рвотнымъ камнемъ физическихъ страданій. 12-го апрѣля между Александромъ и Маріею былъ продолжительный разговоръ, между прочимъ и о домашнихъ дѣлахъ. Александръ сталъ требовать отъ жены, чтобы она обратилась къ своему отцу (съ которымъ она по настоянію мужа задолго до этого прервала письменныя сношенія) и упросила его не взыскивать съ баронессы Э. ф.-Бр. давняго долга (500 р.), а считать эти деньги отданными ей, Маріи,

какъ добавокъ къ ея приданому. Марія дала мужу обѣщаніе постараться устроить это дѣло, но (подъ вліяніемъ прилива чувства жалости къ мужу) поставила условіемъ, чтобы Александръ отдалъ ей обратно принесенный ею 10-го апрѣля незаряженный револьверъ. Александръ на это согласился, такъ что въ этотъ день 12-го апрѣля обвиняемая унесла револьверъ съ собою. Однако черезъ нѣсколько дней Александръ сталъ просить оружіе еще съ большею настойчивостью, чѣмъ прежде и при каждомъ свиданіи съ женою по прежнему старался укрѣпить ее въ мысли, что помочь ему въ дѣлѣ самоубійства—ея долгъ. Марія еще разъ уступила и 23-го апрѣля вечеромъ вторично доставила мужу незаряженный револьверъ. (Одинъ патронъ отъ этого револьвера былъ захваченъ Александромъ съ собою въ больницу). 12-го, 13-го, 14-го, 16-го и 17-го мая Марія, какъ видно изъ ея имѣющагося у насъ письменнаго признанія, приносила Александру немного водки (по 1/4 бутылки), уступая его требованіямъ, что небольшое количество водки спасаетъ его отъ мучительной безсонницы лучше снотворныхъ средствъ; кромѣ того, она два раза приносила ему немного хлоралъ-гидрата. 17-го мая между мужемъ и женою происходило длинное дружеское объясненіе, при чемъ для Маріи обнаружилось, что причина всегдашней холодности къ ней мужа заключалась въ ея малой способности къ половымъ наслажденіямъ. 18-го мая въ 3 1/2 часа утра Александръ Бр. прекратилъ свою жизнь выстрѣломъ въ правый високъ. По смерти мужа, обвиняемая, какъ свидѣтельствуютъ врачи пріюта, была въ отчаяніи, близкомъ къ умоизступленію, рыдала, рвалась, умоляла, чтобы ей отдали окровавленную наволочку съ подушки ея мужа (листъ 43). Сначала не знали, какъ и когда Александръ добылъ себѣ револьверъ; но 29-го мая Марія

ф.-Бр. по собственной иниціативѣ предъявилась къ приставу Лѣснаго участка и сообщила, что именно она доставила револьверъ Александру ф.-Бр., и притомъ зная, что оружіе послужитъ ему для самоубійства.

§ 8. Такимъ образомъ, въ числѣ психологическихъ мотивовъ дѣйствованія обвиняемой не оказывается и тѣни своекорыстнаго разсчета. Каждый день видя терзанія мужа, Марія ф.-Бр. съ 3-го по 23-е апрѣля почти ежедневно слышала горячія убѣжденія и страстныя мольбы его помочь ему избавиться отъ жизни, сдѣлавшейся для него пыткою и позоромъ. Ея страстная любовь къ мужу и порывъ остраго чувства жалости къ нему подсказали ей, что содѣйствовать мужу въ выполненіи его намѣренія есть для нея нравственный долгъ, передъ которымъ должны умолкнуть всякія эгоистическія побужденія, какъ-то: предстоящее горе отъ разлуки съ любимымъ человѣкомъ на вѣки, отвѣтственность передъ закономъ. Но кромѣ того, если не признать у Маріи ф.-Бр. импульсивнаго побужденія къ самоубійству, то придется согласиться, что ея дѣйствованіе носитъ на себѣ печать самоотверженности, ибо заключаетъ въ себѣ полнѣйшее игнорированіе естественнаго побужденія къ самосохраненію (намѣреніе лишить себя жизни вслѣдъ за мужемъ). Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь одинъ изъ тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ совершеніе дѣянія, закономъ воспрещаемаго, есть результатъ субъективно-нравственныхъ соображеній, результатъ чувства долга (ошибочно понятаго).

§ 9. И такъ, мы находимся въ необходимости утверждать нижеслѣдующее:

I. Баронесса Марія ф.-Бр. къ числу лицъ безумныхъ или сумасшедшихъ (въ смыслѣ 95 ст. Ул. о Нак.) не принадлежитъ. Если и признать у нея импульсивное

побужденіе къ самоубійству (suicidomania), то такая ея болѣзненная особенность не могла имѣть неизбѣжнымъ результатомъ пособничество другому лицу въ дѣлѣ самоубійства.

II. Во время доставки мужу смертоноснаго оружія, Марія ф.-Бр. въ припадкѣ умоизступленія либо безпамятства не была.

III. Наклонность къ самоубійству есть у Маріи ф.-Бр. наслѣдственная черта. Въ силу этой черты характера, обвиняемая должна была относиться къ мужнинымъ проэктамъ самоубійства иначе, чѣмъ относилась бы безъ нея.

IV. Обвиняемая совершила то дѣяніе, которое ей ставится въ вину, во-первыхъ, подъ давленіемъ чужой воли со стороны лица, которому она привыкла безусловно подчиняться; во-вторыхъ, подъ вліяніемъ остраго порыва состраданія и самоотверженности на почвѣ постоянной чрезмѣрно-напряженной страсти (любовь къ мужу); въ третьихъ, въ зависимости отъ ошибочно понятаго долга.

V. Изъ пунктовъ III и IV неизбѣжно вытекаетъ заключеніе, что у Маріи ф.-Бр., во время учиненія ею законопротивнаго дѣянія, психологическая свобода дѣйствованія была въ весьма высокой степени ограниченною.

С.-Петербургъ, 18-го декабря 1887 г.

Прим. изд. — 23-го января 1888 г. гг. врачи-эксперты (въ томъ числѣ д-ръ О. А. Чечоттъ) нашли, что въ настоящее время Марія ф.-Бр. „явныхъ признаковъ психическаго разстройства не представляетъ“, въ маѣ 1887 г. находилась „въ состояніи умоизступленія, развивавшагося на почвѣ сильно развитаго наслѣдственнаго расположенія къ душевнымъ заболѣваніямъ“. Судъ принялъ закл. эксп. и дѣло было прекр. производствомъ.

VI. Медицинское заключеніе

о состояніи умственныхъ способностей крестьянина Евграфа В.,

обвиняемаго въ убійствѣ.

§ 1. Вслѣдствіе опредѣленія 8 отдѣленія С.-Петербургскаго Окружнаго Суда отъ 10-го іюня сего 1888 года, крестьянинъ Лугскаго уѣзда, деревни Старыя Крупели, Евграфъ В., доставленъ 22-го іюня изъ С.-Петербургской пересыльной тюрьмы въ городскую больницу св. Николая Чудотворца для судебно-медицинскаго освидѣтельствованія состоянія его умственныхъ способностей. Изслѣдованіе этого испытуемаго и спеціальное за нимъ наблюденіе было поручено Главнымъ докторомъ больницы мнѣ, старшему ординатору Кандинскому, при чемъ мнѣ была доставлена возможность разсмотрѣть предварительное слѣдствіе по дѣлу В. Результаты испытанія, равно какъ и медицинское обсужденіе обстоятельствъ преступленія, изложены мною въ нижеслѣдующемъ.

§ 2. Евграфъ В. высокъ ростомъ и крѣпокъ тѣлосложеніемъ, ему 50 лѣтъ отъ роду. Надъ лѣвою темянною костью и параллельно стрѣловидному шву на головѣ его находится линейный рубецъ, длиною въ 1/2 вершка, подвижный на кости (слѣдъ раны, полученной въ 1885 г.); подлежащая темянная кость представляетъ удлиненное углубленіе, по величинѣ и формѣ соотвѣтственное упомянутому рубцу. На правой ногѣ испытуемаго пальцы отсутствуютъ и надъ головками плюсневыхъ костей на-

ходится прямой и толстый рубецъ (20 лѣтъ тому назадъ пальцы правой ноги Евграфа В. были отдавлены колесомъ локомотива, и искалѣченная ступня была оперирована въ больницѣ). На головкѣ половаго члена и на наружной поверхности крайней плоти у испытуемаго есть нѣсколько круглыхъ рубцевъ отъ бывшихъ здѣсь (въ первый разъ — лѣтъ 20 передъ симъ, а во второй разъ въ 1886—1887 гг.) шанкерныхъ язвъ. Общаго сифилиса у Евграфа В., повидимому, не было, по крайней мѣрѣ слѣдовъ отъ проявленій этой болѣзни у испытуемаго теперь не оказывается. Неправильностей въ строеніи скелета у В. не имѣется. Его лице представляется ассиметричнымъ (скошеннымъ въ лѣвую сторону) не отъ ассиметріи костей, а отъ парэтическаго состоянія мышцъ правой стороны: правый уголъ рта въ сравненіи съ лѣвымъ опущенъ книзу и правая носогубная борозда сглажена. Конецъ высунутаго языка уклоняется въ лѣвую сторону. Зрачки нормальной величины, на свѣтъ реагируютъ правильно. Механизмъ рѣчи у испытуемаго не разстроенъ. Помимо парэза праваго лицеваго нерва, другихъ парэтическихъ разстройствъ у Евграфа В., при обыкновенномъ его состояніи, не оказывается. Разстройствъ кожной чувствительности не найдено. Рефлексы кожные и сухожильные нормальны. Дѣятельность органовъ чувствъ правильна. Пульсъ твердый и полный, между 60 и 70 въ минуту, нѣсколько запаздывающій по сравненію съ толчкомъ верхушки сердца. Плечевыя артеріи прощупываются какъ уплотнѣлые шнурки. Область тупаго перкуссіоннаго звука сердца уменьшена, по причинѣ эмфиземы края лѣваго легкаго. Область тупаго звука печени не увеличена, но лѣвая доля печени явственно прощупывается и нѣсколько болѣзненна при давленіи на нее. Толчекъ сердца не си-

ленъ, но сотрясаетъ грудную клѣтку болѣе, чѣмъ слѣдовало бы ожидать, судя по его силѣ. Первый тонъ верхушки сердца сравнительно громокъ, второй тонъ крайне слабъ и глухъ. Первый тонъ аорты нечистъ, второй ея тонъ почти отсутствуетъ. Второй тонъ легочной артеріи съ акцентомъ.

§ 3. Во время пребыванія въ больницѣ Евграфъ В. жаловался на чувство дурноты въ головѣ и на головныя боли, при чемъ боль почти всегда чувствовалась имъ сильнѣе въ правой половинѣ передней части черепа. Испытуемый разсказывалъ также, что у него издавна, черезъ неправильные промежутки времени (иногда отъ паренья въ банѣ, иногда послѣ усиленнаго пьянства), бываютъ припадки головокруженія, умозатмѣнія и полнаго безпамятства. Всѣ этого рода заявленія В. заслуживаютъ вниманія, ибо они подтверждены имѣющимися въ слѣдственномъ дѣлѣ показаніями его братьевъ и однодеревенцевъ и кромѣ того наблюденіемъ въ больницѣ.

§ 4. 29-го іюля испытуемый отправился въ больничную баню и тамъ, въ 12 часовъ дня, съ нимъ сдѣлался (какъ послѣ оказалось — отъ паренья на полкѣ) припадокъ кортикальной эпилепсіи. Внезапно издавъ дикій крикъ, В. упалъ на полъ въ безпамятствѣ, съ пѣною у рта и съ судорогами, при чемъ послѣднія были рѣзче выражены въ правой половинѣ тѣла. Я увидалъ его вскорѣ послѣ того, уже перенесеннаго изъ бани въ арестантскія палаты: судорогъ тогда уже не было, но испытуемый продолжалъ находиться въ состояніи безчувственности (stupor), зрачки его были съужены и не реагировали на свѣтъ, а лице его, вслѣдствіе паралича правыхъ лицевыхъ мышцъ, было весьма сильно перекошено въ лѣвую сторону. Вскорѣ онъ, на моихъ глазахъ, сталъ возвращаться къ сознанію, при чемъ первое время имѣлъ

совершенно безсмысленное выраженіе лица и съ трудомъ понималъ лишь самые простые изъ предлагавшихся ему вопросовъ; правая же рука его, очевидно парализованная, висѣла, какъ плеть. Черезъ полчаса послѣ этого онъ заснулъ и на другой день находился уже въ своемъ обыкновенномъ психическомъ состояніи, жалуясь на чувство общей разбитости и на дурноту въ головѣ, паралитическія же явленія, постепенно уменьшаясь, были замѣтны у него въ теченіи двухъ дней. Другой припадокъ въ больницѣ былъ у Евграфа В. 5-го августа и тоже случился въ банѣ: на этотъ разъ судорогъ и полной потери сознанія не было и приступъ состоялъ во внезапно явившемся параличѣ мышцъ произвольнаго движенія по преимуществу на правой сторонѣ тѣла, въ потерѣ способности рѣчи и во вдругъ наступившемъ состояніи отупѣлости. Способность рѣчи возвратилась къ испытуемому весьма скоро; отупѣлость исчезла въ нѣсколько часовъ; парэзъ правой руки, постепенно уменьшаясь, оставался въ теченіи двухъ дней, а рѣзкій парэзъ правой стороны лица (усиленное противъ обыкновеннаго искошеніе лица въ лѣвую сторону) былъ замѣтенъ въ теченіи цѣлой недѣли. Послѣ этого Евграфу В. было запрещено (изъ опасенія апоплексіи) ходить въ баню и припадки до сего времени не повторялись.

§ 5. Въ больницѣ испытуемый до сихъ поръ держалъ себя тихо и ровно. Безсонницы, приступовъ раздраженія, бреда, галлюцинацій у него не было. На вопросы врача отвѣчалъ охотно и довольно толково, подчинялся всѣмъ требованіямъ больничной дисциплины, ни съ кѣмъ не ссорился. Наклонности къ симуляціи ни малѣйшей не обнаружилъ. Всѣ его жалобы на нездоровье, по соотвѣтственности съ результатами объективнаго наблюденія моего, оказались ни мало не преувеличенными. Давая

мнѣ свои объясненія, испытуемый производилъ на меня впечатлѣніе человѣка, говорящаго искренно и безхитростно, безъ недомолвокъ, колебаній и предварительнаго обдумыванія. Въ объясненіяхъ со мною касательно обстоятельствъ преступленія ему, какъ и прежде въ показаніяхъ у слѣдователя, не приходилось вступать въ противорѣчіе съ показаніями свидѣтелей по его дѣлу. Отъ общенія съ другими арестантами Евграфъ В. не уклонялся, но самъ этого общенія не искалъ и ни съ кѣмъ не сближался. На видъ казался человѣкомъ апатичнымъ и мало думающимъ, по характеру — тихимъ и нѣсколько угрюмымъ. Память у него рѣзкаго ослабленія не представляетъ: однако онъ самъ находитъ, что память у него за послѣднія десять лѣтъ ослабла, и есть достаточное основаніе этому повѣрить. Слова и поведеніе испытуемаго нелѣпостей или странностей не представляли. Евграфъ В. оказался не совсѣмъ безграмотнымъ: онъ можетъ читать печатное, но охоты къ чтенію, какъ и ко всякимъ другимъ занятіямъ (праздность его не тяготитъ) не проявляетъ; чтеніе дается ему съ трудомъ; коверкая слова, не понимая многихъ фразъ, онъ по прочтеніи страницы выноситъ смутное суммарное и притомъ не всегда даже приблизительно вѣрное представленіе о чемъ на этой страницѣ шла рѣчь. Знаетъ главныя молитвы, но къ религіи равнодушенъ и ходить въ церковь не охотникъ. До извѣстной степени умѣетъ считать; 15 и 20 складываетъ въ умѣ быстро, а 75 и 80 складываетъ уже съ большимъ трудомъ. Мелкія деньги, монету за монетой, можетъ счесть безошибочно. Вѣритъ въ домовыхъ и разсказывалъ мнѣ, какъ однажды съ него полусоннаго, но совсѣмъ трезваго, домовой стащилъ одинъ валенокъ (по всей вѣроятности — кошемаръ и судорога въ ногѣ). Ко всему довольно индифферентенъ. Не обна-

руживаетъ большаго интереса къ дальнѣйшему ходу своего дѣла и, повидимому, не чувствуетъ ни раскаянія, ни простаго сожалѣнія о содѣянномъ. Убѣжденъ, что Богъ ему проститъ, ибо такъ сказала ему Агафья, явясь ему во снѣ, при чемъ она не только не выражала никакихъ къ нему претензій, но сама слезно просила у него прощенія.

§ 6. Отъ природы Евграфъ В. здоровъ и не слабоуменъ. Наслѣдственнаго предрасположенія къ нервнымъ и психическимъ заболѣваніямъ у него нѣтъ. Въ дѣтствѣ онъ двѣ зимы учился у деревенскаго учителя грамотѣ,— выучился читать букварь и молитвословъ, начиналъ было писать, но послѣ разучился. Счету его научила житейская практика. Лѣтъ 15-ти отъ роду испытуемый поступилъ на желѣзную дорогу кочегаромъ и работалъ въ этой должности около двадцати лѣтъ. Теперь онъ хвалится, что безъ посторонней помощи изучилъ устройство паровоза и можетъ »свободно справиться за машиниста«. Водку пьетъ съ 20-ти-лѣтняго возраста, не запоемъ, но часто и по многу. Въ послѣднія десять лѣтъ пьянствовалъ усиленно и нерѣдко бывалъ пьянъ по нѣсколько дней и даже по недѣлѣ подъ рядъ (предв. слѣдствіе л. 45). Припадки безпамятства, то съ судорогами, то безъ нихъ, стали съ нимъ дѣлаться лѣтъ 20 тому назадъ. Не взирая на ихъ непосредственную связь съ пареньемъ въ банѣ или съ чрезмѣрнымъ потребленіемъ водки, Евграфъ В. относилъ ихъ происхожденіе къ дѣйствію хлороформа (при резекціи отдавленныхъ локомотивомъ пальцевъ ноги Евграфъ В. былъ въ больницѣ хлороформированъ). Оставивъ службу на желѣзной дорогѣ, онъ поселился въ родной деревнѣ и, отдавъ свой клочекъ земли сосѣду, занимался съ тѣхъ поръ поденною работою у окрестныхъ землевладѣльцевъ, собираніемъ

ягодъ и грибовъ, а также рыбною ловлею. Лѣтъ 15—17 тому назадъ Евграфъ В. вступилъ въ связь съ вдовою солдаткою Агафьею Ан. Живя много лѣтъ въ избѣ Евграфа В., Агафья тоже добывала деньги поденною работою и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно и сильно пьянствовала. Какъ видно изъ показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей (лл. 28 об. и 35 об.), она не уклонялась отъ мимолетныхъ интимныхъ сближеній съ другими мужчинами. Отъ времени до времени, поссорившись съ Евграфомъ, Агафья уходила изъ Старыхъ Крупелей въ Лугу и недѣлю, двѣ жила тамъ, пребывая большею частью въ трактирахъ и кабакахъ. Евграфъ В., который въ силу давней привычки не могъ обходиться безъ Агафьи и всегда страдалъ отъ разлуки съ нею, шелъ ее отыскивать и возвращалъ ее къ себѣ. Всѣ интересы жизни для Евграфа, какъ видно, исчерпывались Агафьею и водкою. Помимо этой женщины, обвиняемый ни съ кѣмъ особенной дружбы не имѣлъ; съ братьями онъ видался не часто; съ однодеревенцами своими и другими мужиками велъ компанію лишь тогда, когда онъ и Агафья пьянствовали не дома, а по трактирамъ и кабакамъ. Агафьѣ (за »путанье съ другими« или при простыхъ ссорахъ) нерѣдко приходилось терпѣть побои отъ Евграфа В. Въ 1885 году, въ Лугѣ, онъ избилъ ее кирпичемъ до полусмерти (л. 28 об.), такъ что былъ подъ слѣдствіемъ за нанесеніе тяжкой раны (л. 19), но по выздоровленіи Агафьи это дѣло было окончено примиреніемъ.

§ 7. Теперь мы можемъ уяснить себѣ состояніе умственныхъ способностей Евграфа В. въ послѣдніе годы его жизни, respective — въ настоящее время. Не будучи слабоумнымъ отъ рожденія, онъ путемъ многолѣтняго пьянства дошелъ до состоянія психической слабости, при чемъ послѣдняя (какъ обыкновенно и бываетъ въ пер-

вой степени пріобрѣтеннаго слабоумія) въ сферѣ нравственной выражена у него рѣзче, чѣмъ въ сферѣ собственно интеллектуальной (dementia moralis potatorum). Вслѣдствіе легкой раздражимости, свойственной всѣмъ алкоголикамъ (irritabilitas morosa potatorum), а также вслѣдствіе отпаденія сдерживающаго вліянія мотивовъ противоположныхъ первоначальному побужденію (libertas consilii incompleta dementicorum), аффекты ревности и гнѣва должны принимать у Евграфа В. характеръ неудержимости. Вслѣдствіе того же пьянства у обвиняемаго дѣлаются припадки умопомраченія и безпамятства, которые (какъ показало наблюденіе въ больницѣ) носятъ характеръ то апоплектоидный, то чисто эпилептическій (epilepsia potatorum). Во время приступовъ эпилептическаго головокруженія Евграфъ В. вдругъ терялъ пониманіе и «становился какъ дуракъ» (л. 45), или безсознательно шелъ куда попало (л. 41 об.). Впавъ, въ банѣ, въ умопомраченіе, онъ бормоталъ непонятныя слова, выскакивалъ изъ бани и бѣжалъ нагишемъ, куда придется, на изгороди и на ямы (л. 41). Припадочныя состоянія обвиняемаго должны быть разсматриваемы не какъ функціональныя разстройства, но какъ результатъ органическаго страданія головнаго мозга. Физическое изслѣдованіе открываетъ у Евграфа В. несомнѣнные признаки атероматознаго пораженія периферическихъ артерій и устья аорты. Это страданіе собственно свойственно возрасту въ 60 — 70 лѣтъ, но у давнихъ пьяницъ оно бываетъ рѣзко выраженнымъ уже между 40 — 50 годами жизни. Головномозговые припадки обвиняемаго заставляютъ заключить, что перерожденіе артеріальныхъ стѣнокъ у него распространяется и на артеріи головнаго мозга. При этомъ совершенно уясняется происхожденіе замѣчаемыхъ у Евграфа В. разстройствъ головномозговаго кровообра-

щенія и становится понятнымъ, почему вышеописанные припадки обвиняемаго не всегда имѣютъ характеръ чисто эпилептическій и почему они на нѣкоторое время оставляютъ послѣ себя парэзъ одной половины тѣла.

§ 8. Изъ словъ нѣкоторыхъ свидѣтелей и самого обвиняемаго видно, что Евграфъ В., по крайней мѣрѣ въ прошломъ, имѣлъ основанія бояться невѣрности со стороны Агафьи. Однако, изъ-за этого не слѣдуетъ забывать того обстоятельства, что, страдая хроническимъ алкоголизмомъ, Евграфъ В. могъ бояться измѣны своей сожительницы и безъ всякаго повода со стороны послѣдней. По наукѣ и по практикѣ психіатрамъ извѣстно, что хроническіе алкоголики (вслѣдствіе страданія головнаго мозга, а частію и вслѣдствіе перерожденія эпителія сѣмянныхъ путей) весьма ревнивы и подозрительны по отношенію къ своимъ женамъ или сожительницамъ, каковая особенность больныхъ этого рода весьма часто принимаетъ характеръ патогностическаго для алкоголизма «бреда супружеской невѣрности». Бредъ (т. е. ложныя убѣжденія, органическаго происхожденія и потому исключающія возможность логической поправки) собственно и дѣлаетъ человѣка сумасшедшимъ.

§ 9. Недѣли за полторы до Крещенья въ этомъ году Агафья, противъ воли Евграфа В. (л. 25 об. и 30 об.), ушла изъ его избы въ Крупеляхъ и поступила нянькою на сосѣднюю мызу Бермелѣевой. На ту же мызу передъ Крещеньемъ сталъ ходить для поденной работы (возка глины въ поле для удобренія) и Евграфъ В., при чемъ или оставался ночевать на мызѣ, въ помѣщеніи для рабочихъ, или же уходилъ на ночь домой. Незадолго до 6 января на мызу поступилъ молодой (25-ти лѣтъ) работникъ Василій К., который (по объясненію Евграфа В. при дознаніи, л. 5) былъ замѣченъ, 6-го января, обви-

няемымъ «въ секретномъ разговорѣ» съ Агафьею. Впрочемъ, никто изъ жившихъ на мызѣ не замѣчалъ у Евграфа проявленій ревности ни передъ Крещеньемъ, ни въ этотъ самый день, и видимыхъ ссоръ между Евграфомъ В. и Агафьею въ эти дни не было. Равнымъ образомъ, никто не замѣчалъ, чтобы Агафья въ это время стояла въ близкихъ отношеніяхъ къ кому либо кромѣ Евграфа, или чтобы она подала какой нибудь поводъ къ ревности въ эти дни. Но неудовольствіе на Агафью за то, что она ушла жить на мызу, Евграфъ В. выражалъ и въ день 6-го января и раньше (л. 30 об.). Въ ночь на Крещеніе обвиняемый ночевалъ на мызѣ, утромъ 6-го января спокойно тамъ позавтракалъ съ работниками и Агафьею (л. 14 и 30) и ушелъ домой. Во 2-мъ часу этого дня Евграфа В. видѣли въ Крупеляхъ: онъ сидѣлъ въ своей избѣ у окна и пѣлъ пѣсни (л. 29). Около 3-хъ часовъ дня работникъ Алексѣй Ивановъ встрѣтилъ Евграфа В. на дорогѣ между Крупелями и мызою, при чемъ Евграфъ В., съ топоромъ за спиною, сойдясь съ Ивановымъ грудь съ грудью (л. 14 об.), сердито посмотрѣлъ на него и спросилъ: «гдѣ Агафья?» — и, получивъ отвѣтъ, пошелъ дальше, «шатаясь», какъ послѣ добавилъ свидѣтель (л. 30 об.). Показаніемъ другаго свидѣтеля (л. 14) установлено, что Евграфъ В. былъ на мызѣ не болѣе $^1/_4$ часа. По его уходѣ былъ найденъ трупъ Агафьи въ помѣщеніи управляющаго, которое отдѣлено отъ помѣщенія для рабочихъ коридоромъ. Обезглавленный трупъ находился на полу посрединѣ комнаты, въ лежачемъ положеніи на спинѣ; одна нога была въ валенкѣ, другая босая, платье было приподнято до колѣнъ и ноги оголены (л. 9 об.). Отрубленная голова находилась въ разстояніи $^5/_4$ аршина отъ шеи; подлѣ трупа лежалъ топоръ. Правая рука, отрубленная въ пле-

чевомъ сочлененіи, держалась лишь на подмышечныхъ мышцахъ; лѣвая рука, отрубленная подъ головкою плечевой кости, имѣла связь съ туловищемъ лишь чрезъ лоскутъ кожи. Кромѣ того на трупѣ оказались слѣдующіе порѣзы: лоскутная рана на лѣвомъ плечѣ и вблизи ея продольная ссадина кожи въ 1 вершокъ; продольная поверхностная рана въ $^3/_4$ вершка на лѣвомъ предплечіи и рана въ 1 вершокъ на ладони правой руки. Мебель, стѣны и потолокъ были обрызганы кровью. По удаленіи лужъ крови на полу, на послѣднемъ найдены слѣды отъ ударовъ топоромъ, числомъ 9 (л. 12). Свидѣтелей преступленія не было: Агафья случайно оставалась на тотъ часъ одна.

§ 10. По личному распросу обвиняемаго и вообще по изученію обстоятельствъ преступленія, дѣяніе Евграфа В. представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Намѣренія убивать Агафью у него вовсе не было. Вскорѣ послѣ полудня того дня онъ выпилъ одну чашку водки и посидѣлъ у окна, распѣвая пѣсни. Затѣмъ ему вздумалось, за неимѣніемъ другаго занятія, сходить на рѣчку къ вятерямъ, — и онъ пошелъ, захвативъ изъ избы топоръ, хотя близъ вятерей у него постоянно имѣлся другой топоръ. Съ собою онъ взялъ топоръ, какъ говоритъ, потому, что имѣлъ въ виду по дорогѣ на рѣчку тайкомъ срубить въ барскомъ лѣсу хвоину, считая, что рубить деревце близъ самой рѣчки въ виду мызы — неудобно: могутъ замѣтить. Дорогою ему пришла мысль — зайдти взглянуть, что дѣлаетъ Агафья; по всей вѣроятности тутъ оказала свое вліяніе полусознаваемая, и, можетъ быть, полубредовая (см. мой § 8) опасливость стараго алкоголика по отношенію къ здоровому и молодому Василію К. Обвиняемый засталъ Агафью въ коридорѣ (л. 43) и между ними началась брань и взаимное попреканіе (л. 18).

Въ теченіи перебранки Агафья изъ коридора перешла въ комнату управляющаго (гдѣ незадолго передъ тѣмъ Марія Л. оставила ее за дѣланьемъ папиросъ); Евграфъ В. послѣдовалъ за нею. Здѣсь, въ пылу ссоры, ему показалось, что мимо растворенной двери кухни прошелъ кто-то въ бѣломъ фартукѣ, и мгновенно въ головѣ обвиняемаго родилось представленіе, что это Василій, который только что имѣлъ съ Агафьею, въ помѣщеніи рабочихъ, бесѣду наединѣ. Этотъ человѣкъ въ бѣломъ фартукѣ не выдумка В. и не совсѣмъ обманъ его чувствъ. Садовникъ Михайло Н. (тоже человѣкъ молодой, хотя и старше К.) какъ разъ въ это время проходилъ, въ бѣломъ фартукѣ, подъ окнами и притомъ такъ, что по направленію могло показаться, будто онъ выходилъ изъ людской (л. 30). Видъ мужчины, ошибочно принятаго за К., привелъ обвиняемаго, уже безъ того сильно возбужденнаго, въ совершенное изступленіе, и онъ не помнитъ, что дальше было. Полное затемнѣніе сознанія (характеризующее высшую точку умоизступленія и соотвѣтствующее отсутствію воспоминанія за это время), повидимому, было у Евграфа В. непродолжительно; но заставляетъ думать, что обвиняемый вполнѣ пришелъ въ сознаніе не въ тотъ моментъ, когда онъ, по совершеніи убійства, бросилъ топоръ, а значительно позже. Такъ, онъ пошелъ прямо отъ трупа своей жертвы къ своимъ вятерямъ не подъ вліяніемъ сознательнаго представленія (нормальный человѣкъ едва-ли бы перешелъ прямо отъ дѣла кровавой и звѣрской расправы къ мысли о рыболовствѣ), но чисто автоматически, и то только потому, что вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ туда идти. По выходѣ изъ людской, Евграфъ В. попался на встрѣчу К. и на вопросъ послѣдняго: куда? — отвѣтилъ: »туда... гулять». Этотъ отвѣтъ присутствія полнаго сознанія еще

не показываетъ: извѣстно, что люди, говорящіе во снѣ, на вопросы даютъ во снѣ соотвѣтственные отвѣты, полнымъ сознаніемъ далеко не обладая. Поэтому можно повѣрить Евграфу В., что этой встрѣчи съ К. онъ совсѣмъ не помнитъ. На рѣчкѣ, суммарно вспомнивъ содѣянное, обвиняемый приготовился броситься въ прорубь (л. 43 об.), но въ этотъ моментъ ему показалось, что его сзади схватили за шею и сейчасъ будутъ вязать, отъ чего на него напалъ сильный страхъ (полагаю, что это какъ разъ то состояніе невмѣняемости, которое въ австрійскомъ уложеніи обозначено словомъ »Sinnesverwirrung«). Въ ужасѣ Евграфъ В. перебѣжалъ черезъ рѣчку и побѣжалъ куда попало, а когда совсѣмъ опомнился, то сначала направился было домой въ Крупели, но вскорѣ разсудилъ »идти съ горя въ кабакъ« и пошелъ въ деревню Жельцы. Въ Жельцахъ онъ былъ задержанъ уже послѣ того, какъ успѣлъ нѣсколько выпить (повидимому — не очень, какъ показываетъ листъ 28). Во время препровожденія изъ Жельцовъ въ Крупели Евграфъ В. всю дорогу пѣлъ пѣсни (л. 25 об.).

§ 11. Такимъ образомъ, на вопросы — въ какомъ состояніи находятся умственныя способности Евграфа В. въ настоящее время и въ какомъ состояніи онѣ находились во время совершенія Евграфомъ В. убійства — я отвѣчу такъ:

I. Евграфъ В. къ числу лицъ сумасшедшихъ или безумныхъ (совершенно лишенныхъ способности опредѣляться въ дѣйствованіи волею) въ обыкновенномъ своемъ состояніи не принадлежитъ. Однако, онъ страдаетъ хроническимъ пораженіемъ головнаго мозга (endarteriitis cerebralis), каковая болѣзнь уже причинила у него извѣстной степени слабоуміе (тѣмъ ограничивъ его »libertas consilii«, т. е. способность непринужденнаго вы-

бора мотивовъ дѣйствованія) и кромѣ того привела его къ случающимся у него черезъ неопредѣленные промежутки времени припадкамъ умопомраченія и совершеннаго безпамятства.

II. Недостаточность психологическихъ мотивовъ и безсмысленная звѣрскость преступнаго дѣла, вся послѣдующая реакція преступника вмѣстѣ съ пробѣлами въ его воспоминаніи — все это, въ совокупности взятое (въ связи съ тѣмъ фактомъ, что припадки умоизступленія и безпамятства у обвиняемаго бывали многократно), доказываетъ, что Евграфъ В. убилъ свою сожительницу Агафью А. въ припадкѣ дѣйствительнаго умоизступленія.

С.-Петербургъ, 16-го октября 1888 г.

Прим. изд. — Въ распорядительномъ засѣданіи С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, 12-го ноября 1888 г., на предложенные судомъ вопросы, въ какомъ состояніи находятся умственныя способности Евграфа В. въ настоящее время и въ какомъ состояніи находились его умственныя способности 6-го января 1888 г. гг. врачи-эксперты отвѣтили, на первый: — „страдаетъ падучею болѣзнію“, и на второй: — „находился въ состояніи умоизступленія, обусловленнаго злоупотребленіемъ спиртныхъ напитковъ и падучею болѣзнію. Заключеніе экспертовъ было принято судомъ и дѣло прекращено согласно 95 ст. Ул. о Нак.

VII. Медицинское заключеніе

о состояніи умственныхъ способностей крестьянина Николая К.,

обвиняемаго въ покушеніи на убійство.

§ 1. Вслѣдствіе опредѣленія 8-го отдѣленія С.-Петербургскаго Окружнаго Суда отъ 10-го іюня сего 1888 г., крестьянинъ Новой Деревни, С.-Петербургскаго уѣзда, Николай К., доставленъ, 22-го іюня, изъ Дома Предварительнаго заключенія въ городскую больницу Св. Николая Чудотворца для судебно-медицинскаго изслѣдованія состоянія его умственныхъ способностей. Испытаніе этого обвиняемаго и спеціальное за нимъ наблюденіе было поручено Главнымъ докторомъ больницы мнѣ, старшему ординатору Кандинскому, при чемъ мнѣ была доставлена возможность просмотрѣть протоколы предварительнаго слѣдствія по дѣлу К. Результаты моего изслѣдованія, вмѣстѣ съ медицинскимъ обсужденіемъ обстоятельствъ дѣла, изложены въ нижеслѣдующемъ.

§ 2. Николай Андреевъ К., 16 лѣтъ отъ роду, невысокаго роста, средняго тѣлосложенія. При поступленіи въ больницу былъ замѣтно блѣденъ (отъ малокровія), но въ больницѣ, при соотвѣтственномъ лѣченіи (препараты желѣза) и хорошей пищѣ, состояніе общаго питанія у него весьма улучшилось. Органы груди и живота у него въ совершенномъ порядкѣ. Симптомовъ какихъ либо, периферическихъ или центральныхъ, разстройствъ нервной дѣятельности у него не оказывается. Рефлексы кожные

и сухожильные нормальны. Дѣятельность органовъ чувствъ правильна, если не считать того, что правымъ ухомъ (вслѣдствіе закупоренія наружнаго слуховаго прохода ушнымъ выдѣленіемъ) испытуемый слышитъ немного хуже, чѣмъ ухомъ лѣвымъ. Мочевой пузырь теперь у него здоровъ и недержаніемъ мочи К. въ настоящее время не страдаетъ. Кости туловища и конечностей у него неправильностей не представляютъ. Но въ черепѣ его существуетъ нѣкоторое уклоненіе отъ нормы, болѣе замѣтное при взглядѣ на испытуемаго въ профиль. Такъ, у него переднетемянная часть свода черепа, не будучи сама по себѣ низкою (разстояніе передняго конца стрѣловиднаго шва отъ середины линіи, соединяющей оба наружныя слуховыя отверстія, = 122 миллиметрамъ) ниже затылочнотемянной части черепнаго свода, ненормально высокой (разстояніе задняго конца стрѣловиднаго шва отъ линіи ушныхъ проходовъ = 123 миллиметрамъ). Всѣ другіе размѣры черепа сравнительно велики, однако, ни абсолютно, ни относительно, изъ границъ, нормальныхъ для славянской расы не выходятъ; горизонтальная окружность черепа = 571 миллиметрамъ; наибольшій продольный размѣръ = 187 мм.; наибольшій поперечный размѣръ = 153 мм.; головной указатель 81,8. Лицевой уголъ чувствительнаго уклоненія отъ нормы не представляетъ. Собственно лобъ, какъ часть лица можетъ показаться у испытуемаго низкимъ (чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ) потому, что волосистая часть головы у К. начинается низко, притомъ же послѣдній имѣетъ привычку высоко поднимать свои брови и морщить лобъ въ поперечныя складки; отъ поднятыхъ бровей и сморщеннаго лба лицо испытуемаго даже при спокойномъ состояніи послѣдняго получаетъ выраженіе напряженнаго вниманія, при опущенныхъ же кромѣ того углахъ рта (огорченіе)

выраженіе его лица дѣлается плаксивымъ. Твердое нёбо и постановка зубовъ неправильности не представляютъ. Зубы рѣдки и ломки; коронки многихъ изъ нихъ (въ особенности трехъ верхнихъ и всѣхъ нижнихъ рѣзцовъ) болѣе или менѣе обломаны. Уши, глаза и прочія части лица безъ особыхъ уклоненій отъ нормы.

§ 3. Въ больницѣ испытуемый ни на что не жаловался и вообще пользовался полнымъ физическимъ здоровьемъ. Никакихъ нервныхъ припадковъ у него не замѣчалось. Приступовъ болѣзненнаго раздраженія, бреда, галлюцинацій у него не было; не было также уклоненій отъ нормы въ сферѣ душевнаго настроенія и рѣзкихъ переходовъ отъ одного настроенія къ другому. Навязчивыхъ представленій и болѣзненныхъ импульсовъ (въ числѣ послѣднихъ и клептоманическія наклонности) у него не замѣчено. По ночамъ испытуемый спалъ достаточно, но иногда, а именно въ первое время пребыванія въ больницѣ (когда испытуемый былъ значительно малокровнѣе, чѣмъ теперь) случалось, что онъ выговаривалъ во снѣ отдѣльныя слова. Поведеніе его ничего нелѣпаго или страннаго собою не представляло. По характеру испытуемый тихъ и ровенъ, но не мраченъ и не угрюмъ. Отъ общенія съ другими арестантами не уклоняется, съ нѣкоторыми изъ товарищей сходился ближе, чѣмъ съ другими. Будучи грамотнымъ, испытуемый не обнаружилъ ни малѣйшей охоты къ чтенію. Лѣность составляетъ видную черту въ характерѣ Николая К. Всѣмъ занятіямъ онъ предпочиталъ въ больницѣ праздную болтовню съ товарищами и игру въ карты. Въ карты — »въ акулины«, »въ дураки«, »въ короли« и даже »въ свои козыри« играетъ удовлетворительно и проигрываетъ не часто. Въ шашки же почти всегда проигрываетъ. Другіе арестанты, даже значительно старше его

возрастомъ, смотрятъ на него, какъ на равнаго себѣ и дуракомъ его вовсе не считаютъ. Если игра въ карты идетъ »на интересъ« (на папиросы), то Николай К., увлекаясь игрою, не терпитъ ни помѣхи со стороны, ни недостаточно серьезнаго отношенія къ игрѣ у партнеровъ; по этому, за картами у него иногда бывали легкія перебранки съ товарищами, и однажды испытуемый, разсердившись на непрошенное вмѣшательство сторонняго лица, нанесъ послѣднему (арестантъ П—ковъ значительно старше Николая К.) ударъ по затылку. Впрочемъ эта гнѣвная вспышка, самая сильная изъ всѣхъ замѣчавшихся у испытуемаго въ больницѣ, вполнѣ имѣла характеръ аффекта физіологическаго. Первое время пребыванія въ больницѣ, пока не было привычки къ новой обстановкѣ и новымъ лицамъ, Николай К. имѣлъ нѣсколько плаксивый видъ и непремѣнно начиналъ плакать, когда съ нимъ заводили рѣчь о содѣянномъ имъ въ день 25-го марта. Однако это были обыкновенныя (если угодно, дѣтскія) слезы, а не какой-либо нервный припадокъ. Впослѣдствіи испытуемый потерялъ свой прежній плаксивый видъ; однако, и теперь заплачетъ, если предложить ему вопросъ въ родѣ слѣдующихъ: зачѣмъ онъ накинулъ петлю на шею Васильевой, или — какая по его мнѣнію участь ожидаетъ его дальше? Къ ученію испытуемый неспособенъ, частію по лѣности и отсутствію интереса къ дѣлу, частію по ограниченности своихъ умственныхъ способностей. Впрочемъ, онъ умѣетъ читать, писать и считать. Всѣхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій онъ теперь не знаетъ и вообще многое изъ того, чему раньше учился, успѣлъ перезабыть. Можетъ сложить въ умѣ не только 15 и 25, но и 80 и 75. Мелкія деньги считаетъ бойко. Таблицу умноженія помнитъ нетвердо. Изъ выученныхъ прежде молитвъ удо-

влетворительно говоритъ наизусть лишь молитвы короткія; »Вѣрую« же можетъ сказать изъ пятаго въ десятое. Событія своей жизни Николай К. помнитъ достаточно. Помнитъ также день Благовѣщенья и канунъ этого дня. Въ сужденіяхъ испытуемаго, по сравненію съ людьми его возраста и того же общественнаго положенія, ничего особеннаго не видно. На предлагаемые вопросы отвѣчаетъ достаточно быстро и отвѣты его обыкновенно толковы. Однако, при ближайшемъ его изученіи, можно замѣтить у него недостатокъ сообразительности и собственно это обстоятельство и не позволяетъ ему хорошо играть въ шашки. О высшихъ функціяхъ ума и воли, при умственной неразвитости и природной ограниченности испытуемаго, конечно, не можетъ быть и рѣчи; систематизированныхъ религіозныхъ представленій, отчетливыхъ и твердыхъ нравственныхъ понятій здѣсь мы, разумѣется, не найдемъ. Впрочемъ, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ лишенъ нравственнаго чувства. У него есть нѣкоторый кодексъ морали,—смѣсь нравственныхъ представленій, полученныхъ изъ разныхъ источниковъ,—изъ семьи, изъ общества сверстниковъ, изъ товарищества школьнаго и арестантскаго. Такъ онъ выразилъ мнѣ непритворное возмущеніе, когда я однажды высказалъ ему существовавшее противъ него прежде подозрѣніе, что ему, въ бытность въ школѣ, случалось уворовывать у товарищей карандаши и т. п. мелочь. Онъ понимаетъ непозволительность такихъ дѣяній, какъ грубое тѣлесное насиліе другому лицу, грабежъ, кража, мошенничество, Знаетъ, что за дѣянія, закономъ воспрещенныя, обыкновенно слѣдуетъ наказаніе, при чемъ ему, повидимому, не безъизвѣстно, что къ людямъ глупымъ законъ и власти относятся снисходительнѣе. Поэтому, онъ (какъ мнѣ кажется по крайней мѣрѣ)

при случаѣ не прочь изобразить изъ себя дурака большаго, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

§ 4. Николай К., онъ же Аким., родился 2-го мая 1872 г. (церковная справка); лишился матери, будучи 5 лѣтъ отъ роду, и росъ, какъ видно изъ показанія отца, безъ достаточнаго призора и руководительства (пр. слѣд. л. 26). Наслѣдственнаго предрасположенія къ нервнымъ и психическимъ заболѣваніямъ у него, повидимому, не имѣется (л. 35 и 36). Родные дяди его, по отцу, Илья и Семенъ, сильно пьянствовали и впадали въ бѣлую горячку, при чемъ Илья кончилъ жизнь самоповѣшеніемъ, но самъ отецъ не пьяница. Обвиняемый три года (1881—1884) учился въ земской школѣ, былъ въ двухъ классахъ; во второмъ классѣ пробылъ два года и все таки не былъ годенъ къ переводу въ слѣдующій классъ, почему и долженъ былъ выйдти изъ школы. Въ школѣ онъ былъ очень лѣнивъ и малоспособенъ, держалъ себя неряшливо и мало обращалъ вниманія на дѣлаемые ему замѣчанія и выговоры (л. 31). Своему учителю (л. 31), старшему брату (л. 27 об.), дядѣ по отцу (л. 38) онъ казался придуроковатымъ и неразумнымъ. Съ другой стороны, отецъ о придуроковатости Николая не упоминалъ, а дядя по матери, Брусникинъ, этой придуроковатости вовсе не замѣчалъ (л. 37). Прежде Николай К. страдалъ недержаніемъ мочи, но изъ школы его заставили выйдти (какъ я убѣдился изъ словъ его самого) не эта болѣзненная особенность, а прямо неохота и неспособность къ ученію. По выходѣ изъ школы обвиняемый жилъ съ отцемъ и помогалъ послѣднему въ его работахъ, главнымъ образомъ въ рыболовствѣ. Водки не пилъ, но пиво по праздникамъ пивалъ; отъ одной бутылки пива (какъ онъ самъ объяснилъ мнѣ) не пьянѣетъ, но послѣ бутылки съ половиною чувствуетъ уже,

что хмѣль вступаетъ въ голову; больше двухъ бутылокъ подъ рядъ ему не случалось пить. Въ послѣднее время Николай К. дружилъ со сверстниками своими, крестьянами Яковомъ Кар. и Петромъ Тих., которые ничего особеннаго въ немъ не замѣчали и дуракомъ его не считали (л. 32 и об.). Никогда и никѣмъ не замѣчалось за нимъ временнаго умственнаго разстройства, равно и какихъ-либо ненормальныхъ склонностей и побужденій.

§ 5. Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что обвиняемый принадлежитъ къ числу лицъ съ ограниченными отъ природы умственными способностями. Причинной связи между умственною недостаточностью Николая К. и неправильностью въ образованіи у него черепнаго свода я не вижу, такъ какъ неправильность у него имѣется въ затылочной, а не въ лобной половинѣ черепа. Тѣмъ не менѣе представляется вопросъ, въ какую категорію отнести обвиняемаго,—къ лицамъ безумнымъ отъ рожденія или къ лицамъ лишь въ извѣстной мѣрѣ слабоумнымъ. Безумные отъ рожденія (идіоты) совершенно ни къ чему непригодны, ихъ безуміе для всякаго очевидно, они совсѣмъ не понимаютъ значенія и свойства своихъ дѣйствій. Что же касается до Николая К., то онъ могъ кое чему научиться и трудно не видѣть, что къ обыкновеннымъ функціямъ чернорабочаго простолюдина онъ вполнѣ пригоденъ. Неразумнымъ и дурачкомъ онъ казался не всѣмъ лицамъ, находившимся съ нимъ въ общеніи, ближніе же товарищи его большой глупости въ немъ не видятъ. Несмотря на нѣкоторый недостатокъ сообразительности и на малую способность къ ученью (въ неуспѣшности ученья отчасти имѣла значеніе и природная лѣность обвиняемаго), онъ не совсѣмъ лишенъ умственнаго развитія, такъ что въ этомъ отношеніи по сравненію его съ малограмотными сверстниками изъ бѣд-

ныхъ семействъ, онъ очень рѣзкой разницы въ настоящее время не представитъ. Этимъ, разумѣется, не исключается возможность оставаться ему навсегда на той точкѣ умственнаго развитія, на которой онъ находится теперь, ибо у лицъ съ атипичнымъ черепомъ остановка умственнаго развитія не всегда всецѣло приходится на годы ранняго дѣтства. Способности понимать свойство своихъ дѣйствій (помимо дѣйствій такихъ, какъ покушеніе на убійство) въ немъ отрицать трудно. Поэтому я не считаю обвиняемаго безумнымъ (отъ рожденія), но нахожу въ немъ извѣстную степень природнаго слабоумія. Слабоуміе всегда предполагаетъ собою невыработавшійся характеръ и слабую волю; оно отражается на дѣйствованіи тѣмъ, что дѣлаетъ человѣка болѣе податливымъ по отношенію къ своекорыстнымъ, низменнымъ или нелѣпымъ побужденіямъ.

§ 6. Николай К. жилъ въ Новой Деревнѣ вмѣстѣ со своимъ отцомъ. Черезъ три дома отъ избы отца К. находятся дома серебрянаго цеха мастера Александра Иванова Скворцова, изъ которыхъ въ одномъ жилъ самъ хозяинъ съ взрослою дочерью Клеопатрою и старухою служанкою Анною Васильевою. Отецъ и братъ обвиняемаго, случалось, работали на Скворцова и потому послѣдній ихъ зналъ; Скворцову прежде, повидимому, приходилось видѣть и самого обвиняемаго. Что же касается до Анны Васильевой, то она Николая К. не знала. Обвиняемый, какъ видно, былъ знакомъ (по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ) съ образомъ жизни Скворцова и зналъ составъ его семейства.—Вечеромъ 24 марта сего года Анна Васильева оставалась въ домѣ одна: Клеопатра Александровна уѣхала съ утра въ городъ и должна была тамъ ночевать, а Александръ Ивановичъ въ 7 час. вечера ушелъ въ церковь. Черезъ малое время по уходѣ

хозяина въ домъ явился неизвѣстный для Анны Васильевой парень, который, узнавъ отъ Васильевой. что хозяина нѣтъ дома, не хотѣлъ объяснить для чего ему нужно Скворцова, нѣсколько минутъ постоялъ въ передней и все заглядывалъ (л. 23 об.) черезъ дверь въ зало, гдѣ горѣла лампада; затѣмъ онъ вышелъ на лѣстницу и сталъ тамъ (какъ показалось Васильевой) что-то возиться; когда Васильева вышла изъ кухни, онъ сбѣжалъ съ лѣстницы и исчезъ. На другой день (это было Благовѣщенье, день особенно чтимый мѣстными обывателями, какъ престольный церковный праздникъ) Скворцовъ, оставивъ Васильеву опять одну, ушелъ около $10^1/_4$ ч. дня къ обѣднѣ и не возвращался домой довольно долго, ибо служба въ церкви въ этомъ день очень длинная. Около $10^1/_2$ ч. дня въ домъ Скворцова вторично пришелъ парень, являвшійся наканунѣ,—т. е. Николай К. Получивъ на свой вопросъ (въ этотъ разъ онъ спросилъ Васильеву—дома-ли барыня) отрицательный отвѣтъ, онъ остался, молча, стоять въ прихожей близъ входной двери, прислонившись къ стѣнѣ и держа правую руку подъ мышкою лѣвой стороны (л. 3 об.), причемъ ждалъ такъ около получаса. Возможно, что въ это время старуха, хлопотавшая около плиты, ворчала на него, что онъ ходитъ искать хозяина какъ будто нарочно въ то время, когда всѣ добрые люди въ церкви. Наконецъ, Васильева вышла въ прихожую и обернулась спиною къ Николаю К., намѣреваясь зачерпнуть ковшемъ воды изъ кадки. Въ этотъ моментъ Николай К. набросилъ ей на шею веревочную петлю и затягивая петлю, началъ бить старуху кулакомъ по головѣ. Васильева, крича, упала (она во время успѣла просунуть обѣ руки въ петлю и тѣмъ не позволила сильно стянуть своей шеи), а Николай К. въ этотъ моментъ былъ уже за порогомъ кухни

и тянулъ туда веревку петли. На лай собачки въ комнатѣ отозвалась изъ сѣней другая собака и тогда Николай К., оставивъ петлю на шеѣ Васильевой, перешагнулъ черезъ лежавшую на полу старуху и убѣжалъ.— Отецъ К. ни въ этотъ день, ни наканунѣ не замѣчалъ въ Николаѣ ничего особеннаго. Когда, возъимѣвъ подозрѣніе на Николая К., приставъ Лѣснаго участка прибылъ въ домъ его отца, то обвиняемый былъ найденъ спрятавшимся подъ избою брата. При дознаніи Николай К. (показанія пристава и Скворцова) сознался въ томъ, что пытался задушить Васильеву, но тутъ же, испугавшись, началъ просить у потерпѣвшей прощенія, при чемъ разрыдался такъ, что не могъ подписать протокола. Но судебному слѣдователю обвиняемый показалъ, что онъ накинулъ петлю на шею Васильевой не для того, чтобы задушить старуху и обобрать квартиру, а лишь для того, чтобы попугать Васильеву (л. 11 об.). По его объясненію, желаніе попугать старуху и вмѣстѣ съ тѣмъ побить ее пришло ему въ голову внезапно, но зла на Васильеву онъ никакого не имѣлъ. Веревка была снята Николаемъ К. съ двери Скворцовскаго ледника, и притомъ (если вѣрить словамъ обвиняемаго) не 24-го, а 25-го марта; къ Скворцову же обвиняемый приходилъ будто бы въ надеждѣ выпросить у него себѣ работы. Совершенно такъ же какъ у слѣдователя (даже почти тѣми же самыми словами) обвиняемый обяснялъ свой поступокъ и мнѣ, при чемъ отвѣты на вопросы касательно своего дѣянія давалъ лаконично и весьма неохотно. Пробѣловъ въ воспоминаніи относительно хотя бы небольшой части изъ того, что дѣлалъ обвиняемый во весь день 25-го марта, я не могъ обнаружить.

§ 7. При обсужденіи противозаконнаго дѣянія Николая К. я строго ограничиваюсь соображеніями чисто меди-

цинскими. Какъ видно изъ предварительнаго слѣдствія, лица, видѣвшія Николая К. въ самый день 25-го марта, равно и наканунѣ, а также 26-го марта, ничего особеннаго (за исключеніемъ рыданій при допросѣ 26 числа) въ немъ не замѣтили. Навязчивыхъ представленій и импульсивныхъ болѣзненныхъ побужденій (не говоря уже о приступахъ временнаго сумасшествія) наблюденіе въ больницѣ у него не открыло и на временныя психическія разстройства (хотя бы и элементарныя) нѣтъ и намека въ показаніяхъ родственниковъ. Конечно, если въ данномъ случаѣ логически исключатся возможные непатологическіе мотивы дѣйствованія, то останется принять, что Николай К. учинилъ свое дѣяніе въ зависимости отъ ничѣмъ немотивированнаго (и тѣмъ самымъ ненормальнаго) намѣренія попугать и побить старуху. Глупая мысль или зловредное намѣреніе могутъ внезапно явиться и въ головѣ здороваго человѣка въ извѣстной мѣрѣ слабоумнаго. Но у нормальнаго человѣка глупыя мысли и зловредныя намѣренія не непремѣнно ведутъ къ дѣйствованію, ибо вслѣдъ за ними въ головѣ человѣка являются представленія задерживающія. Слабоумные же люди вообще наклонны къ дѣйствованію безъ разсужденія, по первому побужденію, хотя бы послѣднее само по себѣ и не было явленіемъ прямо патологическимъ. Даже имѣя возможность понимать непозволительность извѣстнаго дѣянія, слабоумный субъектъ совершитъ такое дѣяніе скорѣе, чѣмъ субъектъ нормальный, по причинѣ слабости своей воли, т. е. по причинѣ меньшей возможности противопоставить влекущему къ дѣлу побужденію представленія исправляющія и задерживающія.

§ 8. Такимъ образомъ, относительно состоянія умственныхъ способностей обвиняемаго я могу выразиться лишь такъ:

I. Николай К. сумасшествіемъ не одержимъ. Не будучи, строго говоря, безумнымъ, онъ однако въ извѣстной мѣрѣ слабоуменъ отъ природы.

II. Въ день 25-го марта сего года Николай К. находился въ своемъ обыкновенномъ состояніи.

С.-Петербургъ 10-го ноября 1888 года.

Прим. изд.—При освидѣтельствованіи Николая К. въ распорядительномъ засѣданіи С.-Петербургскаго Окружнаго Суда 10-го декабря 1888 г., на вопросы о состояніи умственныхъ способностей его, Николая К., въ настоящее время и 25-го марта 1888 г. (во время совершенія преступленія) гг. врачи-эксперты отвѣтили: „кромѣ нѣкоторой, повидимому, прирожденной слабости умственныхъ способностей ненормальностей Николай К. не представляетъ, въ каковомъ состояніи находился, по всему вѣроятію, и 25-го марта 1888 г.“ Заключеніе это было принято судомъ и при разсмотрѣніи дѣла въ судебномъ засѣданіе гг. присяжные засѣдатели признали К. виновнымъ въ покушеніи на разбой, но дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія, почему онъ на основаніи 1629 ст. Улож. о Нак. и др. присужденъ къ заключенію въ монастырь на 3 года и 4 мѣсяца.

VIII. Медицинское заключеніе

о состояніи умственныхъ способностей крестьянина Ф. И.,

обвиняемаго въ убійствѣ.

§ 1. Вслѣдствіе опредѣленія 8-го отдѣленія С.-Петербургскаго Окружнаго Суда отъ 10-го іюня сего 1888 года, крестьянинъ Л-скаго уѣзда Г-ской волости деревни С-но Ф. И. доставленъ, 22-го іюня, изъ С.-Петербургской пересыльной тюрьмы въ городскую больницу Св. Николая Чудотворца, для изслѣдованія состоянія его умственныхъ способностей. Судебно-медицинское испытаніе этого обвиняемаго было поручено Главнымъ докторомъ больницы мнѣ, старшему ординатору Кандинскому, при чемъ мнѣ была дана возможность ознакомиться съ обстоятельствами дѣла Ф. И. по протоколамъ предварительнаго слѣдствія. Результаты моего изслѣдованія, вмѣстѣ съ медицинскимъ обсужденіемъ обстоятельствъ преступленія, изложены мною въ нижеслѣдующемъ; при этомъ нахожу нелишнимъ впередъ сказать, что нѣкоторая объемистость сего отчета всецѣло обусловливается особенностями даннаго случая, въ судебно-медицинскомъ отношеніи довольно труднаго, и кромѣ того настойчивою симуляціею испытуемаго.

§ 2. Крестьянинъ Ф. И., 30-ти лѣтъ отъ роду, средняго роста, хорошаго тѣлосложенія. Состояніе общаго питанія у него вполнѣ удовлетворительно и въ послѣднее время онъ обнаружилъ рѣшительную на-

клонность полнѣть. Признаковъ, въ которыхъ выражается на индивидуумѣ процессъ фамильнаго вырожденія, равно какъ и вообще природныхъ неправильностей въ строеніи тѣла у испытуемаго не замѣчается. Внутренніе органы у него всѣ нормальны, за исключеніемъ печени, которая при перкуссіи оказывается весьма замѣтно увеличенною въ объемѣ. Парэтическихъ и судорожныхъ явленій, равно какъ разстройствъ чувствительности у него нѣтъ. Рефлексы кожные и сухожильные нормальны. Слѣдовъ сифилиса у испытуемаго не имѣется, и, повидимому, онъ никогда не страдалъ этою болѣзнію. Соотвѣтственно 1-му спинному позвонку (наиболѣе выстоящее мѣсто спины) у Ф. И. на пространствѣ 3-хъ квадр. центиметровъ находится хроническая припухлость кожи и подкожной клѣтчатки и поверхность кожи въ этомъ мѣстѣ является слегка покраснѣвшею. На затылкѣ, въ наиболѣе выдающемся мѣстѣ задней поверхности головы, на пространствѣ 1 квадр. центиметра волосы были вытерты и кожа въ этомъ мѣстѣ тоже была припухшею. Опухлость кожи и подкожной клѣтчатки въ двухъ только что указанныхъ мѣстахъ была наиболѣе рѣзко выражена при поступленіи Ф. И. въ больницу и сразу трудно было понять ея происхожденіе, но впослѣдствіи я убѣдился, что это ничто иное какъ результатъ механическаго давленія на эти мѣста: Ф. И. со времени ареста усвоилъ себѣ привычку постоянно лежать на спинѣ и въ бытность свою въ Л-ской тюрьмѣ днемъ много лежалъ на голыхъ доскахъ наръ, при чемъ въ указанныхъ, наиболѣе выстоящихъ точкахъ задней поверхности тѣло Ф. И. давило на доски всего сильнѣе. Лице у испытуемаго румяное; это частію выраженіе полнаго физическаго здоровья Ф. И. (послѣдній ближе къ полнокровію, чѣмъ къ малокровію), частію же обусловливается первою степенью

кожнаго пораженія, называемаго acne rosacea, весьма обыкновеннаго у лицъ, долгое время и постоянно употреблявшихъ спиртные напитки. Такъ, поверхность кожи на носу и щекахъ Игнатьева замѣтно шелушится и на общемъ, розоватомъ, фонѣ этой поверхности усматривается масса нѣсколько выстоящихъ маленькихъ плоскихъ пятенъ, тѣсно расположенныхъ между собою, интенсивно краснаго цвѣта. Разбросанныя таковыя же пятна, но въ зачаточномъ видѣ, усмотрѣны мною также на лбу и на подбородкѣ испытуемаго. На выдающихся точкахъ лица (конецъ носа и скулы) можно кромѣ того видѣть инъецированные мелкіе сосуды въ сильно извитомъ видѣ. При рѣзкомъ переходѣ изъ одной температуры въ другую, при душевныхъ волненіяхъ у испытуемаго цвѣтъ лица становится, вслѣдствіе усиленнаго кровенаполненія этихъ пораженныхъ участковъ кожи (хроническое воспаленіе поверхности кожи) краснѣе обыкновеннаго, и тогда Ф. И. (какъ онъ иногда самъ говорилъ это) чувствуетъ въ этихъ мѣстахъ кожи лица легкое жженіе или покалываніе. Эта накожная болѣзнь (acne rosacea) должна быть отмѣчена, во-первыхъ, потому что она наряду съ увеличеніемъ печени даетъ поводъ подозрѣвать давнюю приверженность испытуемаго къ спиртнымъ напиткамъ, во-вторыхъ же и потому, что лица, увидавшія Ф. И. первый разъ или обозрѣвшія его поверхностно, найдя его носъ и щеки ненормально красными, ошибочно могутъ принять это за выраженіе вазомоторнаго разстройства и допустить на основаніи этого у испытуемаго приливы крови къ головному мозгу. Глаза испытуемаго ничего особеннаго не представляютъ; соединительная оболочка глазъ въ общемъ не полнокровна, но на ней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны зигзагообразно извитые сосуды въ направленіи отъ периферіи къ роговой оболочкѣ. Это

явленіе зависитъ отъ повторныхъ мѣстныхъ застоевъ крови и тоже имѣетъ прямую связь съ пьянствомъ.

§ 3. Первую недѣлю своего пребыванія въ больницѣ Ф. И. былъ совершенно спокоенъ, ни на что не жаловался, на всѣ вопросы давалъ правильные отвѣты, разсказывалъ о своей прежней жизни разумно и обстоятельно. Съ прочими арестантами сходился мало; много лежалъ въ постели. Ѣлъ съ прекраснымъ аппетитомъ, спалъ превосходно.

Между 1-мъ и 15-мъ іюля за испытуемымъ замѣчено слѣдующее. Ежедневно жаловался врачу, что у него постоянно болитъ голова, или что у него въ головѣ дурнота. Съ объективной стороны онъ былъ совершенно нормаленъ, но иногда соединительная оболочка глазъ у него являлась гиперэмированною и лице было краснѣе обыкновеннаго. Замѣчено, что передъ визитаціею онъ натираетъ себѣ глаза, носъ и щеки руками, одѣяломъ или рукавомъ халата, а также, что онъ передъ приходомъ врача лежитъ нѣкоторое время на кровати такъ, чтобы голова его была свѣшена внизъ. Наблюдающему врачу (т. е. мнѣ) онъ говорилъ, что въ настоящее время, помимо головной боли, онъ, Ф. И., вполнѣ здоровъ; однако настойчиво выставлялъ мнѣ на видъ, что временами на него «находитъ затмѣніе», и онъ бываетъ «совсѣмъ какъ сумасшедшій;» кромѣ того, онъ старательно обращалъ мое вниманіе на то обстоятельство, что онъ, Ф. И., полнокровенъ и весьма подверженъ приливамъ крови къ головѣ. Объективно приливовъ крови къ мозгу у него не наблюдалось. — Ѣлъ онъ весьма исправно; спалъ ночью прекрасно, несмотря на обычный для него послѣобѣденный сонъ. На вопросы отвѣчалъ спокойно и разсудительно; хорошо помнилъ свое прошлое; никакихъ особыхъ странностей не обнаруживалъ. Въ эти двѣ не-

дѣли онъ днемъ сравнительно мало лежалъ на кровати, ежедневно гулялъ въ саду и по коридорамъ. Не принимая участія въ развлеченіяхъ своихъ товарищей (игра въ карты и въ шашки), онъ не всѣхъ чуждался, напротивъ, велъ бесѣды съ помощниками надзирателя и особенно по долгу объяснялся съ однимъ изъ этихъ помощниковъ, при чемъ являлся полѣднему субъектомъ вполнѣ разумнымъ. Изъ арестантовъ онъ охотно бесѣдовалъ съ двоими; изъ нихъ одинъ (человѣкъ, въ моихъ глазахъ, безвредный) — крестьянинъ одного уѣзда съ Ф. И., вмѣстѣ съ послѣднимъ былъ въ Л-ской тюрьмѣ и одновременно съ нимъ доставленъ въ больницу; что касается до другаго изъ этихъ арестантовъ (бывшій фельдшеръ и, по моему мнѣнію, если не вполнѣ, то на половину притворщикъ), то этому сотоварищу я не безъ основаній приписываю вліяніе на дальнѣйшее поведеніе Ф. И.

Между 15-мъ іюля и 20-мъ августа за испытуемымъ замѣчалось слѣдующее. Ф. И., объективно ничего болѣзненнаго не представляя, началъ жаловаться, что у него всякое мѣсто болитъ и что онъ по ночамъ спитъ очень мало, не больше двухъ, трехъ часовъ. Назначивъ за нимъ особо бдительный надзоръ по ночамъ, я убѣдился, что его увѣренія относительно безсонницы находятся въ полномъ несогласіи съ дѣйствительностью; о тѣхъ ночахъ, когда испытуемый, по своимъ словамъ, спалъ часа два или того меньше, дежурный надзиратель или его помощники докладывали мнѣ, что Ф. И. спалъ 7—9 часовъ и, кромѣ того, въ тѣ же сутки онъ обыкновенно спалъ 1—2 часа днемъ. Въ теченіи этого мѣсяца мнѣ самому однажды случилось застать испытуемаго на кровати, со свѣшенною внизъ головою (для произведенія усиленной красноты въ лицѣ). Въ другой разъ я нашелъ у него носъ до того посинѣвшимъ

и вмѣстѣ съ тѣмъ распухшимъ (щеки тоже были усиленно красны), что чрезмѣрное стараніе Ф. И. тереть или мять эту часть своего лица стало для меня очевиднымъ. И дѣйствительно мнѣ тогда удалось добиться отъ сконфуженнаго моими словами испытуемаго, что онъ иногда третъ себѣ носъ и щеки рукавомъ халата и даже трется лицемъ о стѣну, ибо ему «такъ легче,»—уменьшается жженіе, чувствуемое имъ въ кожѣ лица (при кожной болѣзни, называемой acne rosacea, ощущеніе жженія въ пораженныхъ мѣстахъ кожи дѣйствительно бываетъ). Далѣе, испытуемый началъ затыкать себѣ уши пальцами, объясняя, что слышитъ шумъ въ ушахъ. Путемъ переспроса мнѣ удалось выяснить, что шумъ въ ушахъ у него слышится только тогда, если онъ крѣпко заткнетъ себѣ уши пальцами (при этомъ условіи и нормально можно услышать шумъ), иначе въ ушахъ его никакого шума нѣтъ. Я посовѣтовалъ ему не совать пальцы въ уши и черезъ нѣсколько дней онъ мнѣ сказалъ, что онъ послѣдовалъ моему совѣту и шума въ ушахъ у него теперь нѣтъ. — Въ день поступленія въ больницу Ф. И. между прочимъ объяснилъ принимавшему его врачу (будучи тогда на видъ совершенно нормаленъ), что иногда ему «видятся какіе-то чудаки, пляшущіе какъ дьяволы». И вотъ однажды (именно 17-го іюля) на мой вопросъ не мерещится-ли ему что нибудь передъ глазами, испытуемый отвѣчалъ: «да, мерещится . . . . я и сейчасъ вижу разныхъ чудаковъ». Тогда я вдругъ пригласилъ его поскорѣе пересчитать, сколько чудаковъ онъ въ настоящую минуту видитъ въ комнатѣ; Ф. И. вслухъ началъ считать «одинъ . . . два . . . три», переводя глаза съ одного на другаго изъ дѣйствительно находившихся въ комнатѣ лицъ (кромѣ его и меня въ палатѣ тогда были надзиратель и двое арестантовъ), за-

тѣмъ, остановя взглядъ на мнѣ, сосчиталъ «четыре» и, замѣтивъ мою усмѣшку, сконфуженно прибавилъ: «пять, я самъ пятый». Такимъ образомъ то, что могло быть принято за галлюцинацію зрѣнія, таковою вовсе не оказалось. Вообще подлинныхъ галлюцинацій я у Ф. И. не могъ констатировать. Въ этотъ періодъ своего пребыванія въ больницѣ испытуемый мало вступалъ въ разговоры съ окружающими (однако, въ общеніи съ вышеупомянутымъ арестантомъ, бывшимъ фельдшеромъ, бывалъ замѣченъ), имѣлъ видъ серьезный, но спокойный, въ садъ ходилъ неохотно, больше пребывалъ на своей койкѣ, при чемъ (какъ уже сказано) довольно много спалъ. Симптомовъ прилива крови къ мозгу и разстройствъ въ сосудодвигательной системѣ я не могъ усмотрѣть у него.

Съ вечера 20-го августа испытуемый вдругъ началъ (если употребить его собственное выраженіе) «бунтовать». Это бунтованіе состояло въ говореніи безсвязнаго набора фразъ, въ маршированіи изъ угла въ уголъ, въ маханіи руками, въ качаніи головою и всѣмъ корпусомъ, а также въ поползновеніи рвать платье и бѣлье. Бунтованіе не было неперерывнымъ, но повторялось ежедневно или съ неправильными промежутками въ 1—3 дня, часъ, два утромъ и приблизительно столько же вечеромъ, иногда только утромъ, иной разъ только вечеромъ; замѣчено, что оно возобновлялось именно тогда, когда испытуемый могъ думать, что за нимъ наблюдаютъ надзиратель или помощники послѣдняго. Въ моемъ же присутствіи Ф. И. и въ этотъ періодъ долгое время оказывался совершенно спокойнымъ и вполнѣ разсудительнымъ. По ночамъ испытуемый не шумѣлъ, и за весьма рѣдкими исключеніями, спалъ 6—8 часовъ и кромѣ того почти ежедневно спалъ еще утромъ или послѣ обѣда. Шумѣвшаго Ф. И. при-

ходилось изолировать въ отдѣленіи для буйныхъ больныхъ и временами (когда онъ обнаруживалъ наклонность рвать платье и бѣлье) его одѣвали въ смирительный камзолъ. За все время «бунтованія» объективно я не могъ замѣтить въ Ф. И. ничего особеннаго. Вазомоторныхъ разстройствъ мнѣ не приходилось констатировать; глаза, щеки и носъ испытуемаго въ это время не были особенно красны, ибо при усиленномъ надзорѣ, а равно и при примѣненіи камзола Ф. И. было неудобно натирать себѣ лице.

Находя испытуемаго, кромѣ его «бунтованія» обыкновенно вполнѣ спокойнымъ и могущимъ объясняться совершенно удовлетворительно, я, на свой вопросъ что съ нимъ было, получилъ въ разное время слѣдующіе отвѣты: «я ничего не помню», «я былъ въ затмѣніи, ровно какъ сумасшедшій и ничего не понималъ»; «мнѣ снилось (во время «затмѣнія», т. е. на яву) и снилось разное». При распросахъ же относительно подробностей, а равно и при выставленіи ему на видъ противорѣчивости или прямой неправды (напримѣръ, относительно безсонницы) въ его объясненіяхъ, испытуемый обыкновенно говорилъ: «не могу знать». Лишь одинъ разъ Ф. И., на мой вопросъ что именно снилось ему на яву, отвѣчалъ: «мнѣ снилось все больше про Германію», а затѣмъ снова сталъ отдѣлываться фразою: «не могу знать».

Въ этотъ періодъ своего пребыванія въ больницѣ Ф. И. днемъ приходилось (пока я не нашелъ нужнымъ рекомендовать относительно его болѣе полную изоляцію) находиться посреди буйныхъ больныхъ и по мѣрѣ того, какъ онъ имѣлъ возможность наблюдать дѣйствительныя проявленія остраго психическаго разстройства (именно маніакальнаго неистовства) онъ становился смѣлѣе и сталъ пробовать сначала робко, а потомъ рѣшительнѣе, «бун-

товать» и «чудить» и при мнѣ. Такъ, объективно ничего другаго не представляя, онъ въ моемъ присутствіи пробовалъ маршировать по комнатѣ, дѣлать, стоя на мѣстѣ, качательныя движенія изъ стороны въ сторону туловищемъ, вертѣть головою направо и налѣво въ лежачемъ положеніи на спинѣ. Однако, и въ это время со мною онъ говорилъ здраво и лишь былъ въ своихъ отвѣтахъ остороженъ и уклончивъ. На мои слова: отчего онъ, Ф. И., не говоритъ и при мнѣ, какъ безъ меня, нелѣпицы, испытуемый отвѣчалъ мнѣ въ такомъ родѣ: «теперь у меня никакихъ словъ нѣту»; «я много говорилъ давеча,— всѣ кругомъ слышали». Иногда при этомъ онъ обнаруживалъ интересъ къ тому, доходитъ-ли до моего свѣдѣнія, какъ онъ велъ себя въ «сумасшествіи» и вообще обращается-ли достаточное вниманіе на проявленія его болѣзни. — Разъ я ему объяснилъ, что мнѣ желательно было бы самому слышать, какъ онъ заговаривается; тогда испытуемый, медленно выступая по комнатѣ и мѣрно взмахивая руками кверху, началъ выкрикивать: «мужики, бабы... мужики, бабы» и т. д. Другихъ словъ у Ф. И. тогда не нашлось при мнѣ, да и не находилось еще довольно долгое время. Утромъ 10-го сентября я засталъ испытуемаго одѣтымъ въ камзолъ, ибо передъ самымъ моимъ приходомъ онъ «бунтовалъ» особенно энергично. Приказавъ его развязать, я сѣлъ подлѣ него съ записною книжкою и пригласилъ Ф. И. «бунтовать» словами, чтобы я могъ записать его безсмысленныя рѣчи. Тогда испытуемый (видимо подъискивая слова и временами останавливаясь отъ незнанія, что говорить дальше) произнесъ, дословно, слѣдующее: «Ну, пиши!.. Ну, вотъ я, связанный — развязанный теперича сталъ... За четырнадцать королей на два мѣсяца, если понравится... мнѣ, ежели понравится, то я готовъ такъ хоть на де-

сять лѣтъ... Василій Федоровичъ... Туркестанская область... Ну... Василій Федоровичъ полугенералъ, теперича составитъ — полный генералъ... Это первой... Второй, — Василій Фроловъ, саженный въ конвой Его Величества, двадцать четыре человѣка, старшій одинъ здѣсь... Третій — Василій Яковлевъ... Четвертый... — четвертый, младшій, Василій Потаповъ... Ну... потомъ я самъ, Ф. И., во имя Отца и Сына и св. Духа, а не х.я (это нецензурное выраженіе прибавлено тихимъ голосомъ съ нѣкоторою робостью)... Придите вси вѣрніи, еб..а мать... Аминь! Больше у меня не говорится». На мое замѣчаніе относительно странности примѣшивать къ молитвеннымъ словамъ недозволительныя бранныя выраженія, испытуемый заключилъ «это для меня теперь — все одно что матюкъ... Будетъ!.. усталъ, больше тебѣ теперича ничего не скажу.» — Въ приведенной рѣчи Ф. И., послѣдній обращается ко мнѣ «на ты». Но такая фамильярность далась ему не сразу; въ первый разъ онъ попробовалъ (въ отвѣтъ на мое приглашеніе побуйствовать въ моемъ присутствіи), съ видомъ напускной фамильярности, отнестись ко мнѣ «на ты» 25-го августа: «ну тебя... дай-ко лучше покурить», но, встрѣтивъ мой взглядъ, онъ сильно сконфузился, потупилъ взоръ и видимо затруднился, какъ весть себя дальше. Когда же я во всеуслышаніе замѣтилъ бывшему со мною молодому врачу, что — будь Ф. И. дѣйствительно сумасшедшій, — онъ въ данную минуту не сконфузился бы, испытуемый окончательно растерялся, на глазахъ его навернулись слезы, онъ молча отошелъ въ сторону и отвернулся лицемъ къ стѣнѣ. — Наконецъ, привожу слѣдующій характерный эпизодъ. Однажды въ разговорѣ съ испытуемымъ (это было 30-го августа) я вдругъ сказалъ ему, что въ его положеніи притворствомъ можно себѣ скорѣе повре-

дить, чѣмъ помочь; Ф. И. при этомъ такъ смутился, что заплакалъ и тихимъ голосомъ робко спросилъ меня — «какъ-же мнѣ оправить себя».

Послѣ 10-го сентября Ф. И. уже не изображалъ изъ себя остраго больнаго, почему и былъ изъ отдѣленія буйныхъ больныхъ возвращенъ въ арестанскія палаты. Съ этого времени онъ велъ себя тихо и прилично, отвѣчалъ на вопросы разумно, не натиралъ себѣ лица (краснота кожи на носу и щекахъ у него за это время уменьшилась), но все таки сравнительно много валялся въ постели, вслѣдствіе чего (при хорошемъ питаніи и отличномъ снѣ) обнаружилъ наклонность полнѣть. Единственная особенность, замѣчаемая за нимъ за это время, состояла въ томъ, что иногда онъ (въ присутствіи надзирателя и помощниковъ послѣдняго, но не при мнѣ) подходилъ къ окну и молча дѣлалъ (минуту, двѣ) руками жесты по направленію къ улицѣ, при чемъ случалось, что онъ что-то шепталъ или изображалъ на лицѣ своемъ улыбку; спрошенный, что сіе означаетъ, испытуемый отвѣчалъ: «такъ, ничего...» или «собакъ считаю». Во второй половинѣ ноября эти выходки стали болѣе рѣдкими и къ началу декабря совершенно прекратились. Въ настоящее время въ поведеніи испытуемаго ничего страннаго не наблюдается.

§ 4. Я считаю Ф. И. симулянтомъ на основаніи слѣдующаго:

a) Пока Ф. И. не успѣлъ свыкнуться съ больничнымъ режимомъ и присмотрѣться къ окружающимъ его лицамъ (между которыми имѣется достаточно сумасшедшихъ), онъ не представлялъ собою ничего особеннаго. Равнымъ образомъ всѣ странности Ф. И. исчезли какъ разъ съ того дня, когда я ему объявилъ (умышленно раньше времени), что отчетъ о немъ отосланъ въ судъ.

b) Объективно Ф. И. все время ничего болѣзненнаго

не представлялъ, за исключеніемъ acne rosacea на лицѣ и увеличенной печени. Даже въ періодъ его «бунтованія» я не могъ констатировать у него приливовъ крови къ мозгу или вообще разстройствъ въ сосудодвигательной сферѣ.

c) Всѣ ночи, за исключеніемъ двухъ, трехъ, Ф. И. спалъ достаточно и даже много и почти каждый день спалъ кромѣ того днемъ. Его настойчивыя увѣренія, что онъ постоянно не спитъ по ночамъ рѣшительно противорѣчатъ истинѣ.

d) Въ періодъ своего «бунтованія» Ф. И. шумѣлъ и двигался не болѣе двухъ часовъ подъ рядъ и видимо уставалъ («умаялся» — иногда заявлялъ онъ самъ). Дѣйствительные же больные въ теченіи мѣсяцевъ могутъ буйствовать большую часть сутокъ, не приходя отъ этого въ видимое утомленіе.

e) Ф. И. старался буйствовать именно при надзирателѣ и его помощникахъ и непрѣменно успокоивался въ то время, когда могъ думать, что за нимъ никто не наблюдаетъ. Въ присутствіи же врача онъ обыкновенно не начиналъ буйствовать. Кромѣ того онъ обнаруживалъ живой и слишкомъ видимый интересъ къ тому, какъ относится къ его поведенію врачъ. Дѣйствительно больные не заботятся о мнѣніи окружающихъ и держатъ себя одинаково въ присутствіи наблюдателей и безъ оныхъ.

f) Чтобы поддѣлать приливъ крови къ головѣ, Ф. И. въ то время, когда я являлся къ нему въ одни и тѣ же часы дня, передъ моимъ приходомъ нарочно держалъ голову низко, для того, чтобы лице у него покраснѣло. Кромѣ того онъ намѣренно натиралъ себѣ глаза, носъ и щеки до красноты, а перестаравшись, однажды, растеръ себѣ носъ до опухоли.

g) Случалось, что Ф. И., неожиданно приведенный въ

смущеніе, весьма не двусмысленно обнаруживалъ мнѣ свое рѣшительное намѣреніе »оправить себя«. Стараніями, обдуманно направленными къ оправкѣ себя, поведеніе Ф. И. въ больницѣ мотивируется совершенно достаточно.

h) Заставая иногда Ф. И. на самомъ буйствѣ, я прямо убѣдился, что состояніе испытуемаго съ состояніемъ больныхъ въ острыхъ случаяхъ сумасшествія не имѣетъ ничего общаго. По наукѣ и по практикѣ я не вижу возможности насчитать больше шести различныхъ состояній психическаго безпокойства.

1) Меланхолическое безпокойство (raptus melancholicus) есть ничто иное какъ рефлекторное обнаруженіе болѣзненной тоски; сюда подвести безпокойство Ф. И. едва ли кто рискуетъ.

2) Безпокойство маніакальное; отъ него дѣланное безпокойство Ф. И. достаточно отличается отсутствіемъ аффективности и отсутствіемъ ускореннаго теченія представленій, видимымъ недостаткомъ изобрѣтательности у Ф. И., инертностью его фантазіи. Кромѣ того, движенія безпокоившагося Ф. И. не носили на себѣ того характера рефлекторности и автоматичности, который свойственнъ движеніямъ маніака (подвижность маніака есть прямой результатъ органическаго раздраженія психомоторной области головномозговой коры), но являлись движеніями умышленными и направленными къ опредѣленной цѣли (т. е. сознательными или даже обдуманными дѣйствіями).
3) Безпокойство при острой формѣ первично-бредоваго психоза (paranoia acuta et subacuta) всегда соединено съ разстройствомъ процесса воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній или, по крайней мѣрѣ, съ рѣзкимъ ослабленіемъ вниманія къ окружающему. Напротивъ того, у Ф. И. способность внѣшняго воспріятія всегда оставалась не-

измѣненною; онъ усиленно слѣдилъ вниманіемъ за всѣмъ, что его окружало и старался не терять изъ виду ничего изъ того, что, по его мнѣнію, могло имѣть значеніе для него. Далѣе, всѣ болѣе острыя состоянія первично-бредоваго сумасшествія или параной и характеризуются примарнымъ возбужденіемъ дѣятельности чувственнаго представленія и мысли, а также усиленною работою умозаключающаго аппарата души; у Ф. И. не было же ничего подобнаго и нормальная для него подвижность его мысли и фантазіи была даже прямо очевидною. Кромѣ того, при паранойѣ (не только галлюцинаторный, но и простой) бредъ весьма характеренъ и состоитъ изъ смѣси (въ разной пропорціи) ложныхъ идей преслѣдованія и величія. У Ф. И. настоящаго же бреда вовсе не было, ибо бредъ есть прежде всего болѣзненное ложное убѣжденіе, а тѣ безсвязныя рѣчи, которыя Ф. И. старался выдать за бредъ (см. предъидущій §) суть ничто иное какъ умышленно безсвязный наборъ словъ. Правда, рядъ словъ или фразъ безъ тѣни общаго смысла можно слышать у лицъ страдающихъ умственнымъ разстройствомъ много лѣтъ и потому пришедшихъ къ состоянію полнаго безумія (amentia secundaria, а по старому обозначенію mania universalis), но такія лица совсѣмъ утратили способность устанавливать между своими представленіями апперцептивную связь. Напротивъ у Ф. И. въ ходѣ его ассоціацій взаимное отношеніе между ассоціативными и апперцептивными сочетаніями представленій такое же, какъ у нормальнаго человѣка. Прибавлю еще, что въ свѣжихъ случаяхъ сумасшествія бредъ, не имѣя здраваго смысла, не лишенъ смысла вообще и кромѣ того всегда представляетъ характеръ аффективности и имѣетъ самое тѣсное отношеніе къ новѣйшимъ внутреннимъ интересамъ субъекта.

Что касается до галлюцинаторнаго безпокойства, то оно есть подвидъ безпокойства параноическаго.

4) Состоянія возбужденія эпилептическаго свойства характеризуются сильнымъ помраченіемъ сознанія, рѣзкимъ разстройствомъ процесса воспріятія и отсутствіемъ воспоминанія за время приступа. У Ф. И. сознаніе же не помрачалось, процессъ воспріятія не разстраивался, вниманіе не только не терялось, но скорѣе обыкновенно было напряженнымъ; пробѣловъ въ воспоминаніи у него тоже не имѣется.

5) Безпокойство при вторичномъ безуміи (dementia secundaria) есть скорѣе видимое, чѣмъ дѣйствительное, ибо оно происходитъ вслѣдствіе отпаденія задерживающихъ моментовъ. У дементика всякое чувственное воспріятіе, всякое возникшее въ мозгу (обыкновенно ассоціативнымъ, а не апперцептивнымъ путемъ) представленіе наклонно рефлектироваться наружу.

6) Къ послѣдней категоріи я отношу всѣ состоянія возбужденія, не имѣющія характера самостоятельности' но бывающія при разныхъ органическихъ пораженіяхъ головнаго мозга; здѣсь на первомъ планѣ будутъ стоять симптомы органическаго мозговаго страданія (которыхъ у Ф. И. нѣтъ), какъ-то: разстройства чувствительности, дрожаніе, конвульсіи, параличи, разстройство рѣчи, измѣненія въ зрачкахъ.

Не желая быть невѣрно понятымъ, я долженъ выставить на видъ слѣдующее. Я не придаю большаго значенія тому обстоятельству, что протекшая въ больницѣ фиктивная болѣзнь Ф. И. не подходитъ ни подъ одну изъ извѣстныхъ клиническихъ формъ душевнаго разстройства. При полиморфности психическаго разстройства (которую я, впрочемъ, не намѣренъ преувеличивать) судебно-медицинская практика всегда можетъ представить намъ

случай дѣйствительнаго сумасшествія, гдѣ болѣзнь и ея теченіе, т. е. комбинація и послѣдовательность отдѣльныхъ симптомовъ, не таковы какъ въ изученныхъ до сего времени клиническихъ формахъ умопомѣшательства. Тѣмъ не менѣе и новая, нигдѣ еще неописанная форма душевнаго страданія можетъ представить собою ничто иное, какъ лишь новую комбинацію или новый порядокъ послѣдовательности элементарныхъ психопатологическихъ состояній, возможное число которыхъ весьма ограничено и надо полагать, что они всѣ извѣстны уже теперь (тѣмъ болѣе, что въ отдѣльности они въ нашемъ опытѣ почти никогда не даются, а суть плодъ научной абстракціи). Такимъ образомъ, въ вышеизложенномъ я не проводилъ дифференціальной діагностики между состояніемъ Ф. И. и клиническими формами умопомѣшательства, но прямо указалъ, что безпокойство Ф. И. не похоже ни на одинъ изъ возможныхъ видовъ безпокойства при дѣйствительномъ уморазстройствѣ.

§ 5. Симуляція сама по себѣ не исключаетъ душевнаго разстройства. Въ практикѣ иногда встрѣчаются комбинаціи симуляціи съ хроническимъ сумасшествіемъ, равно какъ и со слабоуміемъ природнымъ или пріобрѣтеннымъ. У Ф. И., по исключеніи явленій несомнѣнно симулированныхъ или по меньшей мѣрѣ весьма сомнительныхъ, на долю дѣйствительнаго сумасшествія, остраго или хроническаго, ничего не остается. Слабоумія природнаго здѣсь нѣтъ: Ф. И. хорошо учился въ школѣ, знаетъ грамоту и отчасти ариѳметику и съ молодыхъ лѣтъ занимался, помимо домашняго хозяйства, торговлею въ винной и мелочной лавкѣ; всѣ его знали за человѣка толковаго и другіе крестьяне относились къ нему уважительно. На вопросъ же, не ослабли-ли умственныя способности Ф. И. отъ излишняго употребленія

спиртныхъ напитковъ или отъ протекшей душевной болѣзни (если предположить, что таковая у обвиняемаго дѣйствительно была) даютъ отвѣтъ результаты моего послѣдняго подробнаго изслѣдованія Ф. И. въ день 9-го ноября (здѣсь видно состояніе обвиняемаго послѣ его болѣзни, по моему мнѣнію, притворной).

Ф. И. былъ въ теченіи этого изслѣдованія вѣжливъ и приличенъ, разговаривалъ охотно и разсудительно, сообщилъ мнѣ достаточно обстоятельныя свѣдѣнія о своей прежней жизни, оказался помнящимъ все, что происходило съ нимъ прежде, а также и все то, чему его учили въ школѣ. Онъ порядочно читаетъ; можетъ разсказать своими словами прочитанное, если взять коротенькій разсказецъ или отрывокъ не изъ мудреной книги. Умѣетъ писать. Знаетъ всѣ четыре правила ариѳметики, помнитъ всѣ тѣ молитвы, которыя зналъ прежде. Съ деньгами обращается ловко и умѣло, пересчитываетъ мелкую монету быстро и вѣрно. Въ разговорѣ обнаруживаетъ достаточное пониманіе условій жизни и своей роли въ ней. Такимъ образомъ, ослабленія дѣятельности собственно интеллектуальной здѣсь признать нельзя. Къ рѣзкому слабоумію приводитъ лишь многолѣтнее пьянство, обвиняемый-же слишкомъ молодъ для того, чтобы быть очень давнимъ пьяницею. Впрочемъ, первую степень алкогольнаго слабоумія, выражающуюся въ тупости нравственнаго чувства, можно принять въ данномъ случаѣ на томъ основаніи, что Ф. И., убивъ свою жену, не чувствуетъ, повидимому, ни малѣйшаго угрызенія совѣсти, ни малѣйшаго сожалѣнія о своей жертвѣ. Онъ всецѣло занятъ внутренно тѣмъ, чтобы «оправить» себя и стараній въ этомъ направленіи еще не вполнѣ оставилъ. Такъ въ день 9-го ноября, будучи объективно совсѣмъ нормаленъ и давая о себѣ отвѣты какъ слѣдуетъ, онъ

временами (какъ бы вдругъ спохватившись) пробовалъ представиться непомнящимъ нѣкоторыхъ фактовъ своего прошлаго; равнымъ образомъ, правильно сказавъ въ разбивку почти всю таблицу умноженія онъ, послѣ того, какъ уже говорилъ 7×7=49, 8×9=72 и 6×7=42, на повторный вопросъ чему равно 7×7, вдругъ (и видимо нарочно) началъ утверждать, что 7×7=35. При дальнѣйшемъ-же ходѣ изслѣдованія оказалось, что онъ удовлетворительно помнитъ и тѣ факты, относительно которыхъ четверть часа тому назадъ отговаривался запамятованіемъ. Будучи спрашиваемъ объ обстоятельствахъ своего преступленія онъ пробѣловъ въ воспоминаніи хотя бы относительно короткой части дня 15-го января не обнаружилъ, но весьма сильно подчеркивалъ то обстоятельство, что былъ психически разстроенъ за годъ до преступленія, при чемъ (въ противность даннымъ предварительнаго слѣдствія) настаивалъ, что и въ 1888 году онъ не былъ здоровѣе, чѣмъ въ 1887 году. Равнымъ образомъ, онъ видимо преувеличивалъ свою приверженность къ спиртнымъ напиткамъ и говорилъ (несогласно съ показаніями свидѣтелей), что и въ день преступленія и наканунѣ онъ былъ сильно пьянъ («едва на ногахъ стоялъ»).

Симуляція Ф. И. слабоумія вовсе не показываетъ и скорѣе можетъ служить доказательствомъ предпріимчивости обвиняемаго и настойчивости въ его характерѣ. Притворяться сумасшедшимъ ловчѣе, чѣмъ это дѣлалъ Ф. И., для малограмотнаго крестьянина, ни теоретически, ни практически съ проявленіями умственнаго разстройства незнакомаго,—трудно. Если Ф. И. смущался при надлежащей постановкѣ вопросовъ и такъ сказать выдавалъ себя, то это происходило не отъ глупости обвиняемаго, а отъ того, что послѣднему, какъ человѣку мало

развитому невозможно было приготовиться ко всякимъ неожиданностямъ; съ другой стороны, способность быть сконфуженнымъ можетъ лишь служить относительно Ф. И. доказательствомъ, что онъ еще новичекъ въ искусствѣ обманывать.

§ 6. Наслѣдственнаго предрасположенія къ душевнымъ болѣзнямъ у обвиняемаго, сколько извѣстно, не имѣется, но мать его страдала въ молодости какими то нервными припадками (л. слѣд. 25 об.). Дѣдъ и отецъ обвиняемаго были здоровы, но оба привержены къ спиртнымъ напиткамъ, при чемъ отецъ въ молодости однажды допьянствовался до бѣлой горячки (я имѣлъ случай въ больницѣ лично объясняться съ отцемъ обвиняемаго и получилъ отъ него нужныя для меня свѣдѣнія). Самъ обвиняемый всегда былъ здоровъ, толковъ, расторопенъ, общителенъ, въ жизни отличался практичностью. Выучившись грамотѣ онъ съ 18 лѣтъ торговалъ въ деревнѣ С-но въ винно-мелочной лавкѣ, занимался, кромѣ того, домашнимъ хозяйствомъ и производилъ мелкія торговыя операціи, главнымъ образомъ по порученію своего отца. Отецъ обвиняемаго жилъ въ деревнѣ Н-кѣ и имѣлъ тамъ также лавку. Ф. И. женился 20-ти лѣтъ отъ роду и, какъ говорятъ свидѣтели, долгое время жилъ съ женою мирно. Самъ обвиняемый утверждаетъ, что давно уже подверженъ постоянному злоупотребленію спиртными напитками въ особенности водкою и ромомъ, и этому можно повѣрить въ виду того, что, несмотря на сравнительно молодой возрастъ, у обвиняемаго имѣются нѣкоторые физическіе признаки хроническаго алкоголизма (acne rosacea, увеличенная печень). Показаніями родственниковъ обвиняемаго и другихъ свидѣтелей установлено, что въ зиму 1886—87 года обвиняемый былъ не совсѣмъ въ здравомъ умѣ. Онъ сдѣлался крайне раздражителенъ, полу-

чилъ отвращеніе къ своей женѣ, началъ съ нею ссориться, укорять ее никогда не существовавшими любовниками, и одно время не признавалъ своимъ рожденнаго ею ребенка. Въ припадкахъ раздраженія Ф. И. кидался бить жену, при чемъ доставалось и постороннимъ лицамъ, если они пробовали за нее вступиться. Изъ словъ отца видно, что Ф. И. и на него разъ или два набрасывался съ поднятыми кулаками. Самъ Ф. И. въ зиму 1886—87 г. жаловался, что временами онъ бываетъ забывчивъ, чувствуетъ головокруженіе, не понимаетъ или не помнитъ того, что дѣлаетъ. Кромѣ того онъ тогда сообщалъ однодеревенцамъ, что страдаетъ головною болью, чувствуетъ боль въ области сердца и тоску. Въ ту же зиму одинъ свидѣтель видѣлъ, какъ въ Уствѣ на постояломъ дворѣ Ф. И., совершенно трезвый, продѣлывалъ надъ кошкою такія непозволительныя штуки, какія человѣкъ въ здравомъ умѣ ни за что дѣлать не станетъ (л. 17 об.). Домашніе, желая излѣчить Ф. И. отъ приступовъ болѣзненнаго раздраженія и тоски, заказывали молебны, возили Ф. къ знахарямъ, и въ январѣ 1887 года свозили его въ г. Кронштадтъ къ священнику о. Іоанну. Послѣ поѣздки въ г. Кронштадтъ Ф. быстро поправился и съ тѣхъ поръ никто изъ домашнихъ однодеревенцевъ и стороннихъ лицъ не замѣчалъ въ Ф. И. ничего ненормальнаго.

По тѣмъ признакамъ, которыми выражалась непродолжительная болѣзнь обвиняемаго, должно признать, что зимою 1886—87 года у Ф. И. начиналось алкоголическое уморазстройство съ предсердечною тоскою и ложными идеями о невѣрности жены (melancholia alcoholica) (шутки съ кошкою очень хорошо характеризуютъ оттѣнокъ остраго слабоумія, вообще присущій алкоголическимъ психозамъ). Но Ф. И. быстро излѣчился отъ этой

болѣзни, вѣроятно потому что послѣ поѣздки къ о. Іоанну сталъ меньше пить. Съ масляницы 1887 года, какъ по всему видно, обвиняемый совершенно здоровъ.

§ 7. Непосредствнно передъ днемъ преступленія Ф. И. ни малѣйшихъ ненормальностей не обнаруживалъ. Наканунѣ дня 15-го января 1888 года обвиняемый ѣздилъ въ деревню Озерешно, купилъ тамъ корову (при чемъ изъ 35 рублей выторговалъ 10 р.) и привелъ ее съ собою, захвативъ и прежняго хозяина коровы крестьянина Ал. Гр.; послѣдній ночевалъ у Ф. И., ничего ненормальнаго въ Ф. не видалъ и ничего непріязненнаго въ отношеніяхъ между Ф. и его женою, Федосьею, не замѣтилъ. Утромъ 15-го января (пятница и не праздникъ) и Ф. и жена его казались веселыми, Ф. И. разсчитался съ Гр., предложивъ ему завтракъ и выпилъ съ нимъ «литки» («стаканчикъ, а можетъ и другой», л. 8). но пьянъ не былъ. Около середины дня Ф. И. пригласилъ свою жену въ холодную половину избы (для супружескихъ отправленій), но скоро оттуда пришелъ къ своей матери и попросилъ послѣднюю идти посмотрѣть, что онъ надѣлалъ. Въ холодной избѣ оказался трупъ задушенной Федосьи И., еще не успѣвшій остыть. Свидѣтелей преступленія не было. Самъ обвиняемый объяснилъ (л. 11) слѣдователю такъ: въ холодной избѣ, поваливъ жену на кровать, онъ собирался приступить къ половому акту, но Федосья его вдругъ оттолкнула, вскочила съ кровати и начала ругаться, упрекая его, что онъ связывается съ распутными женщинами и имѣлъ на сторонѣ любовницу; при этомъ вцѣпилась мужу въ лице, расцарапавъ послѣднее до крови. Придя въ ярость, Ф. И. кинулся на жену и сталъ ее душить руками. Замѣтивъ, что лице Федосьи потемнѣло, онъ оставилъ свою жертву и, испугавшись содѣяннаго, выбѣжалъ на дворъ и короткое

время «бѣгалъ тамъ какъ шальной», потомъ пошелъ къ матери и заявилъ ей о содѣянномъ. По словамъ матери обвиняемаго Федосья была вздорнаго характера, всячески обзывала мужа и упрекала его всякой всячиной (л. 8). Самъ обвиняемый пояснилъ мнѣ, что жена ругала его главнымъ образомъ изъ ревности, ибо онъ не избѣгалъ общества веселыхъ женщинъ; кромѣ того Федосья неосновательно подозрѣвала его въ любовной связи съ одною изъ родственницъ ея, Федосьи И., крестьянкою Марьею Николаевою. Съ Рождества 1886 года, жена стала ему противною, и онъ указывалъ мнѣ на это обстоятельство, приводя его въ непосредственную связь со своимъ душевнымъ разстройствомъ въ зиму 1886—87 г. По словамъ обвиняемаго за послѣдній годъ ему не разъ «случалось въ душѣ молиться, чтобы Богъ ее скорѣе прибралъ». Это обстоятельство я привожу вовсе не для того, чтобы набросить на дѣло Ф. И. тѣнь предумышленія (обстановка преступленія предумышленности не показываетъ), но лишь въ виду слѣдующаго психологическаго соображенія: на ненавистнаго человѣка легче, чѣмъ на человѣка любимаго, раздражиться до такой степени, чтобы начать душить его за горло.

§ 8. Остается обсудить самое главное: находился-ли обвиняемый при совершеніи своего дѣянія въ аффектѣ, не выходящемъ изъ границъ физіологическихъ (т. е. въ запальчивости или гнѣвномъ раздраженіи) или же былъ онъ тогда въ аффектѣ патологическомъ (т. е. въ умоизступленіи).

Съ одной стороны должно имѣть въ виду слѣдующее. Долгое злоупотребленіе спиртными напитками, разстраивая нервную систему, дѣлаетъ человѣка весьма раздражительнымъ и наклоннымъ впадать какъ въ физіологическіе аффекты запальчивости и гнѣва, такъ и въ умо-

изступленіе. У обвиняемаго имѣются нѣкоторые изъ физическихъ признаковъ хроническаго алкоголизма. Въ зиму 1886—87 г. Ф. И. въ теченіи 2—3 мѣсяцевъ находился въ состояніи либо тождественномъ, либо весьма близкомъ къ подъострымъ умственнымъ разстройствамъ пьяницъ и въ то время неоднократно впадалъ въ приступы болѣзненной ярости, граничащей съ умоизступленіемъ. Отвращеніе обвиняемаго къ женѣ, если это обстоятельство будетъ установлено, можетъ быть имѣетъ патологическое происхожденіе, ибо на появленіе чувства отвращенія къ женщинѣ прежде любимой можно взглянуть, какъ на психическое обнаруженіе хроническаго алкоголизма.

Съ другой стороны, нельзя оставить безъ вниманія нижеслѣдующее. Около года Ф. И. никакихъ признаковъ душевнаго разстройства не проявлялъ и ничѣмъ не отличался отъ человѣка здороваго (если не имѣть въ виду вышеупомянутаго отвращенія къ женѣ, такъ какъ это— пунктъ спорный и допускающій различныя объясненія). Приступовъ раздраженія у него за это время не было. Въ теченіи полугодоваго наблюденія въ больницѣ св. Николая Чудотворца онъ не только ни разу не раздражался, но и ничѣмъ не подалъ повода считать себя субъектомъ раздражительнымъ. Не только психическихъ, но и просто нервныхъ симптомовъ хроническаго алкоголизма наблюденіе въ больницѣ у обвиняемаго не открыло. Если, несмотря на все это, мы (на основаніи свѣдѣній изъ прошлаго обвиняемаго) примемъ, что въ данномъ случаѣ аффектъ, выразившійся въ преступленіи, имѣлъ мѣсто на патологической почвѣ, то все таки не получимъ умоизступленія, ибо патологическая почва (нервозность, болѣзненная раздражительность), предрасполагаетъ къ аффектамъ вообще и не исключаетъ возможности аффекта физіологическаго. Болѣзненный аффектъ (умоизступленіе)

по наукѣ представляетъ, по сравненію съ физіологическимъ аффектомъ, извѣстныя особенности, а именно: a) на высшей точкѣ патологическаго аффекта сознаніе разстраивается настолько, что соотвѣтственно этому времени получится пробѣлъ въ воспоминаніи; b) реакція на преступленіе, содѣянное въ припадкѣ умоизступленія, отличается своеобразностью: человѣкъ относится къ своему дѣлу ненормально равнодушно, почти какъ къ дѣлу другаго лица и самый припадокъ умоизступленія, если не всегда, то весьма часто оканчивается глубокимъ сномъ (изъ котораго человѣкъ пробуждается, ничего не помня о содѣянномъ); c) актъ преступленія при состояніи явнаго умоизступленія почти всегда отличается излишнею жестокостью, которая даже одна можетъ навести на мысль, что преступленіе совершено въ исключительномъ психическомъ состояніи; d) если допускать случаи умоизступленія вышеуказанныхъ признаковъ не представляющіе, то для того чтобы распознать умоизступленіе, нужно, по меньшей мѣрѣ, констатировать несоотвѣтствіе повода къ аффекту съ получившимся результатомъ, или показать аномально большую напряженность и длительность состоянія запальчивости и раздраженія. Что касается до Ф. И., то состояніе его во время совершенія преступленія признаковъ *a*, *b*, *c* не представляетъ.
не могъ констатировать у него пробѣловъ въ воспоминаніи; самъ онъ тотчасъ послѣ преступленія на безпамятство не ссылался, а слѣдователю сообщилъ, даже съ большою обстоятельностью, какъ происходило дѣло. Если онъ испугался, увидавъ, что Федосья «почернѣла», и убѣжалъ на дворъ «какъ шальной», то это есть скорѣе нормальная реакція на неожиданно совершенное убійство. Ненормально большой длительности аффекта у Ф. И. не было, ибо когда онъ, задушивъ жену, пошелъ къ матери,

онъ былъ уже не въ аффектѣ. Чрезвычайную напряженность аффекта здѣсь можно допустить не иначе, какъ вообще отвергнувъ возможность аффективнаго совершенія убійства внѣ состояніи умоизступленія. Наконецъ, несоотвѣтствія повода съ результатомъ я здѣсь не вижу; на мой взглядъ, поводъ здѣсь достаточно вѣсокъ: неожиданное оскорбленіе не только словами, но и дѣйствіемъ (оцарапаніе лица) и притомъ внезапно полученное въ такой моментъ (моментъ передъ самымъ началомъ половаго акта), когда не только оскорбленіе со стороны предмета ласкъ, но и простая помѣха можетъ привесть страстнаго, но совершенно здороваго, человѣка въ ярость.

§ 9. Результаты моего изслѣдованія умственнаго состоянія крестьянина Ф. И. кратко могутъ быть выражены такъ.

I. Въ настоящее время Ф. И. къ числу сумасшедшихъ либо безумныхъ не принадлежитъ. Замѣтнаго ослабленія дѣятельности собственно интеллектуальной (т. е. слабоумія) у него тоже не видно.

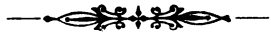
II. Приблизительно за годъ до преступленія Ф. И., вслѣдствіе пьянства, былъ близокъ къ сумасшествію, но скоро вполнѣ выздоровѣлъ; въ январѣ 1888 года онъ не былъ разстроенъ психически.

III. Психическое состояніе Ф. И. при совершеніи послѣднимъ убійства жены, насколько это состояніе выяснено данными предварительнаго слѣдствія, признаковъ явнаго умоизступленія (и безпамятства) не представляетъ, несмотря на то, что болѣзнь, которою страдалъ два, три мѣсяца Ф. И. въ зиму 1886—87 года, была именно болѣзнію, весьма предрасполагавшею къ припадкамъ умоизступленія.

IV. Вполнѣ признавая трудность сдѣлать въ пограничныхъ случаяхъ вѣрное распознаваніе между аффек-

томъ физіологическимъ и аффектомъ патологическимъ, я болѣе склоненъ видѣть въ данномъ случаѣ не умоизступленіе, а аффектъ гнѣвной запальчивости, причинившій смертоубійство въ зависимости отъ нѣкоторыхъ случайныхъ условій, какъ-то: a) неожиданность полученія оскорбленія (словами и дѣйствіемъ); b) моментъ передъ самымъ началомъ половаго акта, когда человѣкъ и въ предѣлахъ физіологіи усиленно предрасположенъ къ аффектамъ.

С.-Петербургъ, 5-го января 1889 года.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Къ вопросу о формулированіи въ новомъ Уложеніи о Наказаніяхъ статьи объ условіяхъ вмѣненія . . . 1

Особое мнѣніе В. Х. Кандинскаго, читанное въ засѣданіи Общества Психіатровъ 18-го февраля 1883 г. . . 7

Формулировка редакціи 36-ой ст., предложенная В. Х. Кандинскимъ 32

Положенія въ защиту психологическаго критерія . . 35

II. Медицинскія заключенія о состояніи умственныхъ способностей испытуемыхъ, порученныхъ наблюденію В. Х. Кандинскаго.

I. Случай сомнительнаго душевнаго состоянія передъ судомъ присяжныхъ (дѣло дѣвицы Юліи Губаревой) . 43

II. Случай отставнаго прапорщика Александра К. . . 127

III. Случай отставнаго рядоваго Степана Ш. 141

IV. Случай Т.—Ѳ. 151

V. Случай Маріи ф. Бр. 170

VI. Случай крестьянина Евграфа В. 187

VII. Случай крестьянина Николая К. 201

VIII. Случай крестьянина Ф. И. 213